

НОВОЕ ВРЕМЯ

Литовский
синдром:
вокруг
одни агенты

июнь 1992

24

Индекс 70621

Референдум

Путь
к сердцу
избирателей
лежит
через
желудок

ISSN 0137 - 0723

**В каждом
приличном доме
читают журнал**

«Видео-Асс»

Телефоны
Частного
издательского
дома
«Видео-Асс»:

291-04-63,
128-66-14,
118-89-55,
118-89-47.

Читайте в этом номере:

В РОССИИ И РЯДОМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>А. Дубнов</i> ВЛАСТЬ ПОДЕЛИЛИ. ЧТОБЫ НЕ ПОТЕРЯТЬ ?	4
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> ТОРГ НЕУМЕСТЕН	8
СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ <i>Л. Млечин</i> ЛИТОВСКИЙ СИНДРОМ: КРУГОМ ОДНИ АГЕНТЫ	18
НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ	
<i>М. Топаз, И. Бунин</i> ПРОБЛЕМА БОЛЬШОГО ВЕДРА	22

МИР

ИЗРАИЛЬ <i>А. Дубнов</i> «СУДЬБОНОСНЫЕ» ВЫБОРЫ: ПЕРЕВОД НА ИВРИТ	26
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ <i>Д. Згерский</i> НОСТАЛГИЯ ПО ВОЙНЕ	29
ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА <i>А. Дидусенко</i> В КАЖДОМ ДОМЕ ЕСТЬ СВОИ МЫШИ	30
ЭКОНОМИКА <i>Ю. Кудимов</i> КАК НАМ УКРЕПИТЬ РУБЛЬ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ	32
ИСПАНИЯ <i>С. Муравьев</i> ЗАБАСТОВКА КАК НОВЫЙ ВИД МНОГОБОРЬЯ	34

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ЭССЕ <i>А. Левинсон</i> ВВЕРХ ИДУТ ОДНИ СТАРИКИ	36
СУДЬБЫ <i>К. Исаков</i> «СОВЕТСКОЕ УЧИЛИЩЕ НЕ ГОТОВИТ ОФИЦЕРОВ БУНДЕСВЕРА»	40
СКАНДАЛ <i>Л. Млечин</i> НЕФТЕДОНОРЫ	42
МЛАДШИЙ МИР <i>С. Соловейчик</i> Я УЧУСЬ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ	43
ОБРАЗ ЖИЗНИ <i>Л. Миллер</i> ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕВШИ В АМЕРИКЕ	46
ПРЕССА <i>П. Гутионтов</i> ЛИМОНОВ ПРЕДЛАГАЕТ «ОПЫТ БЕЙРУТА»	57
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>В. Винниченко</i> ГОСПОДИН МИНИСТР	58
ТОЧКА ЗРЕНИЯ <i>И. Руденко</i> БОГАТЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ?	62
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>В. Ганюшкин</i> ПРИДИТЕ И КОРМИТЕ!	64

ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)

Владимир Шумейко стал вторым первым вице-премьером. Красные директора переходят в наступление. Сохранится ли курс на реформы? Стр. 4

Священные книги Торы и собственное государство сделали евреев израильянами Стр. 26

Советские дети 70 лет называли Ленина дедушкой, хотя он умер 54-х лет. Горбачев в этом возрасте считался «молодым» генсеком. Неужели один Брежнев сумел так состарить страну? Стр. 36

Главный редактор

**Александр
ПУМПИАНСКИЙ**

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора.

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Никита ЖОЛКВЕР,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора.

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь.

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Печатается в типографии
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д.7.

**Тираж 105000.
Заказ №2252.**

**Цена по подписке – 59 коп.,
в розницу – 2 руб.**

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Имя Сергея Парфенова – бывшего сотрудника рижского ОМОН – было символом оккупации Прибалтики советской империей. После обретения Латвией независимости Парфенова арестовали на территории России, где он скрывался, и перевезли в Ригу. Тогда некоторые обиженные граждане России встали на защиту омоновца. Теперь Сергей Парфенов стал гражданином России. Об этом факте свидетельствует справка, подписанная руководителем Консульской службы министерства иностранных дел Российской Федерации В.Виноградовым и заверенная

печатью № 5 Консульского управления.

В справке о гражданстве Парфенова указано, что родился он в Донецке. А следователь Вилма Улмаце, которая ведет уголовное дело Парфенова, утверждает, что во всех прежних документах значится другое место рождения – Рига.

Но латвийские власти, несмотря на перемену гражданства Парфеновым, не собираются выдавать его России. Они и впредь намерены призывать к ответственности людей, которые совершили преступление на

территории Латвии и находятся на нашей земле.

Иварс Розенбергс
Елгава, Латвия

■ Пишет вам инвалид Афганистана. Честно говоря, у меня нет надежды, что получу ответ на письмо. Ведь мы никому не нужны. Наше государство легко отправило меня на бойню, с которой я вернулся инвалидом, а сейчас ему трудно дать мне пенсию, на которую я смог бы прокормиться. Моя мизерная пенсия – это унижение человека, не по своей вине ставшего инвалидом. Вот за что мне обидно и горько! И никто не хочет протянуть руку помощи. Никому в этой стране нет до нас дела. Как будто нас здесь нет вообще. Не могу поехать на лечение в Москву – денег нет. А чтобы отправить в Афганистан, деньги нашлись! Даже гуманитарную помощь Красный Крест мне не дал. Не положено. Я, оказывается, мало пострадал: меня же не убили, я еще живой, а значит, ни в чем не нуждаюсь, хотя и инвалид III группы.

Михаил Линшиц
Ашгабад

■ Ваш журнал дал возможность высказаться господину Колядину из Ростовской области («Почта» №17/92).

Сопrotивления никто не оказал

■ В те далекие дни, когда еще ходили деревянные трамваи с болтающимися дверями, наблюдал я один, жуткий, на мой взгляд, случай. Ехали мы с сестрой в таком трамвае, остановился он в безлюдном месте и вошли в вагон два щупленьких мужичка с самодельными ножами и обчистили за несколько минут всех пассажиров...

Меня поразило не само ограбление: грабили в эпоху Сталина часто и безнаказанно. Поразила покорность пассажиров. А ехали с нами здоровенные розовощекие мужики, они могли бы этих бандитов просто-напросто ислечить. Но из полсотни пассажиров никто не оказал сопротивления.

Лишь через десятки лет нашел я объяснение случившемуся. Искривление нашего сознания началось еще в 1917 году и связано оно с утопией большевиков о создании нового человека. Они сразу же отучили нас от главного инстинкта – самозащиты. Ибо человек, привыкший защищать сам себя, мог бы противостоять и красному террору. Поэтому, если строителя

коммунизма грабят или насилуют, он должен обращаться только в милицию. Так нас сделали трусливыми и беззащитными.

Генетическому формированию нашего внутреннего страха перед шпаной помог и Макаренко с его коммунами. В тех городах, где были расположены такие коммуны, коммунары терроризировали все население. Резали здоровых мужиков, бесчинствовали не только в трамваях, но и на многолюдных базарах. Их боялись трогать: за убийство коммунара мужик получал вышку, а коммунара за убийство мужика – взбучку или перевод в другую коммуноу. Почему же компартия так бережно хранила этих ребят, уничтожая в тюрьмах миллионы достойных людей? Потому что у коммунаров уже была сформировавшаяся люмпенская душа, необходимая для нового коммунистического человека, живущего сегодняшним днем и не стремящегося к обогащению. Если коммунары выигрывали деньги в карты, он их тут же пропивал.

Мне в детстве приходилось видеть стадо ко-

Схватка быка со сталинским колхозником

Без коммунизма жить нельзя на свете, нет!

«Они» меня «достали», отказав в подписке на «НВ»

Надеюсь, его частное мнение о немецкой автономии, от которого попахивает дремучим невежеством и духом «общества Архангела Михаила», не может встретить понимания ни у одного демократа любой национальности.

Господину Колядину следовало бы заглянуть в проект Конституции Российской Федерации, где сказано: «Носителем суверенитета и единственным источником государственной власти РФ является ее многонациональный народ». Российские немцы — такой же равноправный народ Российского государства, как и все остальные, каждому из которых обеспечивается право не только на культурную автономию, но и на са-

моопределение в составе Российской Федерации.

Неоднократное заявление господина Колядина о том, что в принципе против немцев он ничего не имеет, а выступает только против автономии, ничего не меняет в его крайне странной позиции, осуществление которой может привести в конечном итоге к распаду единой и неделимой России.

Иван Кровевальд
Нижний Тагил

■ Итак, «они» меня «достали»! Не знаю, кто эти анонимные «они», но мне в «Союзпечати» отказали в подписке на «НВ» (на второе полугодие).

Я-то по наивности своей считала, что никакое повышение цен на журнал меня не остановит. Но вот «они» нашли другой путь... Я бы поняла такой «сепаратизм», если бы прекратили подписку и на другие российские издания. Но ведь это не так!

Я очень расстроена. Не будет нетерпеливого ожидания свежего журнала с его оригинальными обложками, с его высочайшим профессионализмом в анализе событий, интересными письмами читателей, с моей любимой «Женской логикой».

Но я не собираюсь сдаваться. Можно ли получать журнал бандеролями, прямо из редакции? Так я делала в прошлые годы, когда в Казахстане (да, наверное, и в России) «затор-

ров, которое переправляли паромом на другой берег. Как только паром доходил до середины реки, какая-то наиболее смелая корова бросалась в воду, а за ней — все остальные. Толкая друг друга и кувыркаясь, они падали в воду и многие сразу же тонули. Был случай, когда они унесли с собой и пастуха...

Так и человек, находясь постоянно в коллективе, становится исполнителем стадных законов, когда виновность отдельных преступников распространяется на все стадо, но найти конкретного виновника невозможно. Рядовые коммунисты говорят, что они не виноваты, а Егор Лигачев и ему подобные ссылаются на волеизъявление миллионов рядовых членов.

Кто же мы — трусы или беспринципные холуи? На мой взгляд, все-таки трусы, ибо боимся всех, даже хулиганов и пьяниц. Тоталитаризм отнял нашу честь. А у кого она осталась, тот выглядит нынче «белой вороной».

По поводу нашей трусости писал и А.Солженицын, рассказав, как в одном пересыльном пункте ГУЛАГа оказались пятеро заключенных-японцев. В многолюдной камере орудовали несколько блатных, командовали всеми,

отбирали пайки. И однажды японцы, сговорившись, напали на блатных и отделили их, как говорится, по-японски. Мы, русские, пишет Солженицын, с удовольствием смотрели, как японцы бьют наших. Советские узники были покорны бандитам, а японцы не смогли с этим смириться!

Помню забавный случай, как один деревенский мужик, убежав от разъяренного быка, укрылся в доме. Бык без труда разнес ветхий дом, но хозяина не нашел: тот укрылся в погребе. Сталинский колхозник не имел права держать дома ружье, и разъяренный бык мог терроризировать деревню несколько дней, пока из райцентра не приезжал вооруженный специалист.

Советского Союза уже нет, но советский человек остался. Цивилизованные страны рады нам помочь, лишь бы мы не разбрелись по всему миру. Ведь человек с расстроенной генетической системой сможет принести вреда не меньше, чем бешеный бык.

Лукман Закиров
Казань

«мозили» издания Прибалтики.

Т.Кобычева
Алма-Ата

■ Публикацией статьи Л.Васильева «Трагедия русских» (№ 9,10/92) вы продолжаете пропаганду антикоммунизма. Только соз-

данный Марксом научный социализм является действительно верной теорией. Все предыдущие разновидности социализма были утопиями. Васильев не прав, когда будущее человечества — коммунизм — выдает за миф и ставит под сомнение право наций на самоопределение. Без осуществления этого права невозможно развитие народов, а следовательно, и невозможно последующее осуществление интернационального объединения пролетариата в целях победоносного осуществления мировой социалистической революции. Все это не хотят понять ни национал-патриоты Молдовы, Грузии, Азербайджана, России, ни горе-публицисты типа Л.Васильева, полагающие, что великое будущее не за коммунизмом, а за буржуазной реальностью.

Аркадий Якимов,
экономист
Бендеры, Молдова

Подборку подготовила
Т.Чернова

Рисунок Евгения Стародубцева

Власть поделили. Чтобы не потерять?

За короткий срок Борис Ельцин назначил себе пять новых заместителей в правительстве, многих озадачив своими «странными» вкусами: трое из них — «генералы» госпромышленности

Аркадий Дубнов

Излюбленная тема газетчиков — гадать, сколько же продержится правительственная команда Гайдара, пожалуй, может считаться исчерпанной. Сегодня существует правительство, только частью которого является гайдаровская группа. Прессе остается изощряться в поисках дефиниций происходящего — появляются изящные эвфемизмы типа: «абалканизация правительства», «павловизация реформы»...

Включаясь в это соревнование, добавлю: в неготовности к таким массовым переселениям кабинетов на Старой площади вижу «перезашумейкистость» наших ожиданий от результатов VI Съезда народных депутатов России. Убаюканные своими же собственными комментариями к умиротворяющей речи президента при закрытии съезда, мы решили, было, что «недоизбиения» правительства Гайдара удалось уже добиться одним только обещанием ввести на пост вице-преьера Владимира Шумейко. Об обещании Ельцина укрепить правительство «специалистами-практиками», видно, уже как-то забыли.

Президент Российской Федерации, председатель правительства —
Б.Ельцин

Первые заместители председателя правительства

Е.Гайдар

Экономическая реформа

В.Шумейко

Производственный блок

Заместители председателя правительства

В.Махарадзе,

М.Полторанин,

Б.Салтыков,

А.Чубайс,

А.Шохин,

Г.Хижа,

В.Черномырдин,

Оперативное управление

Печать, информация

Социальная политика

Приватизация

Внешнеэкономические связи

Машиностроение

Энергетика

Ну вот нам и «практики»: Георгий Хижа, Виктор Черномырдин.

«Интуиция у него волчья...»

Теперь зададимся вопросом: там ли мы ищем причины столь, казалось бы, неожиданного «укрепления» президентом своего правительства? Говорят о склонности Ельцина к «внезапным поворотам своих политических взглядов», о «борьбе за самого Ельцина, как единственную пока в России реальную политическую силу, человека-партию». И поэтому, мол, «кого эта партия поддерживает, тот и контролирует ситуацию». Результатом борьбы за эту поддержку

и стали новые назначения вице-премьеров.

Такая схема кажется наглядной, но, как всякая схема, она умозрительна. Вспоминаются слова, сказанные о Ельцине ровно год назад, перед президентскими выборами, одним из его ближайших советников: «политическая интуиция у него поразительная, просто волчья». Это в объяснение неожиданного выбора Руцкого в качестве кандидата в вице-президенты. Вряд ли тогда кому-нибудь могло прийти в голову, что «партия» Руцкого ищет поддержки Ельцина. Скорее, наоборот. Уже тогда его заподозрили в «повороте политических взглядов». Но Ельцин остался Ельциным, и с Руцким его никто не путает. Да, это был «поворот», но продиктованный чутьем политика, безошибочно нацеленного на власть. Все остальные «повороты», как представляется, уже не столь интуитивно, сколько выверенно направлены на удержание власти, либо ее укрепление. Но, позволю предположить, не ради самой власти, а для достижения политических целей, без этой власти несуществимых.

Что касается Ельцина, как «единственно реальной политической силы», то согласиться можно с этим, если иметь в виду силу харизмы президента. Реальная, то есть экономическая, социальная и, если угодно, карательная сила на огромных российских просторах по-прежнему у промышленных феодалов, иначе говоря, у командиров производства, крупных ведомственных начальников, генеральных директоров...

Именно они хозяева городков и поселков, в которых их предприятие единственное, где может работать мужчина — кормилец семьи. Хозяин-барин, он близко, а Ельцин где?.. То-то же.

Спрашивается, понимает ли это президент? Кто сомневается, пусть вспомнит, из каких промышленных мини-империй состоит бывшая Свердловская область, где российский президент был партийным боссом.

Феномен российского кентавра

При этом нельзя отрицать, конечно, заинтересованности и промышленных феодалов в Ельцине. Но в поисках такого союза властных субъектов есть чисто российская специфика. Ее очень хорошо отразил комплексный социологический анализ, проводившийся в России ВЦИОМом под руководством Игоря Клямкина весной этого года. Исследования показали, что бытовавшее в последние годы представление о несовместимости интересов хозяйственной номенклатуры, технократического истеблишмента с

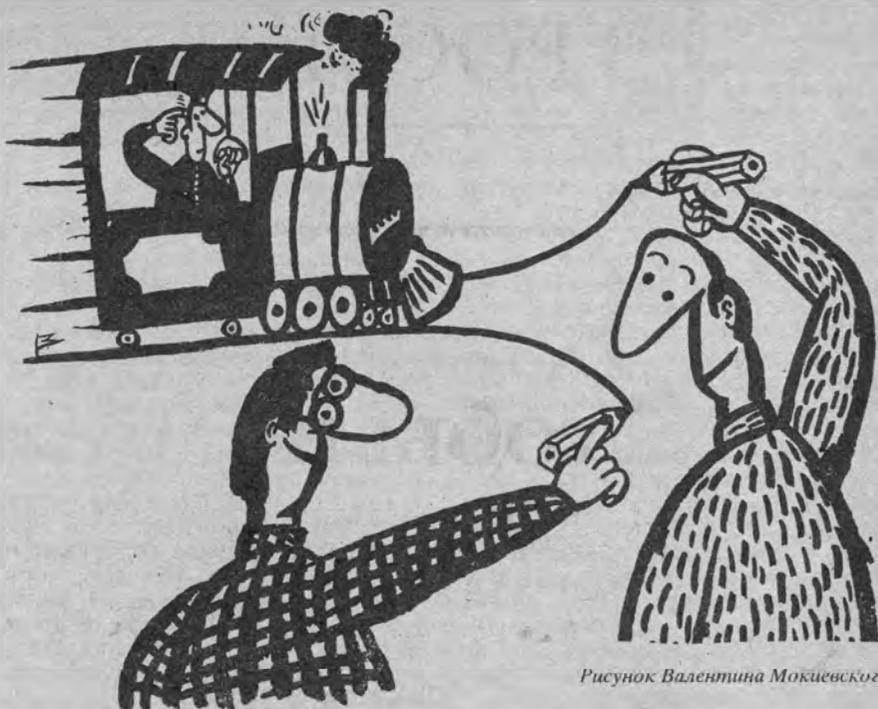

Рисунок Валентина Мокиевского

целями радикальной экономической реформы не отражают реальной картины. Промышленные «генералы» заинтересованы в реформе, но только в такой, которая делает их власть зависимой не от занимаемого ими административного кресла (всегда есть риск потерять его), а от права на собственность (пока только управляемой ими от лица государства) с предоставлением им в той или другой форме контрольного пакета акций на владение ею.

Именно поэтому, с одной стороны — глухое сопротивление реформам, поначалу неизвестно что обещавшим номенклатуре, с другой стороны — заинтересованность в Ельцине как сильном популистском лидере и гаранте реформ, так или иначе обязанных сделать их собственниками.

Без такого понимания действительности невозможно объяснить феномен возникновения нынешнего российского промышленника, эталона кентавра с головой, уже «проспешей» из социалистического уклада, но телом еще в нем завязшего.

А теперь представим, что эти командиры производства, прекрасно знающие свою силу, приходят к Ельцину, как это сделали нефтяные и газовые «бароны» России 23 мая, и говорят: сегодня мы еще своей властью удерживаем своих людей от забастовок и по-прежнему качаем нефть. Но если завтра не прекратятся попытки лишить нас права свободно продавать топливо за рубеж, то за последствия мы не отвечаем. Взбунтуются целые регионы.

Президенту не надо объяснять, что это значит. Экспорт нефти и газа по-прежнему обеспечивает основное поступление валюты в каз-

ну. Снижение добычи даже на 1 процент имеет катастрофические последствия. А остановить пока его не удается, по некоторым оценкам, в нынешнем году оно может упасть на 20 процентов.

«Классный менеджер» — наш вице-премьер

Свой интерес и у «баронов». Их монопольное владение отраслью ничуть не пострадало в результате ликвидации министерств — их место заняли концерны. «Газпром», до недавнего времени возглавлявший нынешним вице-премьером Черномырдиным, контролирует 95 процентов добычи газа в России. А бывший министр топлива и энергетики Владимир Лопухин неосторожно попытался разбить эту монополию, покушался и на сам «Газпром». А вместо того чтобы выдавать основным добытчикам лицензию на экспорт энергоресурсов, он предложил продавать их на аукционных конкурсах: получит тот, кто предложит наиболее выгодные условия государству. Стоит ли говорить, что отношения слишком «горячего» министра с хозяевами отрасли не сложились.

Тут и сработало знаменитое «политическое чутье» Ельцина. «Баронов» поменять не просто. Если только на «комиссаров», но такой опыт уже есть, а нефти может не быть. Проще принести в жертву одного министра.

Тем более что это может принести и политический капитал. Ведь Лопухин был в правительстве самым последовательным сторонником либерализации цен на энергоносители, «мавра, сделавшего свое дело», можно и убрать. На это место же поставить «их» человека с ре-

альной властью на местах. Ведь, как известно, власть — это не только пост, но и связи. А их у Черномырдина, еще «рыжковского» министра газовой промышленности СССР и члена ЦК КПСС (между прочим: в неписаной партийно-номенклатурной табели о рангах министру газовой промышленности, в отличие от нефтяной, отводилось место не выше кандидата в члены ЦК. Исключение было сделано для Черномырдина...), никто не отнимал. В том числе и с иностранными партнерами. Откуда, спрашивается, возникшее вдруг при назначении Черномырдина сообщение о миллиардах долларов, обещанных отрасли? Это сегодня-то, когда из-за 24 миллиардов западных кредитов поставлена на карту вся политика России. Надо думать, нашлись инвесторы, готовые «под Черномырдина» вложить эти миллиарды. Ведь он так хорошо раньше «откачивал» топливо на Запад, да и, по словам газеты «Труд», «за рубежом его считают менеджером мирового класса», и черномырдинский «Газпром» «успешно конкурировал на мировом рынке».

Сегодня действительно сложилась ситуация, когда стабилизировать положение в нефтегазовом секторе промышленности смогут только крупные частные инвестиции Запада. По словам представителей Всемирного банка (ВБ), до конца столетия для этого потребуется 27 миллиардов долларов, а вице-президент ВБ Талвиц считает, что сделать это можно будет только путем создания совместных предприятий. Для этого российскому правительству необходимо перевести предприятия нефтегазовой промышленности на коммерческую ос-

нову. В результате при разумном использовании своих природных ресурсов к началу будущего десятилетия Россия может превратиться из получателя иностранной помощи в ее донора.

С другой стороны, о выгоды сотрудничества в этой отрасли говорит и посол России в США Владимир Лукин.

В интервью «Крисчен сайенс мониторинг» он заявил, что будет заключен ряд крупных контрактов с западными нефтяными корпорациями, заинтересованными в эксплуатации российских нефтяных месторождений. «Ставки очень высоки, — подчеркнул он, — те, кто придут первыми, получат преимущества».

Так что поле деятельности для «менеджера мирового класса» Виктора Черномырдина, курирующего добычу российских энергоресурсов, — необъятно. Вопрос в том, в чьих интересах оно будет вспахиваться. Здесь и возникают сомнения, связанные с предыдущей деятельностью нового вице-премьера.

Расклад сил изменился

Замечательно, однако, будет, если этот «Газпром» не окажется замешанным в скандале, о котором поведала на днях другая газета, «Известия». Дело в том, что «успешной конкуренции на мировом рынке» в торговле нефтепродуктами еще одному монопольному концерну, «Роснефтепродукту», способствовал человек, преследуемый Федеральным бюро расследований США и Интерполом за вымогательство, махинации и злостный неплатеж налогов. Имя этого бизнесмена — Марк Рич. Товарооборот его концерна с советскими партнерами в

1989 году составлял почти 900 миллионов долларов, самого же Рича Интерпол включил в число самых опасных мошенников мира и объявил его розыск.

«Штука» же вся в том, что наряду с «Роснефтепродуктом» монопольное право на продажу энергоресурсов было предоставлено еще двум концернам: по нефти — «Союзнефтеэкспорту», а по газу — «Газпрому»... Грустно, если имя одного из руководителей нынешнего правительства, не запятнанного до сих пор нечистоплотными связями, станет исключением в его ряду.

Что же касается нелояльного, мягко говоря, поведения нового вице-премьера Черномырдина по отношению к российскому руководству 19 августа прошлого года, о чем хорошо знают в «Газпроме» и, надо понимать, сам президент, то это не смущает сегодня последнего. Мода на «охоту за ведьмами» прошла, да и расклад сил нынче не располагает к ней.

Последнее тому свидетельство — «высадка» в Москве еще одного дельтанта, на этот раз «баронов» от «оборонки». Делегация из 500 представителей предприятий военно-промышленного комплекса 28 мая была принята Хасбулатовым, добивалась встречи с Гайдаром, но не была принята, отчего, разумеется, в восторг не пришла. И наконец, на конференции в Академии Генштаба 31 мая «оборонщиками» было обнародовано Открытое письмо, где фактически правительству и парламенту был выставлен ультиматум: если в ближайшие недели не будут приняты экстренные меры по отношению к отрасли, через полтора-два месяца предприятия останутся. А это 10 миллионов занятых, а семьями — 30 миллионов.

Проблемы здесь более чем серьезные. Идет безудержный спад производства, программы конверсии не работают, рестройка финансовой системы и сдерживание кредитов привели к взаимным неплатежам в отрасли, по подсчетам ВПК, на сумму в 1 триллион 600 миллиардов рублей. Задержки в выдаче зарплаты достигают трех и более месяцев. Разваливается социальная инфраструктура вокруг предприятий, ведь она в основном на их бюджете.

Кризис вчера, а помощь завтра?..

«Оборонщики» пока не выставляют политических требований. Напоминает о том, что ситуация в отрасли и в регионах еще в их руках, они подчеркивают пока свою лояльность к власти.

Встречаясь с делегацией, Хасбулатов поддержал ее требования. Он подчеркнул, что руководство Верховного Совета на их стороне, и по-

Аркадий Вольский пока в стороне от правительства, но три новых вице-премьера пользуются поддержкой его «промпартии»

прежнему будет оказывать давление на правительство.

Доказательства тому весомые: за несколько дней до того на пост вице-премьера был назначен один из крупнейших руководителей «оборонки», генеральный директор Петербургского НПО «Светлана» Георгий Хижа. Он уже обещал «открыть кислород» своей отрасли.

Нет ничего удивительного при этом, что учредившийся на днях союз «Обновление», а проще говоря, оформившийся политически, возглавляемый Аркадием Вольским «Союз промышленников», становится самой что ни на есть правительственной партией. Они «правят» на местах. И если сам Вольский демонстративно сейчас подчеркивает свою отстраненность от участия в правительстве, то заблуждаться на этот счет не стоит. Разумно для него полагать, что не время сегодня связывать свое имя с непопулярным правительством.

Достаточно того, что ставленники его партии Георгий Хижа, Виктор Черномырдин, Владимир Шумейко становятся ключевыми фигурами в некогда команде Гайдара. Это, на наш взгляд, есть свидетельство не борьбы за Ельцина разных «команд», а борьбы Ельцина за удержание власти.

Не прошло и двух месяцев после окончания VI Съезда народных депутатов, где основным козырем правительства Ельцина-Гайдара были обещанные ему 24 миллиарда западной помощи. Ныне ситуация изменилась, ультиматумы президенту следуют один за другим, он перед выбором: либо смягчающие реформу маневры с целью удержать контроль над ситуацией сегодня, но ставящие под сомнение получение помощи, либо следование жестким рекомендациям МВФ. Плюс возможная массивованная помощь завтра. Но для кого это завтра наступит?.. Да и нет уверенности, что, как утверждают лидеры Запада, помощь зависит только от безусловно выдерживаемого российским правительством курса на реформы. Уже ясно, что этому могут помешать и внутренние проблемы стран «большой семерки». Весьма сомнительно, что конгресс США утвердит до осени запрошенные Дж.Бушем ассигнования на помощь, — в разгаре президентская кампания. С биржевым кризисом впервые столкнулась Япония. Выросла социальная напряженность в Германии, серьезный бюджетный дефицит испытывает Италия...

С другой стороны, как считает один высокопоставленный западный дипломат, если «большая семерка», не предоставив Горбачеву на Лондонской встрече в июне 1991 года помощи, фактически его «свалила», увидев за ним Ельцина, то сегодня уже за Ельциным нет никого.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

Служба изучения общественного мнения VP (Vox Populi)
Руководитель — профессор Борис Грушин

Опять тройка с минусом

Как бы вы оценили результаты деятельности правительства России по проведению экономических реформ?

В рамках школьной пятибалльной системы экономической деятельности правительства была оценена, как и можно было ожидать, довольно низко: в целом 2,32 балла. Причем наивысший средний балл дала Москва (далее по нисходящей в этой группе следуют крупные, средние и малые города, вплоть до села, где показатель — 2,16 балла). Предельно низко — 1,89 балла — оценивают нынешние экономические преобразования люди с образованием до 7 классов.

Что же касается активных сторонников и противников проводимых командой Ельцина экономических реформ, то можно сказать, что в поддержку реформ определенно высказались москвичи (27 процентов), жители Башкортостана, Челябинской области, крупных городов в целом (16), Кировской области (15); среди социальных групп в этом отношении выделяются люди с высшим образованием (17). Проводимые Гайдаром экономические реформы в целом активно не одобряют: колхозники (57 процентов), народности Северного Кавказа (48), жители Дагестана, Ставрополя (45) и бурятских районов Иркутской области (39), а также сельские жители в целом (38 процентов).

(Всероссийский опрос общественного мнения, март 1992 года, 1985 человек; в процентах к общему числу опрошенных)

Пока же кризис в российской экономике продолжает усугубляться и Москва готовится обратиться с просьбой о моратории на 5 лет в отношении выплаты процентов по долгам Западу. И это при том, что уже действует отсрочка на выплату основной суммы долга в 68 миллиардов долларов. Слишком многое поставлено на карту внутри страны, если правительство Ельцина отказывается от последней попытки изобразить себя платежеспособным.

Характерна в этой связи история с не принятой Верховным Советом России отставкой Председателя правления Центрального банка России Георгия Матюхина. Хорошо понимая, что он фигура неудобная и для Ельцина, и для МВФ, поскольку, будучи независим от правительства, сравнительно легко поддавался на просьбы о безвозмездных кредитах государственным отраслям промышленности, ставя под удар дефляционную политику правительства, Матюхин в результате добился еще большей независимости. Сделал он это изящно. На парламентских слушаниях Матюхин объяснил депутатам, что кредиты впредь (если его оставят на работе)

он будет выдавать напрямую правительству, пусть оно только попросит его. А уж тогда через министерства, введя систему соответственных внутри- и межотраслевых зачетов оно само станет кредитовать нуждающихся. Таким образом правительство сформирует государственный внутренний долг, который и повиснет камнем на его собственной шее, а не на шее Матюхина.

Депутатам, известным своими «нежными чувствами» к правительству, этого было достаточно для вынесения вотума доверия главному банку страны.

Если следующей же темой журналистских гаданий станет вопрос: «Когда же уйдет в отставку отодвинутый слегка в сторону Гайдар?», то рискну предположить — не скоро. Уступив «съеденного» нефтяными «баронами» Лопухина, ничего больше Гайдар практически не «сдал». Нет серьезных противоречий между заявленной Шумейко, курирующим теперь промышленность, программой и намерениями Егора Тимуровича. Оба согласны с тем, что с демополизацией и разукрупнением промышленности придется «погодить».

Торг неуместен

Татьяна
Иванова

Я заступаюсь за этих бабок и теток всю свою жизнь. При Хрущеве. При Брежнев. При Ельцине. И никогда ни одну бабку и ни одну тетку мне не удалось от властей отстоять

В такую жару, вообще-то, не до социальной активности. Неподалеку от метро «Алексеевская» тихо выбираю пучок редиски у подмосковных тетушек. Худые овощи разложены на ящиках у края тротуара — лук, укроп, морковь. На ящике по соседству примечают пакеты с молоком и упаковки с сосисками. Удача! Сейчас я все это сгребу в сумку, автобусная остановка рядом, можно больше никуда не тащиться, а прямо домой, а там тихо, там отдых...

Вдруг — р-р-р — на тротуар въезжает милицкий «газик». Из окошка высовывается матюгальник и красивым баритоном оповещает нас, мирных граждан, предающихся в соответствии с указом своего президента радостям свободной торговли, о том, что мы должны немедленно разойтись, заматывая следы. Матюгальник произносит такой текст: «Немедленно прекратить торговлю и покупки! Если в течение пятнадцати минут здесь останется хоть один человек, все продукты будут конфискованы и уничтожены!»

Жара. Тоска... И сил ни на что нет. Но пассаж о конфискации и уничтожении пробуждает во мне такую ярость, что я иду к этому «газику», не помня себя. Три симпатичнейших джентльмена (старый ходок по демократическим митингам, я привыкла знать, что московская милиция за демократию, я уверена, что мы пойдем друг друга) — три богатыря высовываются в окошечко: «Что вам?» Я, говорю, хотела бы знать, на основании какого закона вы собираетесь конфисковать и уничтожать продукты. «А вот садись в машину, — отвечает, видно, самый умный из них, — едем в отделение, там разберемся». С большим удовольствием, я отвечаю. И пытаюсь открыть дверь машины. Они такой моей готовностью смущены. «Но-но, — гово-

рят, — чего сразу лезть-то... Через полчаса поедим... Вот порядок здесь наведем...» Полчаса, говорю, хороший срок. Вы как раз успеете мне объяснить, на основании какого закона будут у торговцев конфискованы и уничтожены продукты... Двое вглядываются вдаль. Третий повторяет в матюгальник свои угрозы.

А неподалеку, у самого метро, у нас цветные навесы от солнышка, там в блаженной тени богатые южане расположились с черешней, которую продают поштучно, с бананами, которые, похоже, как раз сейчас пошли в садах независимых стран Закавказья, с розами пятьдесят рублей за штуку. Один из торговцев бананами, а может, розами, решил защитить от меня московскую милицию. Ну, рыцарь. И очень московскую милицию любит. Давай-давай, уходи, говорит мне, мешай людям работать, а то мы с тобой быстро... Джентльменам в «газике» это, однако, страшно не понравилось. «Пшел вон! Сию минуту! Тварь! Место свое знай!»

Представитель банановорозово-черешневой страны слинял. Я осталась брать интервью у представителей власти. Они не знали, что дают интервью. Они были непосредственны и искренни... Когда я спросила, слышали ли они про указ Ельцина о свободе торговли, они объяснили мне, что Ельцин им не указ, а указ мэра Попов, Гавриил Харитонович. «Что Попов прикажет, то мы и будем делать». Когда я сказала, что не мог Попов приказать им конфисковать и уничтожать продукты, они мне ответили, что я ошибаюсь и помахали перед носом какой-то бумажкой. Я успела разглядеть, пока махали, что это постановление правительства Москвы, что под ним подпись Попова.

Они сказали, что продукты обязаны уничтожать, как «непрошедшие санитарную проверку». Я спросила, какая ж проверка нужна, например, пучку ре-

диски и уверены ли они, что их жены крошат в салат только завизированную у санитарного врача редиску. Мне ответили, что я больно умная...

Я спросила, почему они не попросят потесниться под навесом торговцев черешней и бананами, ведь те заняли все «отведенное для торговли» место, а расположились уж слишком просторно. Под навесом всем хватило бы места, никого не пришлось бы прогонять. Ящики можно было бы убрать с тротуара. Стало бы так чисто, как хочет мэр.

Они ответили, что торговки из Подмосковья и Москвы сами не любят располагаться на прилавках и под навесами, дуры такие. А если мне кажется, что кто-то из торговцев бананами занял слишком много места, пусть я покажу им, милиционерам, кто это. Пусть я покажу, кто не пускает старух с укропом под навес, кто этот негодяй, пусть я покажу хоть одного! Милиция с ним сразу разберется.

...Когда московский мэр разъярился по телевизору, почему он поддержал решение правительства Лужкова ограничить торговлю в Москве, он был смущен. Он лепетал про чистоту и про санпроверку. Да и Попов ли не понять: любые ограничения сведут указ о свободе торговли на нет! Он так и сказал буквально, я записала: «Здесь только чуть-чуть тронь, чуть-чуть запрети, все рухнет. Поэтому мы ничего не запрещаем. Мы вводим лишь некоторые ограничения...»

Что делать, как быть, спрашиваю я сама себя, Попову, если его правая рука — Лужков, в отличие от Попова знающий, куда надо позвонить, чтобы в Москву привезли лук, — что делать, если Лужков может мириться с длинно-волосыми музыкантами на Красной площади (молодежь!), с дикими миллионерскими балами (предприниматели!), с антиправительственными демонстрациями (демократия!), с фашистскими газетенками (плюрализм!), а при виде торговли на тротуаре Лужков гнет Окончание вается (непо- на 17-й стр.)

Торг неуместен

(Окончание.
Нач. на 8-й стр.)

рядок в городе!)... «Что делать?» — спрашивала я себя. И Попов, видно, спрашивал себя о том же. И нашел ответ — ушел в отставку. Но когда я писала эти заметки, он еще был на месте.

Еще до президентского указа о свободе торговли сформировался прекрасный рынок у метро «Баррикадная», на Кузнецком мосту, у метро «Девятьсот пятый год», на Юго-Западной. Сотни тысяч москвичей с помощью этих самодельных торжищ были избавлены от стояния в очередях, тысячи поправили свое материальное положение. Если рынки возникают, значит, это кому-нибудь нужно. Если люди торгуют, значит, у них покупают. И разве прибавилось в магазинах продуктов с тех пор, как разогнаны все перечисленные мною базарчики и еще десятки других? Конечно, нет. Только усугубилась торговля с черного хода, только выросли цены у

тех, кто все же решается торговать на улице (надбавка за риск: милиция в любую минуту может расправиться с торговцем).

Метро «Юго-Западная». Еще недавно здесь была веселая, изобильная торговля. Чего только не было! Птичьего, разве что, молока... Теперь пусто, чисто, только вьется красное знамя. Под красным знаменем столик. За столиком — большевики. Собирают подписи за отставку Ельцина. Красиво, Гавриил Харитонович? Красиво, Юрий Михайлович? К тому вы стремились?

На простор вышла женщина с ящиком. В ящике — шампиньоны. Крепенькие, свежайшие. К ней подходит милиционер — с дубинкой. Дубинкой тычет в грибы. Грибы крошатся, разваливаются. Женщина пытается уберечь ящик, увернуться. Милиционер ловчее — крошит! И приговаривает: «Убирайся! Убирайся немедленно! Мэр запретил здесь торговлю! Шас сволоку тебя в отделение!» А красное знамя вьется на ветру. А большевики стараются...

Я притормозила у их столика: не поставит ли

и свою подпись?.. Что это за президент, если он у себя под носом, в столице не может добиться, чтобы его указ выполнялся?! Что это за демократическая власть, если представитель власти может тыкать свободному человеку дубинкой в сумку с продукцией?!

Подписи большевики собирают тщательно. Паспорта требуют. Желающих расписаться не так чтобы очень много, но в очереди надо постоять. Может, только это меня и остановило. В очередях мне — заботами московских властей, отменившими указ президента о свободе торговли — в очередях мне, с января уже успевшей от них, ненавистных, отвыкнуть, приходится теперь и так стоять часто.

К телефону! Я найду телефон начальника московской милиции Мурашова. Я позвоню ему. Я расскажу ему, как его подчиненный тыкал в грибы дубинкой. И про «газик» у «Алексеевской». Про то, что «продукты будут конфискованы и уничтожены». Я спрошу его, почему в России выполняются только репрессивные указы. Я спрошу его, почему больше нельзя торговать в метро газетами. И почему фашистскими газетами все-таки торговать можно. Я спрошу его, если это, Аркадий ли Мурашов, интеллигент и убежденный демократ, возглавляет ведомство, не позволяющее гражданам России выполнять указ

своего президента?

Куда ты, журналистка Иванова, куда ты? К такому-то большому начальнику?.. «Да, это его телефон. Ах, Иванова! Как остроумно! Сюда кто ни звонит — все Ивановы. Ну, и что вы хотите? Аркадия Мурашова нет. Вообще в Москве нет. Адьютант? Ну нет, никаких адъютантов у него нету. Заместитель? Заняты его заместители. Чего еще? Говорите короче... Миллиционер палкой в грибы тыкал? А как его фамилия? Не спросили? Ну, и что я должен делать? Почему торговцев разгоняем? Потому что от них грязь, спекуляция и антисанитария. Указ Ельцина? А для нас важнее распоряжения московского правительства. Мы обязаны их выполнять и будем выполнять. Почему не гоняем торговцев фашистскими газетами? Ах, вам хочется, чтобы мы гоняли тех, кто вам не нравится. Мне? Мне, может, вообще все не нравится. Но я исполню свой долг. А если милиция не будет гонять уличных торговцев, милиционеры, если хотите знать, останутся без куска хлеба».

Мой собеседник ироничен, насмешлив. Его можно понять: какая-то Иванова говорит какие-то глупости и требует самого Мурашова. Человек сидит на главном в Москве милицейском телефоне, он страшно важный, а должен слушать про грибы, редиску и укроп...

Тут что любопытно: я заступалась за этих бабок и теток всю свою жизнь, с тех самых пор, как занялась журналистикой. При Хрущеве. При Брежнев. При Ельцине. И никогда — никогда! — ни одну бабку и ни одну тетку мне не удалось от властей отстоять.

В этой стране нельзя торговать редиской, укропом, пирожками собственного изготовления, даже кипяченой водой в жару. В моей бедной стране всегда — всегда! — любой милиционер мог и может тыкать дубинкой в сумку любой бабке и любой тетке. И мне в том числе.

После
попсового
постановления
на улицах
стало
пустынее но
чистоты не
прибавилось

Литовский синдром: крутом одни агенты

Леонид Млечин

Известные и популярные политики, депутаты парламента в прошлом были осведомителями КГБ. Почему они оказались в этой малопочтенной роли? И что с ними теперь делать?

Что может быть общего между обаятельной женщиной с мелодичным голосом, которая была символом «поющей революции» и свободной Литвы, и невыразительным человеком с монотонной речью, державшим в страхе весь Вильнюс?

Как оказались в одном списке либеральный политик Казимера-Дануте Прунсене и мрачный инквизитор Виргилюс-Юозас Чапайтис, посвятивший себя выявлению скрытых коммунистов?

Ответ: они оба считаются агентами КГБ.

В приятном ожидании разоблачений

Экономический кризис, выпуск собственных денег, война между правительством и парламентом, провал референдума, затеянного Ландсбергисом в надежде на президентство, — все это проходит на фоне выявления бывших агентов КГБ.

В Вильнюсе ходят слухи, что среди депутатов парламента не менее двадцати бывших осведомителей госбезопасности, и обыватели предвкушают грядущие разоблачения.

НКВД—МГБ—КГБ — для литовцев не только символ жесточайших репрессий, с которых дважды (до и после войны) началось установление советской власти в республике. Но прежде всего — каратель-

ный орган оккупационной власти, враждебный всем литовцам и всему литовскому. Сотрудничество с КГБ — национальное предательство, которому прощения нет.

Одним из первых актов нового Верховного Совета в 1990 году было требование ко всем, кто сотрудничал с советскими секретными службами, немедленно порвать эти отношения:

«Данные упомянутой службе обещания или какие-либо иные обязательства отныне объявляются утратившими силу...

Гарантируем, что ни одно лицо, не совершившее тяжкое преступление против жителей Литвы и отказавшееся от дальнейших контактов с КГБ СССР, не будет подвергаться ни моральным, ни правовым, ни каким-либо иным преследованиям со стороны власти республики. Их фамилии, находящиеся в списках тайных осведомителей, никогда не будут официально опубликованы или подтверждены в случае предания их гласности иным путем».

Об обещании хранить тайну и не преследовать бывших агентов и осведомителей в Вильнюсе больше не вспоминают.

Лишился своего депутатского мандата академик Йокубас Минкявичюс. Хотя в Литве всем было известно, что он служил в НКВД и военной контрразведке в 1940—1945 годах (и не раскаивается, что таким образом боролся с фашизмом), и два года назад это не помешало избранию его депутатом, Верховный Совет заставил академика подать заявление об отказе от мандата.

В сотрудничестве с КГБ обвиняют другого известного в Литве ученого — доктора философии Арвидаса Матулинаса, который был вынужден уйти с поста директора Института философии, социологии и права.

Конечно, Матулинаса преследуют прежде всего потому, что он был членом компартии и слишком либерален для нового поколения литовских политиков. Но будь он даже святее папы римского, тень подозрения в сотрудничестве с КГБ ставит в сегодняшней Литве крест на любой карьере.

Чапайтис-то как раз и был святее папы.

Жертва собственного закона

Виргилюса Чапайтиса, бывшего члена совета сейма Саюдиса, председателя парламентской комиссии по гражданским правам и национальным вопросам, близкого к Ландсбергису человека, наказали первым...

Сразу после 11 марта 1990 года, когда новый состав Верховного Совета декларировал независимость Литвы, в республиканском КГБ началась чистка архивов. Наиболее важные документы перевозились в центральный архив, в Москву, дру-

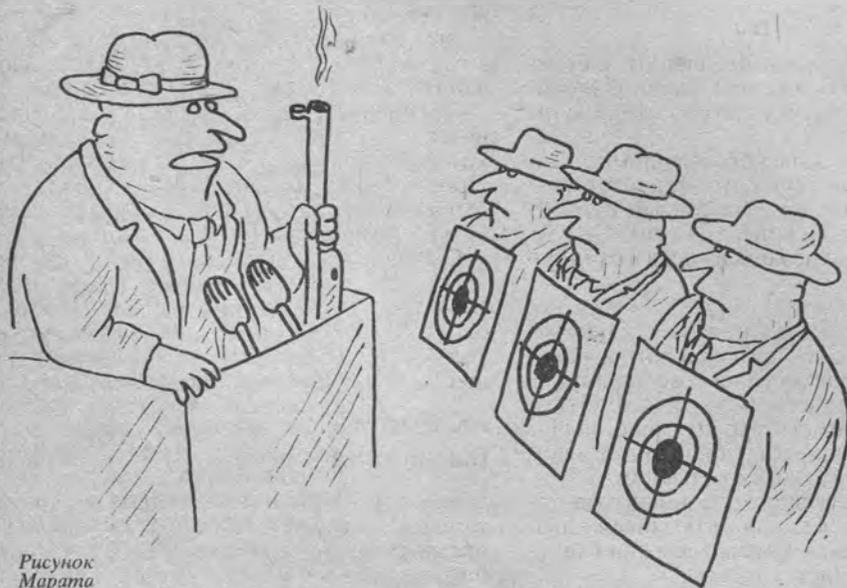

Рисунок
Марата
Тайрова

В роли премьер-министра Казимера Прунскене была символом независимой Литвы. Ее отношения с КГБ обсуждаются всеми вильнюсскими газетами. Многие литовцы не могут понять, что же толкнуло ее на сотрудничество

Депутат Виргилиус Чепайтис, агентурная кличка «Юозас». Его устранение из парламента вызвало некое злорадство в литовском обществе: его обвиняли в демагогии и опасном радикализме

гие уничтожались. Тем не менее после провала августовского путча, когда новая власть смогла, наконец, проникнуть в заветное здание, кое-что она там нашла.

Первым был распознан агент по кличке «Юозас» — Виргилиус-Юозас Чепайтис.

Личное дело агента «Юозас» парламентская комиссия не обнаружила, но ряд косвенных доказательств показался коллегам-законодателям достаточно убедительным.

Особенно на них подействовала информация комиссии, занимавшейся делом Чепайтиса, о происхождении ролика, который Александр Невзоров прокрутил в своей печально известной передаче после вильнюсских событий января 1991 года. Невзоров в подтверждение тезиса о подрывной деятельности литовцев показал кадры подпольной сходки Саюдиса.

Парламентская комиссия сообщила, что эти кадры были сняты в конце августа 1989 года, когда Чепайтис неожиданно созвал членов совета Саюдиса в подвал на секретное совещание. Тогда он дал возможность КГБ провести скрытую съемку. Через полтора года ролик передал Невзорову, чтобы обвинить Саюдис в нелегальной деятельности.

Подобно врачам прошлого, которые первыми принимали созданное ими лекарство, Чепайтис опробовал на себе новый закон, который появился на свет благодаря его усилиям.

Его избирателям в городе Мариямполе было предложено подтвердить доверие депутату, уличенному в сотрудничестве с иностранными спецслужбами.

Из 16 832 жителей, имеющих право голоса, к избирательным урнам пришли 2148 — 12,76 процента. За подтверждение мандата проголосовало 1002 человека. Против — 1037 человек. 107 недействительных бюллетеней.

Не пришедшие к урнам избиратели считаются голосующими «против»: закон составил так, что он не оставляет подозреваемому ни единого шанса.

7 мая Чепайтису пришлось покинуть зал заседаний парламента.

Провокатор?

В Вильнюсе многие испытывают злорадство при мысли о том, что именно Чепайтис попался в ловушку, заготовленную им для других.

Выпускник московского Литературного института имени Горького Чепайтис всю жизнь занимался литературными переводами, у него вышло полсотни книг. Он создал свою Партию независимости в октябре 1990 года.

Партия немедленно обрушилась на негодных Чепайтису политиков, а к ним относятся все, кто не принадлежит к радикальному националистическому крылу.

Он покровительствовал ура-патриотам, карьеристам и демагогам, которые «вычищали» профессионалов, обвиняя их в недостаточном патриотическом рвении.

«Везде, куда ступала нога Чепайтиса-политика, все превращалось в безжизненный унылый пейзаж», — писал о нем один вильнюсский журналист.

Чепайтис во всем видел происки «ста-

Сдайте мандат!

Закон «О проверке мандатов депутатов, подозреваемых в сознательном сотрудничестве со специальными службами других государств» был принят в декабре 1991 года.

«Другие государства» — не более чем эвфемизм. Пreamбула закона начинается словами:

«Советские учреждения безопасности, организуя подрывную деятельность против Литовского государства и его институтов, создали широкую сеть агентов...»

Виновен депутат в сотрудничестве с секретными службами или нет, должна решить парламентская комиссия. Если депутат не согласен с ее выводами, дело передается в суд.

На основании решения комиссии или вердикта суда в избирательном округе этого депутата назначается голосование, чтобы подтвердить или аннулировать мандат.

В бюллетень для голосования вносится следующий текст:

«В связи с выяснением фактов сотрудничества депутата с КГБ (другими специальными службами) высказываюсь за то, чтобы мандат этого депутата был

Подтвержден Аннулирован».

Депутат сможет сохранить свое место в парламенте только в том случае, если его поддержат больше половины внесенных в списки избирателей. В противном случае он обязан сделать заявление о сложении депутатских полномочий.

Статья шестая лишает уличенного депутата не только самого мандата, но и должности, на которую его парламент назначил.

рых номенклатурщиков», «врагов независимой Литвы». Держал в страхе политиков, которых в любой момент мог подвергнуть допросу: а чем ты занимался до 11 марта?

Он рьяно служил Ландсбергису. Двери кабинета председателя Верховного Совета для Чепайтиса всегда были открыты. Чепайтис рассчитывал на большую карьеру. Лидерам соседних балтийских стран он уже скромно представлялся главой теневого кабинета министров.

Выявление людей, связанных в прошлом с КГБ, было коньком Чепайтиса. Появился даже термин — «декагэбзация».

Последние месяцы перед разоблачением он готовил закон о десоветизации, который ударил бы по многим людям. Проект закона фактически запрещает бывшим активным членам компартии занимать государственные должности.

Сейчас в Вильнюсе многие всерьез считают, что Чепайтис до последнего времени был провокатором КГБ и устраивал охоту на бывших коммунистов и сотрудников госбезопасности с целью вызвать в обществе отвращение к «охоте на ведьм»...

«Контакты с КГБ были неизбежны»

Документ, свидетельствующий о сознательном сотрудничестве с КГБ бывшего премьер-министра Казимеры Прунскене, опубликовал официоз — газета «Летуовс айдас».

Правая газета «Амжюс» поместила факсимиле ее подписки о сотрудничестве: «Я, Прунскене Казимера-Дануте Прано, согласна помогать органам государственной безопасности решать некоторые интересующие их вопросы. Все, что мне в связи с этим будет известно, обещаю хранить в строгой тайне. Документы буду подписывать именем «Шатрия».

Казимера Прунскене и не отрицала, что ей приходилось иметь дело с КГБ: «В определенных обстоятельствах контакт с КГБ был неизбежен». Но агентом, сознательно предоставлявшим информацию, доносившим на товарищей и коллег, она не была:

— Приведенная в газете подписка — копия, а оригинала нет. Такого соглашения между мною и органами госбезопасности вообще не было. Мой контакт с этой структурой в 80-е годы был только в рамках неизбежных интересов этой организации, связанных с моей длительной заграничной командировкой.

Всем известно, что подобные контакты были в то время нормой для общества, отгородившегося от мира «железным занавесом», объясняла Прунскене журналистам. И если бы я никуда не собиралась ездить, писать докторскую диссертацию, да еще и на основе западного опыта, моя дорога вряд ли бы пересеклась с людьми из КГБ.

— Писала я об этом два года назад и после этого занимала первое место по данным рейтинга, проведенного среди населения Литвы, — напомнила Прунскене, — то есть люди понимали, что была такая система, при которой каждый, кто вел интенсивную научную, общественную жизнь, волей-неволей соприкасался со специальными службами.

Прунскене родилась в 1943 году в деревне. В 1965-м закончила Вильнюсский университет и осталась в нем преподавать. Доктор наук. В 1986 году стала заместителем директора института экономики сельского хозяйства.

В 1988-м, когда она уже вошла в ядро Саюдиса, ее назначили ректором Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства. В 1989-м либеральный Бразаускас, зная ее взгляды и роль в Саюдисе, сделал Прунскене заместителем председателя Совета Министров.

17 марта 1990 года Прунскене назначили премьер-министром.

Не сухой и скучный Ландсбергис, а именно Прунскене стала для мира символом свободной Литвы. Ею гордились.

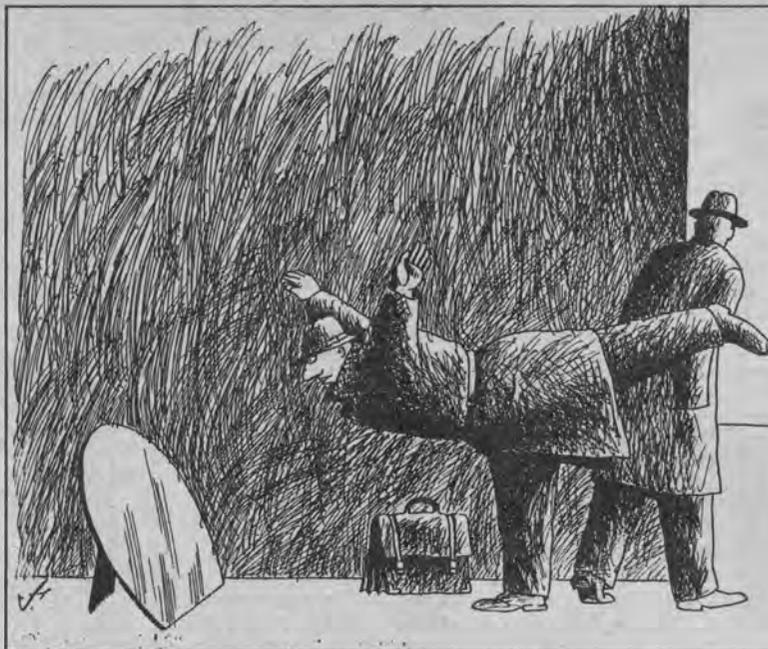

Рисунок Аркадия Гурского

Но Прунскене заносчиво относилась к окружению Ландсбергиса, резко критиковала депутатов, не думая о том, что создает себе новых врагов.

Скажем, Прунскене замечала: «Для меня сейчас самое важное, чтобы Литва вновь не склонилась к крайности. Не хочется, чтобы она стала авторитарной, диктаторской». Разумеется, все воспринимали эти слова как неодобрение линии Ландсбергиса.

Прунскене добивалась того, чтобы Верховный Совет не присваивал себе prerogatives правительства, да еще и ратовала за закон о порядке отзыва депутатов. Она вела борьбу за власть с парламентариями, но победить в ней не могла.

В роли премьер-министра Прунскене ездила в Москву, встречалась с Горбачевым, в том числе накануне кровавой попытки государственного переворота в Вильнюсе. Недоброжелатели утверждали, что Москва хотела поставить ее на место Ландсбергиса. Теперь это служит лучшим доказательством ее работы на КГБ.

Приятные беседы с чекистами

Каким образом такие разные люди, как Чепайтис и Прунскене, могли оказаться в малопочтенной роли осведомителей?

Выяснение настроений в среде национальной интеллигенции в республиках и целенаправленное влияние на них было одним из приоритетов КГБ. Тем более в Литве — республике, считавшейся «ненадежной», с сильными «националистическими настроениями».

И молодой доктор наук Казимера Прунскене, чей характер, воля, уме-

ние ладить с людьми помогали ей делать карьеру, и замкнутый переводчик Виргилиус Чепайтис, вращавшийся в интеллигентских кругах с сомнительными, полудиссидентскими настроениями, были интересны комитету госбезопасности.

Прунскене сама объяснила, на какой крючок ее подловили.

В ее кругу прекрасно было известно, что нелады с ведомством могут разрушить карьеру, лишит возможности ездить за границу. Личные отношения с сотрудниками госбезопасности создавали некий запас прочности. В таких отношениях часто и не возникал вопрос о письменном подтверждении своего согласия быть агентом или о денежном вознаграждении.

Все это походило скорее на дружескую беседу с приятными людьми, которые интересовались здоровьем, домашними делами и не забывали поздравлять с праздниками. Но, вернувшись в свои кабинеты, эти приятные люди писали подробные рапорты, каждый из которых начинался словами: «Источник такой-то (псевдоним) сообщил...»

Прунскене попала на традиционный вербовочный прием, которому учат в закрытых учебных заведениях будущих сотрудников секретных служб.

По инструкции после ее назначения на должность заместителя председателя Совета Министров с ней должны были прекратить все контакты, а агентурное дело уничтожить.

«Помогите нам, и мы поможем вам»

Чепайтис искренне не считал себя агентом. Когда уже в роли одного из лидеров Литовской Республики го-

товился расправиться со всеми бывшими агентами КГБ, он нисколько не думал, что этот бумеранг может вернуться. И не только потому, что вербовщики уверили его, что его имя не будет значиться ни в одной бумаге.

Оправдываясь, Чепайтис скажет, что встречался с сотрудниками госбезопасности и даже писал им некие записки только ради того, чтобы КГБ мог правильно информировать высшее руководство в Москве.

Он был уверен, что его встречи с сотрудниками госбезопасности были беседами на равных, и работавшие с ним чекисты наверняка поддерживали в нем это убеждение. Еще один классический прием.

КГБ сразу же занялся Саюдисом. Первый секретарь ЦК компартии Литвы Альгирдас Бразаускас и его секретарь по идеологии Шепетис демонстрировали полную лояльность устремлениям национальной интеллигенции, поэтому

комитет действовал осторожно, но запасался компроматом в надежде на возвращение прежних времен.

Вербовщик — скорее всего офицер-литовец — демонстрировал глубокий интерес к национальному возрождению и сочувствие к Саюдису:

— Вам нужно информировать Москву о процессах в республике, правильно сориентировать Горбачева и его окружение, — наверняка внушали Чепайтису. — И помочь вам можем только мы. Передайте через нас то, что вы хотели бы сказать политбюро. А без нашего содействия вас задавят.

По-видимому, Чепайтис принял эту игру. В основе ее, надо полагать, было желание обезопасить себя. Уверенности в том, что саюдисты гарантированы от репрессий, не было. Чепайтис решил сохранить себе путь к отступлению...

* * *

Один из бывших сотрудников литовского КГБ, который служит новой власти, сказал журналистам, что точно знает, кто из нынешних парламентариев и работников аппарата Верховного Совета был агентом КГБ, но никогда не назовет эти имена.

Он считает, что парламентская комиссия, изучавшая дела Чепайтиса, Прунсене и других депутатов, «принесла много вреда Литве раскрытием агентуры. В нее впустан творческий цвет литовского народа: ученые, писатели, художники. Следовало оставить этих людей в покое».

Называть имена тех, кто сотрудничал с политической полицией, или не называть — эта дискуссия лихорадит все восточноевропейские общества. Тут сколько аргументов «за», столько же и «против».

С одной стороны, боязнь замазать ни в чем не повинных людей, устроить гражданскую казнь над теми, кто был лишь слаб духом. С другой — стремление очистить общество от морально нечистоплотных личностей.

В послесталинские времена, и тем более в 70–80-е годы, отказ от сотрудничества с системой госбезопасности уже не был смертельно опасен. В ловушку попадали в основном те, кто этого хотел, кому приманка была важнее всего остального. Теперь доносчикам (осведомителям, агентам, добровольным помощникам) предъявлен счет. Если этого сейчас не сделать, политическая полиция опомнится от недавнего разгрома, и все вернется на свои места. Кругом опять будут одни агенты.

Разгульная жена

Почему, располагая такой разветвленной агентурой, КГБ не смог правильно оценить ситуацию в Литве и в 1990–1991 годах давал неверные рекомендации московским лидерам?

Руководители СССР не ожидали, что главой республики станет Витаутас Ландсбергис, что новый Верховный Совет сразу же декларирует независимость, что политика Вильнюса будет пользоваться полной поддержкой литовцев.

КГБ же продолжал уверять всех и каждого, что достаточно пальцем шевельнуть и «реакционный режим Ландсбергиса» рассыпется.

В результате вся московская политика — от нелепых приказов Горбачева отменить все решения новой власти до экономической блокады Литвы (лето 1990 года) и вооруженной поддержки компартии — дала эффект, обратный ожидаемому, укрепила позиции Ландсбергиса и радикалов, поставила в тяжелое положение русское население.

Главную роль сыграли генетические пороки всей системы сбора и анализа информации в КГБ: стремление соответствовать мнению высшего руководства, привычка смотреть на все через идеологические фильтры.

В КГБ накануне прихода Саюдиса к власти были составлены справки на каждого вильнюсского лидера.

Например, что сочли важным отметить офицеры КГБ, характеризуя Ромуальдаса Озоласа,

которого вскоре назначат заместителем премьер-министра Литвы?

«Является заместителем главного редактора издательства «Минтис». Состоит в резерве на должность главного редактора. По месту работы и в быту характеризуется положительно. Допускает резкие националистические, антисоветские суждения».

Идеолог Саюдиса Витаутас Раджвилас: «По месту работы характеризуется положительно. По характеру высокомерен. Настроен радикально, за выход Литвы из состава СССР».

Известный политик Альгимантас Чекуолис: «По местам работы и в быту характеризуется положительно. Он и его близкие родственники имеют дружеские и деловые связи с лицами, проживающими во многих капиталистических странах».

Два обстоятельства интересовали КГБ — родственники за границей и какие-нибудь скандальные обстоятель-

ства. Вот, что содержалось в характеристиках других вильнюсских политиков:

«За злоупотребление спиртными напитками был исключен из комсомола... Его жена вела разгульный образ жизни... По характеру скупой, в заграничной командировке продал сувениры, которые должен был вручить в качестве подарков... Характеризуется как карьерист, часто игнорирующий мнение коллег... Склонен к наживе, везде ищет личную выгоду... Во время работы над диссертацией госпитализировался с диагнозом «неврастения».

Разумеется, секретные службы собирают все, самые мерзкие подробности чужой жизни — они могут пригодиться для вербовки или шантажа. Но прежде всего секретная служба обязана точно характеризовать политиков: взгляды, цели, амбиции, сильные и слабые стороны. В изображении же КГБ лидеры Литвы предстали как компания неврастеников, алкоголиков и скупых карьеристов с большим количеством родственников за рубежом.

Могла ли такая информация помочь Москве, когда пришлось решать, как быть с Литвой?..

Степан Пачиков:

Проблема большого ведра

Слово «кооператор» противно для русского уха. Не то что — «большевик», «чекист»...

«Главная проблема наших бизнесменов — проблема ведра. Они никак не могут найти достаточно большое ведро, чтобы как следует зачерпнуть»

Степан Пачиков, 42 года. В 16 лет закончил Новосибирскую физико-математическую школу, перейдя из 8-го сразу в 10-й класс. Закончил с отличием Тбилисский университет и аспирантуру при Московском университете.

Кандидат физико-математических наук. Работал в Академии наук старшим научным сотрудником.

Степан Пачиков — в интервью «Новому времени»:

Случай

Меня из университета два раза выгоняли. Сперва из Новосибирского, после второго курса: в августе 1968-го мы с приятелем расписали город лозунгами против вторжения войск в Чехословакию. КГБ меня вычислил, но явных доказательств у них не было. Поэтому они просто надавили на декана. Но декан приказ об отчислении попридержал, а мне написал рекомендательное письмо в Тбилисский университет. И там меня приняли переводом, ничего не зная. Когда приказ вышел, я уже снова был студентом. А почта у нас работает медленно. Мое дело пришло в Тбилиси уже перед самой защитой диплома. Меня снова выгнали.

Спас случай. На улице я повстречал парня, с которым мы на военных сборах жили в соседних палатках и играли в преферанс. К счастью, он был одновременно сыном первого секретаря ЦК компартии Грузии Василия Мжаванадзе. Он

сказал: «Из-за такого пустяка даже папу беспокоить не стоит». И позвонил кому-то.

Через день меня вызвали в КГБ и извинились, а через месяц я закончил университет с красным дипломом.

Фирма

Сейчас на Западе все сходят с ума по перьевым компьютерам. Так вышло, что я угадал это направление. Мы создали программу распознавания компьютером рукописного текста. Мы не одна из лучших фирм или там одна из первых — мы просто единственные в мире.

У меня два образования — экономическое и математическое. Я кибернетик, специалист по нечетким множествам.

Вообще-то я понимаю в экономике не меньше Пияшевой. Очевидно, больше. Но этой жизни не хватит, чтобы быть и бизнесменом, и политиком, и государственным экономистом.

Я организовал свою фирму в 1989 году. В условиях Академии наук это было бы невозможно. Требовались финансовая свобода и легкие, быстрые контакты с Западом, чтобы понимать реакцию рынка на те или иные идеи.

На Западе нас относят к так называемым «мальчишковым фирмам». Это когда группа друзей что-то вместе делает, скажем, собирает компьютер в гараже, а со временем организывает собственное предприятие. Вот мы как раз такие.

Бизнес

В Америке получить что-то, не борясь, почти невозможно. Это страна постоянного изматывающего напряжения сил. У нас гораздо легче, потому что все валяется. Пришел и поднял. Зачерпнул ведром.

Главная проблема всех этих наших бизнесменов, биржевиков — проблема ведра. Они никак не могут найти достаточно большое ведро. Покажите мне хоть одного бизнесмена, который богат, знаменит, удачлив и при этом является главой фирмы, что-то производящей? Нет, все они либо работают в банках, либо биржевики. Многие считают, что в этой стране можно и нужно жить на разнице цен.

Мы, наверное, единственная здесь компьютерная фирма, которая не занимается никаким торговым бизнесом.

Ну, кого все знают? Артема Тарасова? Он приходил, спрашивал, какие компьютеры купить. Купил, продал. Гениальный финансист, он чует запах денег. Я не ругаю его как бизнесмена, это специфическая категория людей. Такие нужны. Я вообще считаю, что спекулянт — чрезвычайно полезен экономике. Спекулянт — санитар экономики. Он занимается тем, что отлавливает очень важную информацию о пропорциях и ценах, где дефицит и где спрос.

Структура

Эффективность экономики в очень небольшой степени зависит от того или иного звена и в огромной мере от структуры. Бессмысленно призывать людей лучше и больше работать. Гораздо важнее чуть-чуть изменить схему, иначе организовать тех же самых людей.

Эффективность труда зависит от того, сколько времени тратишь на дело и сколько на ерунду. Время уходит впустую, когда не можешь дозвониться на Запад или почта не работает. Если вы просите прислать дискетку из Гамбурга в Констанцу, то завтра до десяти вы ее получите. Западная секретарша, даже очень хорошая, не сможет работать здесь, в этих бессмысленных условиях.

Я думаю, главное, что отличает предпринимателя, это обостренное восприятие эффективности деятельности чего бы то

ни было — предприятия, страны, себя лично. Эффективность — вещь, на которую они почти молятся. Мне всегда приходится себя сдерживать, наступать на горло собственной песне, чтобы не звонить Гайдари с советами. Болезненно воспринимаешь неэффективность кабинета.

Я вообще склонен к советам, нравочениям, к чтению морали. Всех уже этим достал. Во мне умер завуч школы.

О себе

Главная моя задача — увидеть ситуацию на несколько лет вперед. А поскольку несколько раз, принимая решение, я оказывался прав, то мне на фирме очень сильно доверяют.

В одной из американских статей меня назвали «visionary». Это в очень примерном переводе нечто между стратегом, провидцем и мечтателем. Написали, что я провидец, маскирующийся в одежды бизнесмена.

Я всю жизнь люблю придумывать разные комбинации. Видимо, у меня есть способность к достаточно нетривиальным и сложным решениям. По крайней мере, когда возникает неразрешимая проблема, я очень часто нахожу такой вариант, который устраивает всех.

Когда я веду машину, я думаю — ага, а если свалится левое колесо, а справа будет грузовик, а на мостовой старушка, что я буду делать? Поэтому, когда я действительно попадаю в аварийную ситуацию, у меня уже заранее готово решение, которое я много раз просчитывал в голове.

Урок

Вот я всем рассказываю историю с моим сыном, который, как и пола-

гается ребенку, полный балбес, ничего не делает, не читает и учится плохо. Он организовал со своими приятелями фирму: пишут стихи на заказ к дням рождения. И предложил мне, чтобы я сделал заказ ко дню рождения бабушки. Я спросил: сколько? — «Три рубля».

— Ты собираешься распечатывать свои стихи на моем принтере?

— Ты же разрешил мне им пользоваться.

— Я разрешил тебе играть, а раз ты зарабатываешь деньги, вступаешь в финансовые отношения, будь добр, плати мне за аренду.

Я посчитал, сделал хорошую скидку, сообщил ему цену. Но, кроме того, они занимают мой кабинет. Когда друзья приходят просто так — пожалуйста. Но если занимаются бизнесом, а бабушка за ними должна убирать... Я выставил еще и счет за пользование кабинетом. Они посчитали и выяснили, что должны теперь продавать по пять рублей, чтобы окупить все расходы.

Деньги

В бизнесе деньги не главное. Это механизм, позволяющий более эффективно прожить. Например, не нужно стоять в очереди за дешевым, можно купить дорогое. Мне сегодня утром помяли дверцу машины. Раньше для меня это было трагедией. Сейчас я посмотрел, плюнул, сел и поехал.

Конечно, хотелось бы машину хорошую, чтобы ездить, не ремонтируя, получать от нее удовольствие. Хотелось бы загородный дом. Потому что это способ эффективно отдохнуть. Красивая, умная, любящая и любимая жена — это тоже способ поднять эффективность жизни. Деньги являются одним из инструментов, позволяющим этого добиться. Но не

единственным и не самым главным.

У миллионера и у миллиардера уровень жизни одинаковый. Сколько можно проесть? Остальные деньги вкладывают в дело. В завод, банк, благотворительный фонд.

Еще одна важная вещь — уметь рисковать своим капиталом. Либо прогореть, либо сделать фирму стоимостью в миллиард. Тогда и деятельность соответственно будет миллиардная.

Масштаб денег — это масштаб вашей деятельности. Я часто оцениваю людей, сотрудников своих по тому, каким масштабам денег они мыслят. Масштаб мышления важен как маршальский жезл.

Семья

Я не был в отпуске уже много лет. Это тоже неправильно. Фактически фирма заменила все — друзей, жену, детей. Перед детьми у меня комплекс вины, я ими не занимаюсь. Жена работает на этой же фирме, но тоже до потери сознания, так что и здесь она меня не видит. Но все-таки сейчас я зарабатываю существенно больше, они не испытывают материальных трудностей. Это облегчает жизнь. И потом щастине, как мне кажется, очень важно гордиться мужем. А я даю, так сказать, много поводов. Я, в общем, знаменитый: то по ящику, то в прессе. Успешный бизнесмен и все такое... Отношения у нас с женой лучше, чем раньше.

Чиновники

Я хочу от работы получать удовольствие. Удовольствие — это не иметь дела с чиновниками.

Одна из особенностей нашей фирмы — мы стараемся держаться подальше от советской власти. Я ни-

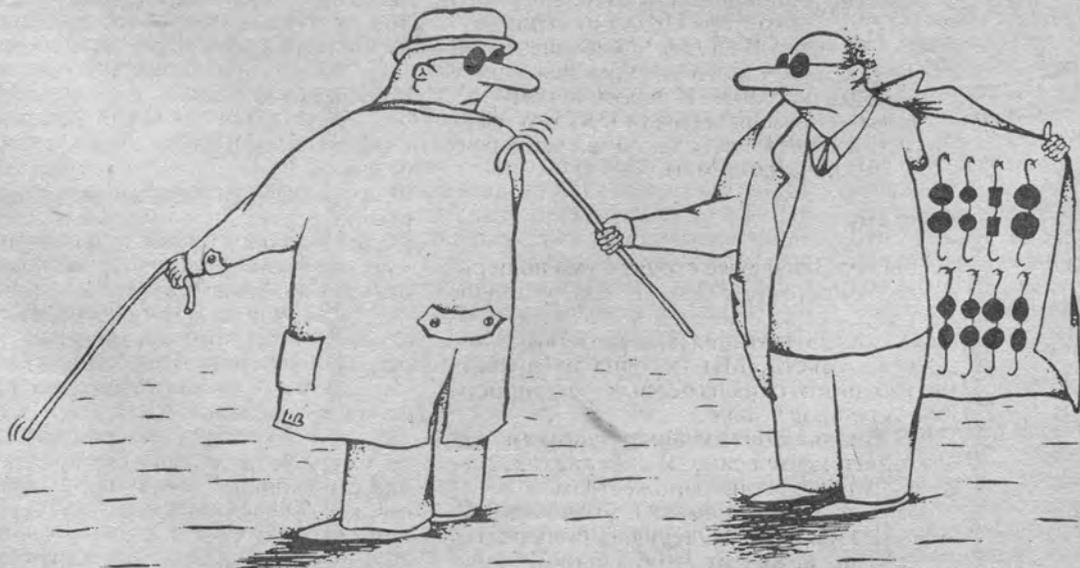

Рисунок
Вячеслава
Шилова

Рисунок Аркадия Гурского

когда не был в исполкоме, не знаю, кто у них занимается жильем, кто чем. Даже не знаю, в каком районе нахожусь. Сейчас какие-то префекты... Я, честное слово, не рисуюсь, я действительно не знаю.

У нас много проблем, которые другие решают легко: сауны, бани, вчера он пил с тем, с этим. У нас это не проходит. Конечно, приходится иногда изображать радушие. Для меня это наказание. Чиновники приходят, садятся и говорят, что за 150 тысяч долларов могут сделать здание в центре.

Я всегда ненавидел советскую власть во всех ее проявлениях. Но многие свойства советизма-большевизма присущи России вообще. Достаточно почитать Салтыкова-Щедрина, чтобы увидеть — это было всегда. Это признаки русского чиновничества. И, видимо, в большой мере — проблема православной религии и культуры. Я думаю, что многие наши проблемы выглядели бы совсем по-другому, если бы мы были протестантами или католиками.

Банки

Почти все наши банки по сути — советские организации. Потому что им не нужны клиенты, они их не любят, не пытаются завлечь. Когда вы хотите открыть крупный счет в любом западном банке, к вам выходит вице-президент, он с вами беседует. Всеобщее уважение. Здесь же нуж-

но через знакомых, по блату дойти до руководства и долго доказывать, что им выгодно иметь с тобой дело. Наглость доходит до того, что диктуют: мы откроем вам счет, вы положите двести тысяч долларов и не будете их трогать. Если бы на Западе появился банк, предъявляющий такие условия, он в тот же день прекратил свое существование.

Идеальный банкир — это банкир, который рад, что человек принес ему его единственный рубль. Потому что он понимает, что есть миллионы таких рублей. Организовав правильно эти деньги, он пустит их в оборот, он зарабатывает. А наши банкиры мечтают, чтобы пришел один клиент, принес сто миллионов, ушел и никогда не возвращался.

Бывшие секретари ЦК ВЛКСМ, ставшие, например, управляющими банка, — это люди с некоторой организационной грамотностью. Он не провалится из-за плохой организации. У него будет начальник отдела, машинистка, входящие и исходящие, докладные записки. У него не будут вопли на совещаниях: «Я говорил это месяц назад!» — «А я не помню!»

Второе их преимущество — некоторые связи, они знали ходы и выходы. А изменилось мало что. Тот же запах чиновничий, тот же стиль, та же манера управления.

При этом такой предприниматель из «бывших» может провалить финансовую политику. Их опыт — советский. Рассчитан на определенную структуру.

Теневики

Теневики бывшие — люди с хорошим комбинаторным мышлением, чутьем, организационными способностями. Но их недостаток в том, что чувство уважения к закону у них сильно ниже стандарта. Только бла-

годаря этому они смогли выжить в те времена. Но они не в состоянии вести дела цивилизованные и очень быстро выбывают из игры. Для нормального человека даже плохой закон — все же закон.

О предпринимателях

Не люблю я этих предпринимателей... А слово «кооператор» вообще крайне противно для русского уха. Была такая чудесная статья Синявского о том, что слова «больше-

вик», «чекист» и «Советы» определили успех революции, потому что все они приятны русскому уху, независимо от того, что стоит за словом.

Я считаю, что язык подводит наших экономистов и политиков. Придумывают названия, часто не понимая последствий, вроде СНГ на палочке.

В последнее время предприниматели изменились к лучшему. Но все равно вызывает раздражение купеческий налет и часто довольно-таки низкий культурный уровень этих людей. Иногда, знаете, даже просто физиономии их не нравятся.

Я пробовал вступать в разные ассоциации совместных предприятий — и зарекся. Не испытываю симпатии к этому новому классу.

Хотя иногда любопытно: вот Герман Стерлигов — что за человек, какой у него язык, манера поведения, уровень культуры? То же самое Боровой. Интересно — в самом деле он талантливый человек с нетривиальным умом или с ним не захочется и вечера провести за разговором?

Но, в общем-то, я общаюсь в очень узком кругу. Это так называемая компьютерная индустрия, такая помесь ученых и бизнесменов. Я чувствую себя среди них раскованно, я один из них.

О патриотизме

Понятие Родины — для меня очень сложный вопрос. Я всегда считал себя такой смесью патриота и космополита. Я могу ощущать себя патриотом города, страны, улицы, континента. Я принадлежу, так сказать, к человечеству, по крайней мере к европейской части. Для меня что Булгаков, что Томас Манн, что Гессе — это части одной культуры.

Если вы часто где-то бываете, останавливаетесь в одних и тех же отелях, ездите по знакомым дорогам, то вам не нужно спрашивать каждую мелочь — где заправиться, отдать в проявку фото, где какой мага-

зин, как позвонить в справочную... Я понял, что это — тоже часть дома. Так же как и привычный ландшафт, даже если это где-нибудь в Сан-Франциско...

Наверное, родина в большом мире — еще и ощущение комфортности в данном месте.

Я родился в Азербайджане, на Кавказе. У меня очень редкая национальность — удин. Нас всего несколько тысяч человек. Я не русский по крови. Но я крещеный православный, говорю на русском языке, вырос в русской культуре, всю жизнь провел среди русских — мой отец офицер, я жил в военных городках — и у меня русская мама. Конечно, я славянин и часть русской культуры.

Разумеется, если я захочу организовать фонд в пользу сирот, то, скорее, организую фонд для наших сирот, чем, скажем, для южноафриканских. Если мне предложат сделать добро России или Норвегии, я предпочту Россию. Эта земля мне ближе. Я всегда хотел ей добра.

*Марина Топаз,
Игорь Бунин*

Социологический проект «Новые российские предприниматели» финансирует «Технобанк»

По поводу одного «интервью»

В № 14 «НВ» под видом моего интервью напечатан материал, который изобилует неточностями и искажениями, приписывает мне чужие высказывания и создает неверное представление обо мне, о моей деятельности, моих друзьях и коллегах.

И. Бунин попросил о встрече со мной под предлогом социологического исследования. О возможном же использовании моих высказываний в виде интервью он упомянул в самой общей форме, обязавшись непременно ознакомить меня в таком случае с рукописью. Несмотря на мои неоднократные напоминания и свои повторные заверения, он этого так и не сделал. В результате «НВ» напечатало материал, своей формой и содержанием нанесший ущерб моей личной и

деловой репутации.

Так, под пером Бунина и его соавтора Е. Чекаловой мое высказывание о том, что в молодости я работал грузчиком, превратилось во фразу: «...помогал в разных направлениях грузинам». Мои слова о том, что я взяткок принципиально не даю, в публикации поданы так, будто, в отличие от меня, все мои друзья — взяткодатели. Усиленно пытаюсь сделать из меня бравого супермена, «который пробивает все», соавторы не упоминают о том, каким трудом дается даже малейший успех. В результате моя работа в области зондовой диагностики низкотемпературной плазмы, а затем по внедрению измерительно-вычислительных комплексов на авиазаводах изображена так, будто «сначала я пробивал дис-

сертацию, потом премию Совета Министров». Я подробнейшим образом рассказал Бунину о деятельности компании «Инвестиционные программы», а соавторы «интервью» приписали ее совсем другой фирме — «Системы и проекты»... И т.д. и т.п.

Таким образом, из «социологического исследования», по воле Бунина и Чекаловой превратившегося в мое «интервью», читатели «НВ» почерпнули много такого, о чем ни я, ни мои близкие и знакомые раньше и не подозревали.

Лев Вайнберг

Мы сожалеем, что в публикацию вкрались неточности — главным образом, из-за ошибок при расшифровке магнитолфонной записи. Приносим свои извинения Л. Вайнбергу.

*Е. Чекалова,
И. Бунин*

«Роспечати» было трудно поверить, что **«Новое время»** не повышает подписную цену, как другие издания. Наши читатели жаловались, что доступ к **«Новому времени»** затруднен. Но мы разъяснили «Роспечати» — и повторяем вновь:

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НЕ МЕНЯЕТСЯ!

«Новое время» до конца года будет по-прежнему стоить для подписчиков 59 копеек за номер!

*Тем, кто
подписался
на весь год,
ПЕРЕ-
ПОДПИСЫВАТЬСЯ
НЕ НАДО!*

Из письма № 7-15/85 от 05.05.92 заместителя начальника ЦРПА «Роспечать» В.И. Кокорева начальникам отделов связи:

«Журнал «Новое время» индекс 70621 (русский) и 70622 (английский) менять подписную цену до конца 1992 года не будет и просит повсеместно принимать подписку без ограничений».

Стоимость подписки:

**на месяц
— 2 руб. 56 коп.,
на квартал
— 7 руб. 67 коп.,
на полгода
— 15 руб. 34 коп.**

«Судьбоносные» выборы: перевод на иврит

Аркадий Дубнов

Молодая девушка, сотрудница службы безопасности международного аэропорта Бен-Гурион в Тель-Авиве неожиданно удостоила меня долгой беседой. Почему-то ей показалось подозрительным, что журналист из Москвы приехал в Израиль, чтобы подготовит отсюда репортаж накануне внеочередных парламентских выборов. Подробно расспросив меня, с кем из политиков я встречался, почему больше с правыми, чем с левыми, кто был моим переводчиком, если я не знаю иврита, в заключение она заметила: странно, неужели в России сейчас так интересуются Израилем?

Ее удивление в свою очередь показалось странным мне: население Израиля сегодня на 10 процентов состоит из репатриантов из бывшего СССР, только за последние 2 года их приехало около 400 тысяч человек. Почти у каждого из них остались родственники, друзья, соседи, сослуживцы — для многих из них Израиль стал страной если не близкой, то уж во всяком случае не такой чужой, далекой и враждебной, как прежде. И пожалуй, нешуточным могло показаться предположение, что вице-президент России Руцкой посетил в конце апреля Израиль, чтобы, как он это делал раньше в Чечне и Приднестровье, защитить там русскоязычное население. Но слава Богу, таких заявлений он не делал, да и никто его не просил об этом. «Русская» алия, то есть евреи, возвращающиеся на свою историческую родину из бывшего Союза, в Израиле учится сегодня защищать себя сама.

Именно проблема абсорбции нынешней алии стала основным «гвоздем» предвыборной кампании 1992 года. Если не считать извечной проблемы Израиля — его отношений с арабскими соседями и палестинцами.

«Тренера» надо менять

Это может показаться смешным, но со знакомым до боли определением — «судьбоносный момент» — я не раз встречался в прессе и в разговорах, разумеется, на русском языке. Есть ли такой термин на иврите, не знаю, но не удивлюсь, что он скоро появится.

С переменами связывают предстоящие 23

Политическая жизнь в Израиле напоминает Россию. Нет только горечи, усталости и злости

июня выборы. Как и 15 лет назад, когда на выборах 1977 года после многолетнего правления левого блока «Маарак» к власти пришло правительство, сформированное правым блоком «Ликуд» во главе с Менахемом Бегиним, ждущим переворота в политическом раскладе власти. Тогда, в 1977 году победа «Ликуда» казалась многим подарком судьбы, избавлением для страны, еще не оправившейся от войны Судного дня 1973 года, измученной внутренними противоречиями, экономическим кризисом и коррупцией.

Сегодня уже нет в живых Бегина, последнего (по признанию самих израильтян) из великих лидеров Израиля, подписавшего в 1979 году первый мирный договор с арабской страной, Египтом. Его похороны в этом году, пожалуй, в последний раз объ-

единили всю страну. Перестало существовать правительство национального единства, союз «Ликуда» и «Маараха». Распался и сам блок «Маарах»: теперь есть Партия труда («Авода») социал-демократической ориентации и «Мапам», партия социалистического толка, в которую входят в основном киббуцники.

Для любой парламентской демократии 15-летний срок пребывания у власти одной партии — явление исключительное, обычно связанное с харизмой лидера. С уходом Бегина общенационального лидера Израиль сегодня не имеет. Кроме того, и на время «Ликуда» пришлось слишком много потрясений — как побед, так и поражений. Ливанская война, интифада, начало мирных переговоров с арабами, охлаждение американо-израильских отношений, война в Персидском заливе, восстановление дипотношений с СССР, а затем с Россией, наконец, беспрецедентная альянса из бывшего Союза.

В политике, как в спорте: если победила, то команда, если проиграл, то тренер. Настроения в Израиле сегодня таковы: «тренера», то есть «Ликуда», пора менять. Об этом говорят все опросы общественного мнения, непрекращающийся раскол в правящем блоке правых партий. Безусловно, с приходом «Ликуда» к власти, и это признают многие израильтяне, страна стала более динамичной, оживилось частное предпринимательство, ослаб госмонополизм в экономике (ведь не надо забывать, что отцы-основатели Израила

строили собственный социализм и все достижения страны, само ее существование и безопасность обаяны были сильным государственным институтам, таким, как армия, оборонная промышленность, господствующий государственный сектор в экономике. Аналогии с Советским Союзом здесь вполне уместны, вплоть до сильно развитого «оборонного сознания» нации).

Очевидно, что за эти годы более демократичным стало израильское общество, размежевание его различных слоев по интересам и позициям привело к появлению множества мелких партий и движений, процессы принятия решений в парламенте и правительстве стали достоянием гласности. Нельзя сказать, что это нравится всем израильтянам, ведь отсутствие в молодом государстве устоявшейся политической культуры делает демократические процедуры зачастую поводом к возбуждению популистских страстей и откровенной демагогии.

Неудивительно поэтому раздражение людей, которые все это называют «демократическим ором», развязанным «Ликудом». Порядок, при котором власть проводит здравомыслящую политику жестко, но без излишнего «ора», гораздо привычнее для среднего израильтянина.

Именно с такой политикой ассоциируется у значительной части израильтян образ партии «Авода». «Безопасность — это дело профессионалов» — под такой шапкой газеты Израила публикуют предвыборный рекламный плакат «Аводы»: на фоне карты Израила портреты шести отставных генералов (согласно израильскому избирательному закону армия вне политики и офицеры, находящиеся на действительной службе, не могут избираться в кнессет), членов «Аводы» во главе с лидером партии Ицхаком Рабином, начальником Генштаба Армии обороны Израила во время Шестидневной войны 1967 года. Популярность Рабина в Израиле высока и это сегодня главный предвыборный козырь «Аводы».

Левых и правых разделяют территории

За голоса избирателей 23 июня будет соперничать рекордно большое количество предвыборных списков — 30. Мест в кнессете — 120. Весь Израиль представляет собой как бы один избирательный участок, каждый голосует за один из зарегистрированных списков. Количество депутатских мандатов пропорционально количеству голосов, поданных за соответствующий список. Лидер партии получает 1-й номер в списке, так что партия, преодолевшая порог в 40 тысяч голосов и получившая один мандат, будет представлена в кнессете одним лидером.

Разделение партий и движений в Израиле на правые и левые весьма специфично. Оно зависит от ответа

Геула Коэн, героиня войны за независимость, сегодня среди лидеров партии «Тхия»

на вопрос: «Что первично — мир или территории?» Известно, что государственные границы Израила до сих пор считаются спорными. Существует так называемая «зеленая» линия — граница на момент начала Шестидневной войны 1967 года и «красная» линия, включающая в себя «контролируемые» территории — сектор Газа, Иудею и Самарию, Голанские высоты, восточную часть Иерусалима.

Левизна партии определяется степенью готовности вернуть территории в обмен на мирный договор. И наоборот — степенью неготовности определяются правизна. Так же четко, но в меньшей степени такое расхождение определяется отношением к роли и месту религии в жизни государства. Крайне левые — за секуляризацию, крайние правые, а это, как правило, и есть религиозные партии, — против.

Все остальные «родовые» черты «право-левости»: приоритеты частной или государственной формы собственности, отношение к рыночной экономике, формам государственного устройства разделяют партии гораздо в меньшей степени и почти никак не отражаются на предвыборной полемике.

Трудно, к примеру, понять, чем отличаются взгляды сторонников партии «Тхия» (Возрождение), считающейся еще правее «Ликуда», от приверженцев левой партии «Шинуй» (Перемены). И те и другие за либеральную экономику, демократические институты. Но если первая партия — национальная, и занимает жесткую позицию: «территории, исторически принадлежащие Израилу — сохранить, арабы уважают только силу, им покажется палец, они откусят руку». (Не случайно один из лидеров «Тхия» Геула Коэн, одна из героинь войны за независимость, приговоренная в 1948 году в 18-летнем возрасте к смертной казни и бежавшая из тюрьмы, вышла из «Ликуда»

в 1979 году, не согласившись с возвращением Египту Синая), то вторая — «Шинуй» — космополитическая. В нее входит техническая интеллигенция, профессура, убежденная, что проблема территорий, в сущности, вторична. Основное — проблемы внутриэкономические и социальные. Именно их нерешенность загоняет страну в угол и может, по мнению левых, взорвать ее.

В оценках ситуации можно услышать и такие сравнения: нынешнее правительство «Ликуда», так же как и Горбачев в свое время, уповает на фактор времени, оно, мол, работает на нас, все как-то образуется, утрясется, главное — не отдалить основные завоевания общества, государства (у вас — это социализм, у нас — территории). А тем временем кризис и в политике, и в экономике нарастает. Нужны новые подходы и небанальные решения.

Уже сегодня, говорят левые, японцы готовы вложить миллиарды долларов в израильскую экономику, не говоря о 10 миллиардах долларов, обещанных США, и 5 миллиардах марок из ФРГ. Требуется всего лишь вернуть территории. Или хотя бы начать серьезные переговоры.

Для многих в Израиле оказалось неожиданным создание левыми предвыборного блока «Демократический Израиль» («Мерец»). В него вошли три партии: РАЦ, «Малам» и «Шинуй». В кнессете текущего 12 созыва они имеют в сумме 10 мандатов. РАЦ — партия гуманитарной интеллигенции; ее возглавляет известная правозащитница Шуламит Алони, занимающая и первое место в списке «Мерец». В правых и центристских слоях общества эту партию считают проарабской на том основании, что для нее приоритет прав человека, во всяком случае, не ниже права нации.

Почему же «Мерец» оказался поначалу в Израиле союзом «лебедя, рака и щуки»? Да по той же, специфической для Израиля, причине: РАЦ и «Шинуй», в традиционных понятиях относящиеся к правым, объединились с «Малам» — отчетливо левой (по отношению к территориям) на антиклерикальной и принципиально антиликудовской платформе. Есть и другая причина: союз богатой партии левых социалистов (за ними киббуцы), но с невысоким имиджем (слишком левые), с популярными правозащитниками и интеллектуалами, нуждающимися в материальной базе, выгоден и тем и другим.

«Бьют» не концептуально, а персонально

Подлинного прояснения позиций ведущих политических партий по проблеме урегулирования арабо-израильского конфликта ждут израильтяне от предвыборной кампании. Будет ли лидер «Ликуда» и нынешний премьер-министр Ицхак Шамир по-прежнему поддерживать план установления автономии на территориях, выдвинутый еще Менахемом Бегинем, а если будет, то что ждет терри-

Торговец-араб в старом Иерусалиме

тории спустя 5 лет, отведенные согласно этому плану на действие промежуточных соглашений по установлению автономии? Четкой программы на этот счет не имеет ни «Ликуда», ни «Авода», поэтому, во всяком случае за месяц до выборов, эти темы старательно обходились оппонентами с обеих сторон.

Обсуждаются не концепции, а персоны. Применяются непривычные доселе для израильской политической жизни приемы. Ицхака Рабина обвиняют в пристрастии к спиртному, вспомнили ему минутную растерянность накануне Шестидневной войны в бытность его на посту начальника Генерального штаба, подозрительно большой долларовой счет в банке...

Однако ничто не идет в сравнение с обвинениями, бросаемыми в адрес Шамира. Вот только некоторые из них: «мизантроп и хам, звонящий часто своим министрам по ночам, не здороваясь и не извиняясь», «коварен и двуличен», «цинично способен отказаться от данного им самим слова или подписанного соглашения», «нерешителен», потому что не решился на ответные действия против Ирака во время войны в Персидском заливе...

В этих обстоятельствах лидеры «Ликуда» и в первую очередь сам Шамир демонстративно жестко реагируют на резко возросшую активность арабских террористов. Это и прицельные атаки израильских ВВС на позиции «Хезболла» в Южном Ливане, и резкие публичные выступления в связи с убийством арабом в тель-авивском пригороде Бат-Яме ножом в спину 15-летней школьницы Хелены Рапп. Слова Шамира о его «сожалении, что те, кто стрелял в террориста, промахнулись», наряду с отказом мэра Бат-Яма осудить ответные бесчинства своих сограждан, направленные не только против арабов, но и

против левых вообще, вызвали шквал возмущения в стране. Не без основания в такой спровоцированной эскалации насилия многие видят попытку политиков набрать перед выборами дополнительные очки.

Более того, в Израиле существуют опасения, что Шамир решится произвести эффектный акт возмездия или превентивный удар типа бомбардировки иракского ядерного реактора в 1981 году, в результате чего чаша весов на выборах тогда склонилась в пользу «Ликуда». Многие полагают, что те, кто устроил взрыв этой весной израильского посольства в Буэнос-Айресе, унесший десятки человеческих жизней, рассчитывали именно на такого рода реакцию Тель-Авива. Мирный процесс в этом случае был бы снова подорван.

Если говорить о территориях, то отношение к ним сегодня разъединяет израильтян не только умозрительно. Очень многие уже живут там, причем решились на этот шаг без всякого принуждения. Искренне движимые сионистской идеей, они поселились на земле своих праотцов и первое время, ведя спартанский образ жизни, работали и сами охраняли свои дома. Они старались занимать участки земли, которые не были собственностью арабов и не требовали выкупа. Сегодня это относительно благоустроенные поселения, где живут в основном религиозные евреи, охраняемые специальными армейскими подразделениями. Кроме того, жители там имеют право на самооборону, и обстановка там, как это ни парадоксально, гораздо более безопасна, чем в обычных городах. Террористы не решаются проникать туда, зная, что получат молниеносный и сокрушительный отпор. Более того, вокруг этих поселений заново стали возникать арабские поселки, где нашли работу многие тысячи людей.

Противостоящие им сторонники «мира в обмен на территории» спрашивают: «Почему государство, охраняя только часть израильтян, тратит деньги всех налогоплательщиков, в том числе и не согласных с концепцией поселений?» Им отвечают: «Так устроена демократия, это делается согласно решению парламента».

«А если в будущем парламент изменит свое решение?» — спрашивают они. «Тогда многие из нас окажут сопротивление», — отвечают им. «А как же тогда демократия?» Вопрос повисает в воздухе...

Но вот что удивительно: несмотря на громкие взаимные обвинения, острые политические схватки оппонентов, публичную полемику, в своей экзальтации на митингах доходящую даже до потасовок, невозможно представить себе израильское общество раздробленным и озлобившимся. Все одинаково испытывают ответственность за существование Эрец Исраэль — Земли Израиля.

ИЕРУСАЛИМ — МОСКВА
Фото автора

Ностальгия по войне

Не верится, что вспышка насилия, начавшаяся в мае на Ближнем Востоке, — всего лишь цепочка спонтанных акций, довольно обычных для этого региона. Создается впечатление, что в разгар мирного процесса некая координирующая сила распределила задания: кому зарезать израильского студента в Иерусалиме, кому — школьницу, кому — раввина, кому — старого израильского торговца, в какой день затеять мини-войну с территории Ливана.

Как раз накануне серии террористических акций завершились многонациональные переговоры в ряде стран по широкому кругу проблем Ближнего Востока. В Вашингтоне

21 делегация, включая арабов и израильтян, согласились совместно искать пути уменьшения риска неожиданного нападения с чьей-либо стороны и иных инцидентов, способных спровоцировать усиление напряженности в регионе. Эта встреча завершилась 17 мая.

В тот же день в Иерусалиме верховный советник «Всемирного исламского совета» шейх Исхак Идрис Сакута, приближенный к королевскому дому Саудовской Аравии, встретился с президентом Израиля Хаимом Герцогом, а также с главным раввином Израиля Авраамом Шапиро.

А 19 мая базирующаяся в Ливане группировка исламских экстремистов «Хезболла» начала свою войну против Израиля, сопровождавшуюся террористическими актами против беззащитных граждан в самом Израиле.

Недавно в редакцию пришел пресс-атташе посольства Ирана г-н Муртазави и выразил неудовольствие по поводу публикаций «Нового времени», в которых его страна характеризуется как спонсор террористической группировки «Хезболла» (см. «НВ» № 17/92). Эту группировку мировая пресса неизменно называет «проиранской». Надо полагать, посольства Ирана заявили подобный протест и многим другим средствам массовой информации.

Я склонен верить тому, что Иран искренне отмежевывается от террористических группировок, особенно после недавних выборов. Со своей стороны, король Саудовской Аравии Фахд Аль Сауд во время встречи с министром иностранных дел Российской Федерации Андреем Козыревым в конце апреля не только отмежевался от исламского экстремизма и терроризма, но и решительно осудил их. Об отказе от поддержки терроризма заявил и ливийский лидер Муамар Каддафи. В это тоже не трудно поверить, учитывая, в какой ситуации оказалась Ливия в результате введения санкций против нее. Ирак, похоже, не в состоянии сейчас выполнить угрозу своего лидера организовать в мире волну террористических актов. Тем не менее арсеналы «Хезболла» пополняются, ее боевики действуют.

Кто им помогает? Подозрения падают на Сирию, которая объявила бойкот мирным

переговорам с Израилем. «Хезболла» пользуется покровительством Дамаска, который не намерен препятствовать действиям этой группировки, расположившейся на той части территории Ливана, которая контролируется сирийскими войсками.

Я имел возможность побывать и в Сирии, и в Ираке. Сирия выглядит полиберальной Ирака.

В Ираке уровень жизни выше, поскольку и страна богаче. Курдов в Сирии не убивают. Но есть и весьма существенные сходства между двумя соперничающими режимами. Прежде всего — обилие портретов вождя на улицах и в присутственных местах, лозунгов с цитатами их речей и здравий в их честь. В нашей стране с ее горьким опытом в этой сфере подобные вещи воспринимаются как признак тоталитарного режима, когда за гигантскими улыбками скрываются не видимые миру слезы.

Как иракский, так и сирийский руководители считают себя лидерами всего прогрессивного человечества. Претензии на лидерство в арабском мире — характерная черта этого обширного региона. В свое время даже обнищавший марксистский Аден считал себя идеологическим лидером Арабского Востока.

Борьба за главенство между Сирией и Ираком переросла во вражду между ними, несмотря на то, что идеологически они были братьями — в обеих странах Партия Арабского социалистического возрождения — Баас является правящей.

Можно предположить, что Сирия выступила против Ирака во время его нападения на Кувейт не столько из чувства международной солидарности или справедливости, сколько из давнего враждебного отношения к сопернику. Сирия поддержала Иран, а не Ирак во время ирако-иранской войны. Теперь соперник повержен, но что-то не похоже на то, что Сирия стала главной страной в арабском мире (если не считать пропаганды для внутреннего потребления). В лидеры уверенно выходит опять Египет. При чем Египет выступает как миротворческая сила. Сирия же стремится выйти в лидеры по своим бойцовским качествам.

Но как? Воевать с Израилем в Дамаске справедливо опасаются. Советские усилия по созданию военных монстров на Ближнем Востоке делились примерно поровну между Дамаском и Багдадом — они получили оружия на шесть с лишним миллиардов долларов каждый (их задолженность).

Дамаск без особого энтузиазма наблюдал, как Соединенные Штаты уничтожали военную машину Ирака. Затем Сирия войну с Израилем — то же самое произойдет и с ней. Похоже на то, что Дамаск избрал иной путь: провоцировать Израиль на репрессии против арабов, чтобы поднять волну возмущения, чтобы арабы от Магриба (заката) до Машрика (восхода солнца) признали Сирию боевым лидером в борьбе с Израилем.

Дмитрий
Зерский

Кому
выгоден
срыв
мирного
процесса
на Ближнем
Востоке

В каждом доме есть свои мьши

Революционный романтизм свое совершил.
Придут ли на смену реалисты

Александр Дидусенко

На майской встрече «вишеградской тройки» лидеры Чехо-Словакии, Венгрии и Польши договорились о совместном вступлении в Европейское сообщество. Неясно, правда, когда это вступление состоится. Ибо решать будут не в венгерском Вишеграде, а в португальском Лиссабоне, где вскоре высшие руководители стран — членов ЕС намерены помимо прочего определить: как, когда и в каком порядке бывшие социалистические государства смогут рассчитывать на прием в Сообщество.

Задача эта, судя по всему, окажется непростой. С одной стороны, в самом ЕС нет на сей счет единого мнения. В Германии, например, высказывались надежды, что чем быстрее ее восточные соседи будут «впущены в Европу», тем скорее наступит политическая и экономическая стабилизация молодых демократий. Французы, напротив, опасаются, что сдвиг границ Сообщества на восток усилит позиции и роль Германии. А испанцы вообще не хотели бы делиться с «новыми бедными» своей долей миллиардов из структурного фонда ЕС и, как пишет в этой связи гамбургский «Шпигель», подобно французам предпочли бы отложить прием новичков на далекое будущее. Есть и другая сторона дела: экономическая и политическая подготовленность самих посткоммунистических стран к вхождению в богатый и демократический европейский дом столь неодинакова, что, судя по всему, только Венгрия и Чехо-Словакия имеют неплохие шансы вступить в Сообщество до 2000 года, Польша придется немного подождать. И лишь в далеком будущем наступит очередь Болгарии, Румынии, Албании, республик бывшей Югославии.

Впрочем, все будет зависеть от успехов или неудач в реализации их внутренних реформ.

Время собирать камни тоже проходит...

Думаю, древняя библейская лемма относительно того, что есть время разбрасывать камни и есть время их собирать, нуждается в дополнении. Потому что приходит и такое время, когда из собранных камней надо строить дом. Демократические лидеры, пришедшие к власти на волне

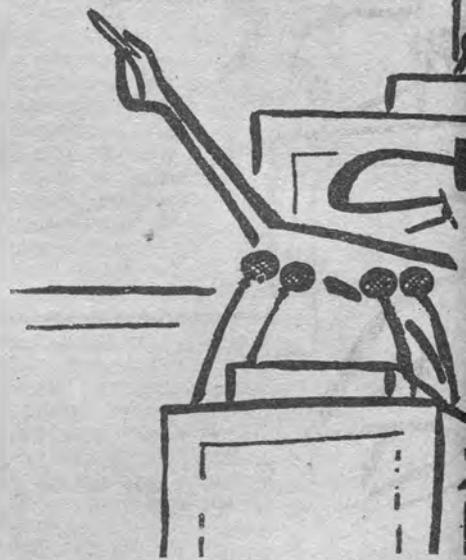
восточноевропейских революций 1989—1990 годов, были политическими романтиками. Они сообща легко справились с разрушением политических и властных структур тоталитаризма, но, когда пришла пора собирать камни, затеяли долгий спор о том, кто и как их должен собирать, где складывать и по какому плану вести будущее строительство. В итоге дальше рытья котлована под фундамент дело не продвинулось. А ведь как просто и ясно все было вначале. Казалось, стоит только ликвидировать монополию компартий на власть, сломать политические и экономические институты социализма, реабилитировать и реанимировать частную собственность, приватизировать средства производства — и сразу же наступит светлое царство рынка. Стать первым политиком, который осуществит переход от социализма к капитализму, обещал, еще будучи лидером «Солидарности», нынешний президент Польши Лех Валенса. За один-два года восстановить разрушенную экономику, за пять-шесть лет выйти на уровень развитых стран Европы предполагал после свержения диктатуры Чаушеску первый посткоммунистический премьер Румынии Петре Роман.

Сегодня о подобных обещаниях политики предпочитают не вспоминать. Да и эйфория по поводу вот-вот грядущего счастливого будущего испарилась. Как показал один из недавних опросов Национального центра изучения общественного мнения, в Болгарии впервые после мая 1990 года число людей, положительно оценивающих 45 послевоенных лет, превысило число их критиков. «После того как два правительства в течение года проводили реформу, народ независимо от своих партийных пристрастий возненавидел ее», — написала по этому поводу софийская газета «24 часа».

Не везде, конечно, дело обстоит так грустно. Правда, в Венгрии, Польше, Чехо-Словакии значительная часть населения тоже в той или иной степени разуверилась в реформах, но о возврате к прошлому здесь помышляют лишь немногие. Правительствам удалось в какой-то мере сдержать инфляцию, не допустить обвального роста цен, а в Польше приостановить его. Идет приватизация, происходят структурные изменения в сфере производства, достигнута внутренняя конвертируемость национальной валюты. Но тем не ме-

нее и здесь сквозь столь привлекательные для россиянина богатые витрины магазинов и чарующее базарное изобилие нет-нет да и прорываются тревожные звонки — предвестники неожиданных социальных бурь и кризисов.

Поводы для тревоги весьма разные. В Венгрии и Польше это прежде всего рост безработицы, сложности с приватизацией крупных государственных предприятий, обнищание значительной части населения. К началу апреля в Венгрии 8,9 процента трудоспособного населения оказалось без работы, сообщает газета «Непсабадшаг». Если безработица вырастет до 12—15 процентов, ситуация в стране может выйти из-под контроля властей. При среднемесячной польской зарплате в 100 долларов средняя квартплата составляет 85. Как считают в варшавском

отделении «Солидарности», 20 процентов поляков уже не в состоянии оплачивать жилье, электроэнергию, не платят налогов. В Чехо-Словакии экономические причины действуют слабее, хотя и здесь в прошлом году производство сократилось на 16 процентов, а безработица выросла до восьми. Зато угрозу несут неясность будущего государственного устройства, противоречия между Чехией и Словакией...

Словом, разрушить старые, основательно прогнившие в застойные годы социалистические конструкции оказалось куда проще, чем построить новое капиталистическое здание. Тем более что на серьезную помощь Запада рассчитывать не приходится. Даже более или менее благополучная Венгрия обеспокоена тем, что, как сказал в интервью американской «Крисчен сайенс мони-

тор» шеф венгерского МИД Геза Есенски, «события в бывшем СССР, а также кризисные ситуации в других регионах мира заставят Запад забыть о странах Восточной Европы». Похоже опасения можно услышать и в других посткоммунистических странах. И, видимо, далеко не случайно во время своего короткого визита в Москву недавний гданьский электрик, ставший президентом Польши, осторожно убеждал высокоученых российских политиков и экономистов меньше надеяться на Запад, не полагаться на всемогущество «шоковой терапии» и во всяком случае быть готовым к корректировке «плана Бальцеровича» альтернативным социальным планом.

Если не ЕС, то хотя бы «санитарный кордон»

Итак, до вступления в ЕС далеко, помощь Запада оказывается не столь явной и обильной, а собственные трудности растут. В этих условиях в некоторых политических кругах возникает соблазн выступить с планами,

Предлагаю следующую формулировку: все должно быть хорошо!

Рисунок
Томаша Роговского (Польша)

которые, с одной стороны, вновь привлекли бы внимание Запада, а с другой — отвлекли внимание собственной общественности от острых экономических и социальных проблем. К числу наиболее экстравагантных предложений такого рода относится, пожалуй, план создания чего-то вроде «санитарного кордона» от Черного моря до Балтики вдоль западных границ России.

Примечательно, что, хотя намеки на возможность появления такого военно-политического образования можно было встретить и в польской, и в венгерской печати, наиболее определенно высказались на Украине. Сотрудники Центра оперативнo-стратегических исследований главного штаба ВС Украины Владимир Ларцев и Эдуард Лисицын в №18 (105) еженедельника «Megapolis-Express» пишут о желательности осу-

ществить кардинальный геополитический сдвиг в Европе — образовать сильный союз, куда вошли бы Польша, Чехо-Словакия, Болгария, Украина, Беларусь, страны Балтии и некоторые республики бывшей СФРЮ. А целью такого союза было бы «уравновесить имперские потоги России» на северо-востоке Европы и «сбалансировать гегемонистские планы Турции» в черноморском и юго-восточном регионах. При этом в восточноевропейские государства могли бы остаться всякую заботу о своих юго-восточных и северо-восточных границах...

Чего в такой идее больше — политической наивности или наивной геополитики крепких задним умом непрофессионалов, решить трудно. Достаточно сказать, что российско-польский Договор о дружбе и добрососедском сотрудничестве, как и заключенный ранее российско-чехословацкий договор, скорее всего, тихо похоронили этот план. Гораздо больше шансов на выживание имеет план превращения «вишеградского треугольника» в «четырёхугольник» с подключением к нему Украины. Заслуживает, видимо, анализа и провозглашаемая Лехом Валенсой идея создания восточноевропейскими государствами и странами СНГ неких временных объединений — ЕЭС-бис и НАТО-бис, которые гарантировали бы общую безопасность участников и обеспечивали их общую экономическую стратегию в течение того времени, которое потребуется для подготовки к общему вступлению в структуры ЕС и НАТО.

Сообща в Европу будет войти легче, справедливо считает польский президент.

Аванс доверия тает

Не секрет, что вместе со временем уходит и, пожалуй, самое ценное из того, чем располагали демократы, — доверие масс. На одном из недавних опросов общественного мнения выяснилось, например, что в нынешней Польше самый популярный политик — это первый посткоммунистический премьер Тадеуш Мазовецкий, год назад на президентских выборах проигравший в борьбе за пост главы государства. А тогдашний победитель — Лех Валенса оказался по популярности на шестом месте, после ставшего пятым своего предшественника-коммуниста Войцеха Ярузельского. Теряют популярность и Анталл в Венгрии, и Илиеску в Румынии, и Гавел в Чехо-Словакии. Оживляются сторонники политического реванша — красные. С другой стороны, растет влияние крайне правых популистских группировок, в том числе и неонацистского толка. И не только в землях бывшей ГДР, что вызывает понятную головную боль у берлинских и боинских демократов, но и в Чехо-Словакии, в Румынии, даже в казавшейся исторически

невосприимчивой к нацистской заразе Болгарии, где местные «нации» отметили день рождения Гитлера, размазав фашистскими символами и лозунгами стены домов в Габрове.

С учетом всего этого понятен тот интерес, с которым в Европе ожидали результатов парламентских выборов в Чехо-Словакии, стране наиболее близкой Западу по демократическим традициям. Ведь на этих вторых посткоммунистических выборах избиратели уже не решали вопрос: «тоталитаризм или демократия?», а давали оценку действиям и достижениям демократов. И вот первые вести: расстановка политических сил изменилась. В Чехии больше всего голосов получила правоцентристская Гражданская демократическая партия автора экономического реформы Вацлава Клауса. В Словакии — сепаратистское Движение за демократическую Словакию Владимира Мечьяра. Значительно укрепили свои позиции левые.

Впрочем, каков бы ни был результат выборов, можно сказать, что время «политического романтизма» уходит. Развивать революционный процесс, вырваться из цепких объятий прошлого, попутно сбрасывая и груз новых ошибок, предстоит политическим реалистам, умеющим трезво оценивать обстановку и принимать жизнеспособные решения.

В каждом доме есть свои мыши. Эта грустная мудрая пословица невольно вспоминается, когда следишь за тем, как в странах Восточной Европы происходит нелегкий переход от тоталитаризма к демократии, от централизованной экономики к рыночной. И хотя нет ни малейшего сомнения, что минувшие два — два с половиной года были для Восточной Европы временем глубоких позитивных перемен, они принесли и новые проблемы, порожденные и болезнями молодой демократии, и национальными спорами, и кризисными явлениями в экономике, нестыковкой «шоковой терапии» с сформировавшимися десятилетиями хозяйственным организмом и общественным сознанием. Немалые трудности связаны и с зачастую невысоким нравственным и интеллектуальным потенциалом борющихся за власть группировок, отсутствием у многих из них ясных, популярных (не популистских!) программ.

В такой ситуации, конечно, трудно предугадывать, как и когда та или иная из посткоммунистических стран сможет войти в Европейское сообщество, кому из сегодняшних лидеров удастся довести ее до этого дня. Хочется, конечно, надеяться, что «смена рулевых» на пути в Европу будет происходить без новых революций и чрезвычайных положений — демократически. Когда право управлять от имени народа сохраняют лишь тот или те политики, кто может честно сказать своим гражданам: мы готовы передать своим приемникам нашу страну в лучшем состоянии, чем она была, когда мы ее приняли.

Как нам укрепить рубль и все остальное

Советы посторонних, но равнодушных лиц. Корреспондент «НВ» беседует с видными американскими экономистами Милтоном Фридманом, Стивом Хэнки и Уильямом Нисканеном

Экономическое выздоровление России невозможно без крепкой и уважаемой в остальном мире валюты, сказал, отвечая на вопрос корреспондента «НВ» в Мексике, нобелевский лауреат Милтон Фридман — всемирно известный сторонник свободного рынка. По его мнению, наш нынешний рубль уже не способен выполнить миссию спасителя. Более того, его дальнейшее использование даже наносит вред экономике. Необходим переход на параллельную валюту, здоровую и признанную во всем мире, например — марку, доллар, иену...

При всем уважении к экономическому гуру, наверное, все же такое предложение звучит немного обидно для уха россиянина. Каким бы ничтожным ни был нынешний рубль, он — часть истории и национальной культуры России. Замени его здоровой и надежной западной валютой — добавит ли это россиянам духовных сил?

Однако было бы неразумно не прислушаться к мнению тех, кто формирует мнение международных деловых и банковских кругов. В беседах со многими американскими участниками конференции, посвященной проблемам экономических реформ в Латинской Америке, довелось услышать: дальнейшая эмиссия денежных знаков, потерявших авторитет и экономическую ценность даже внутри страны, лишь усугубляет кризис, а созданный с помощью Запада долларовый 6-миллиардный фонд спасения рубля едва ли поможет российской экономике, если «деревянный» по-прежнему будет править бал.

Нужен Валютный совет

Что же делать, если в условиях постоянного повышения розничных цен наличных денег требуется все больше? Профессор прикладной экономики Университета Джонса Гопкинса Стив Хэнки считает, что

знает выход из положения. Речь идет о создании для России Валютного совета. Это орган, который взял бы на себя функции выпуска новой российской валюты — так называемого твердого рубля, полностью обеспеченного резервной валютой, то есть 6 миллиардами долларов или золотом. Он должен быть независимым от Центрального банка и правительства страны, чтобы освободить себя от функций финансирования убыточных предприятий-фаворитов.

Сама идея не так уж оригинальна, в разные времена она была апробирована более чем в 70 странах. В том числе и в России: в годы гражданской войны на севере России, оккупированном англичанами, циркулировал рубль, обеспеченный британским фунтом. В 20-е годы правительство Ленина выпустило золотой червонец, который с удовольствием приобретали на Западе.

Несмотря на то, что валютные советы в большинстве случаев помогли скорейшему выздоровлению экономики, их существование за редким исключением не было долговечным. По мнению профессора Хэнки — непреклонного критика системы центральных банков, амбиции всех мировых правителей на редкость банальны: денежные печатные станки, равно как и

склады оружия, они, по его образному выражению, «держат у себя под мышками».

В эксклюзивном интервью «НВ» американский ученый, консультирующий по денежным проблемам правительства ряда стран Восточной Европы, показал преимущества Валютного совета для России. По его мнению, это поможет стране приобрести надежный рубль, который займет достойное место в корзине основных мировых валют, защитит 6-миллиардный фонд от раскрутившейся инфляционной спирали, привлечет в страну иностранных инвесторов, которые наконец-то увидят смысл вкладывать капиталы в нашу экономику. Кроме того, валютные средства, которые в размере 10–15 миллиардов долларов ежегодно утекают через бывшие советские границы, могут быть репатрированы. К тому же россияне узнают, что кроме сберкассового есть еще и настоящий банковский сервис, поскольку новый рубль не может не привлечь в страну иностранные коммерческие банки.

Представительства Валютного совета в крупных российских городах будут менять твердый рубль на резервную валюту и наоборот по

Рисунок Евгения Стародубцева

фиксированному курсу. «Деревянный» рубль, который Центральный банк страны может по-прежнему выпускать, будет обмениваться на твердый по рыночному курсу. Свободная конкуренция между двумя рублями покажет, какой из них более жизнеспособен.

В зависимости от решения правительства новый рубль может быть введен в стране различными способами. Профессор Хэнки, например, предлагает выдать всему населению России в качестве единовременного пособия его эквивалент в 40 долларов США. Это составит примерно 6 миллиардов долларов — вся иностранная помощь рублю нынешнему. По мнению ученого, таким образом можно также гарантировать наиболее рациональное использование этой помощи внутри страны.

Для того чтобы Валютный совет начал работу, требуется согласие российского и западных правительств, руководства МВФ. Последнее, по словам Хэнки, такую возможность не исключает: судя по всему, российское правительство также в курсе этого проекта и пока не вынесло негативного вердикта.

Не спасать банкротов

Имя Уильяма Нисканена — бывшего главного экономического советника Рональда Рейгана, творца «рейганомии», вряд ли знакомо всем читателям «НВ». В те времена советскую печать не слишком интересовали подобные персонажи, к тому же «плоды» экономической политики Р. Рейгана были якобы хорошо известны: безработица, нищета на улицах американских городов, бюджетный дефицит, гигантские военные расходы. Между тем именно тогда экономика США вступила в новый этап развития. Видимо, во многом благодаря «рейганомии», американцы сделали богаче, а республиканцы до сих пор находятся у руля.

Уильям Нисканен недавно побывал в Мексике, где выступал на форуме, посвященном будущему «общего рынка» трех стран — США, Канады и Мексики. Он нашел время ответить на вопросы корреспондента «НВ».

«Новое время». Если бы вы были советником Ельцина, то рекомендовали бы ему обратиться к опыту Рейгана?

Уильям Нисканен. Да, причем очень настоятельно. В январе 1981 года президент Рейган по моему совету пошел на рискованную и отчасти необычную для США реформу цен — их освобождение в большинстве отраслей экономики. Одновременно была снята чрезмерная регламентация предпринимательской деятельности. В результате уже через несколько месяцев и на протяжении последующих примерно де-

сяти лет общий индекс цен в США продолжал падать, а экономическая активность росла. Российское правительство в начале этого года также освободило цены. Однако вместо того чтобы падать, они растут. Дело в том, что предпринимательская деятельность в России по-прежнему связана многочисленными регламентациями, которые создает центральное правительство.

«НВ». Наверное, это происходит еще и потому, что на всероссийском рынке слишком мало участников, конкурентов, поскольку отстает процесс приватизации?

У.Н. Возможно, это и так. Но, на мой взгляд, приватизации должен обязательно предшествовать отказ от субсидирования предприятий. Это очень трудное политическое решение, но оно необходимо. Рынок сам должен решать, кто проиграет, а кто выиграет. По-моему, нет ничего страшного в том, что число банкротов будет шокирующе огромным. Между прочим, в США каждые 10 лет около 20 процентов промышленных предприятий исчезают, а им на смену приходят более сильные и эффективные.

Я бы начал приватизацию с малых предприятий, которые должны стать основными действующими лицами на рынке. Не надо иметь иллюзий в отношении больших предприятий, их приватизация может затянуться на десятилетия.

«НВ». Нет ли в таком случае риска, что великаны, имеющие традиционно монопольное положение, сведут на нет реформы или по крайней мере будут их тормозить?

У.Н. Конечно, диктат государственных монополий — обычное дело для большой коммунистической экономики. Однако деятельность монополистов вполне можно регулировать посредством антимонопольного законодательства — это уже в руках правительства. Что бы я рекомендовал Ельцину, так это проведение решительной структурной реформы в экономике — как следующий шаг после реформы цен и приватизации. Вертикальное подчинение в экономике, когда предприятие обрастает массой подрядчиков и поставщиков, зависимых от него лишь в силу навязанных контрактов, ужасно неэффективно. Участники рынка должны быть независимыми в выборе партнеров. Критерий тут один — экономическая выгода.

«НВ». Насколько приоритетными, по-вашему, в проведении экономической реформы должны быть советы и рекомендации МВФ?

У.Н. В Международном валютном фонде работают опытные и умные экономисты, которые при наличии объективной и полной информации об условиях деятельности в той или иной стране способны дать очень хорошие советы. Скажем, почти всем странам Латинской Америки МВФ

дает универсальные рекомендации относительно того, как следует сокращать бюджетный дефицит. Однако действительно поразительных успехов в проведении экономических реформ достигли немногие — Аргентина, Чили и Мексика. Почему? Потому что правительства именно этих стран наиболее привержены реформам, действуют в зависимости от собственных конкретных условий, хотя и могут игнорировать какие-то советы МВФ, поскольку знают, что в данных условиях наиболее приемлемы другие подходы.

Вообще МВФ — это хороший шит в отношениях с политической оппозицией. Когда правительство принимает какое-то непопулярное решение, оно всегда может сослаться на МВФ.

«НВ». Правительство Ельцина намерено запретить использование иностранной валюты в наличных расчетах, планирует создать обширную сеть обменных пунктов, где можно будет менять валюту по официальному курсу на рубль. Как бы вы отнеслись к этому шагу?

У.Н. Не знаю. Я не вижу в этом особой экономической или финансовой целесообразности. В сущности, рубль, насколько я знаю, никогда не был в СССР эффективным средством платежа. Его всегда что-то сопровождало: длинные очереди, взятки, фаворитизм и прочее. Если только поддержка рублю со стороны западных финансовых институтов придаст ему авторитет... Но, откровенно говоря, я не могу вспомнить ни одной страны мира, где бы после введения принудительного валютного обмена не появлялся бы уличный рынок.

«НВ». Еще один возможный шаг российского правительства в ближайшем будущем: введение налога на экспорт при почти полной отмене его лицензирования...

У.Н. Налог на экспорт — это фактически то же, что и налог на импорт. К такой форме налогообложения американское правительство прибегало еще до первой мировой войны, когда не была отлажена система торговых тарифов. Сейчас основная форма налогообложения — подоходный налог, который исчисляется на основе добровольных сообщений индивидуальных лиц и предприятий о размерах их доходов. Едва ли такая форма налогообложения возможна в России в настоящее время. Надо полагать, российское правительство прибегает к налогу на экспорт как к одному из последних средств. Однако такой шаг может привести к сокращению внешнеторговой деятельности, что, пожалуй, не совсем желательно в тот момент, когда Россия пытается конкурировать на международных рынках.

Юрий Кудимов,
соб. корр. «Нового времени»

МЕХИКО

Забастовка как новый вид многоборья

Заявку на участие в нем в канун Олимпийских игр в Барселоне подали испанские профсоюзы

Сергей Муравьев,
собственный корреспондент
«Нового времени»

В один из последних дней весны здесь состоялось действо, именовавшееся всеобщей забастовкой. Ему сопутствовали некоторые меры властей. Недовольство синдикатов (профсоюзов) вызвали два законопроекта Фелипе Гонсалеса, соответствовавших маастрихтским договоренностям в рамках ЕС: на рубеже 1996 и 1997 годов планируется включение Испании в единое европейское экономическое пространство.

Первый документ предусматривает сокращение пособий по безработице, но одновременно и увеличение ассигнований на профессионально-производственную переподготовку. Второй дополняет и уточняет (профсоюзы утверждают, что ужесточает и ограничивает) закон о забастовках.

Ранее кабинет министров повысил размеры пенсий и минимальной заработной платы, равной теперь 650 долларам. Всеобщий союз трудящихся и Рабочие комиссии — ведущие профобъединения — единодушно заявили, что «коррупцированное и авторитарное правительство социалистов-капиталистов» вновь стремится их обобрать. И объявили о массовой мобилизации своих сторонников по городам и весям.

«Маастрихт далеко, а семья под боком»

В условиях 15-процентной безработицы и в отсутствие перспектив ее уменьшения в связи со структурной реорганизацией промышленности костяк забастовщиков составил пролетариат. Технологически обновляется и местами сворачивается угольное и сталелитейное производство — неизбежные издержки модернизации.

«А нам что же делать? Безучастно смотреть, как правительство нас обкрадывает? Маастрихт далеко, а семья и дети под боком», — включается в затеянный мною с демонстрантами разговор 40-летний Селестино Баэга, потомственный металлург. Для него своя рубашка

ближе к телу: «Мы хотим жить хорошо и стабильно сейчас, а не когда-то в какой-то там объединенной Европе», — рубит он с такой неприязнью, будто проект ЕС — откровенно бредовая идея, обрекающая испанских рабочих на голод и нищету. Эх, Селестино, тебя бы сейчас на месячишко в Расею. Ты бы тогда обожал свое правительство как мать родную, а не требовал его отставки и не упрекал во всех смертных грехах.

Отстаю от колонны манифестантов, и в машину — на другой конец Мадрида, к пикетам около вокзала Аточа. А в голове все никак не укладывается: к чему эта забастовка здесь, в зажиточной стране? Средний ежемесячный душевой доход — две тысячи долларов. И это при колоссальном социальном крене экономики: до 40 процентов налога, но не на рабочих, разумеется. Уж кому бастовать, так это мелким и средним предпринимателям, которых фискальная политика пригибает к земле. Но они, несмотря на это, терпеливо взирают на чрезмерно активную роль государства в устройстве экономического будущего страны. По части налогов испанцы почти догнали шведов: выходит так, что четверо

работающих кормят здесь двух безработных. Потенциальные возможности сегодняшней Испании — и в этом большая заслуга правительства социалистов — просто огромны. В министерстве труда и социального обеспечения мне поведали прямотаки ошеломляющие цифры: оказывается, Испания вышла на второе место в мире по объему золотовалютных резервов — 70 миллиардов долларов и на первое — по обеспечению ими импортных операций. А это — громадный запас финансово-экономической прочности и гарантия стабильности и процветания на многие годы, в том числе для детей и внуков Селестино со товарищи.

Однако вспоминается старая истина: профессионализм не в почете у улицы, голосующей ногами и злобными выкриками. Дилетанту трудно усвоить, что политика — это зачастую искусство выбора не столько между хорошим и лучшим, сколько между плохим и худшим вариантом.

Но и за кабинетом Ф. Гонсалеса водится грешок. Не хватает ему временами терпения, желания и настойчивости для поиска максимально широкой базы социального согласия, для разъяснения целесообразности своих прагматических установок. Вышли на парламентскую трибуну премьер с министрами, произнесли речи о задачах экономической конвергенции с Европой, пообсуждали их для порядка, а потом быстро разошлись, не дав публике даже шанса по достоинству оценить эти замыслы, рассмотреть их конструктивное начало и перспективу получения от них солидных дивидендов. Как тут не обеспокоиться пролетариям и вообще трудящимся, усмотревшим в таком подходе авторитарное начало.

«Обидно, что нас держат за дура-

В конце XX века орудием части пролетариата стала рогатка...

Фото из журнала «Камбио-16» (Испания)

ков. Как будто нам не хочется жить лучше. Но ты сядь за стол переговоров, обсуди с рабочими их проблемы. Мы ведь не против капитала или предпринимателей выступаем, а против собственного правительства», — энергично растолковывает мне Хоакин Ларрайа. Он стоит в так называемом информационном пикете, к которому со второго захода меня не хотя пропустили двухметровые ребята из бригады охраны общественного порядка. Я не требую от Хоакина, чтобы он решал вопрос о своем участии в забастовках с прикидкой на российскую действительность. Хочу только выяснить, насколько это оправданно именно в испанских условиях, в которых стачка выглядит пережитком эпохи Великой депрессии на Западе. «Но ведь они хотят закончить с правом на забастовку. Ты читал новый проект закона?» — возмущается испанец. Да, читал. Никто ни у кого никаких прав не отбирает.

Наша беседа неожиданно обрывается. Стражи порядка мощным клином врезаются в пикет и мгновенно рассеивают его, напропалую орудуя резиновыми дубинками. Испытываю на себе эффект ударной волны, судорожно сжимая в руках диктофон, а затем огородами пробирюсь к машине, чтобы успеть в центр, на митинг.

Разбитые витрины

Осажденным городом выглядел в тот день Мадрид. Такого скопления сил по поддержанию общественного спокойствия давно не наблюдала испанская столица, в которой, казалось, было введено чрезвычайное положение.

Некоторые пикеты «информаций» не ограничивались, действовали весьма активно, как, например, в районе Аточи, где друзья Хоакина силой заставили владельца кафе закрыть питейное заведение, вызвав закономерную реакцию полиции. Некоторые пикетчики возводили баррикады, преграждали людям вход в офисы и на предприятия, били стекла автобусов, такси, витрины работавших магазинов, а заодно физиономии тем, в ком распознавали штрейкбрехеров, заливали быстрозатвердевающей жидкостью замочные отверстия на дверях банков и даже — в азарте — собственных профсоюзов, оскорбляли полицейских. И это еще скромный «урожай» привлеченных к ответственности — 15 человек предстали перед мадридским судом.

Большинство же участников стачки не имели к беспорядкам никакого отношения. Они мирно дефилировали по центральным улицам, шутили, улыбались, смеялись, пили пиво и кока-колу и время от времени скандировали что-то вполне пристойное.

Многие рабочие и служащие вообще не поддержали стачку. Опросы общественного мнения показали, что зря синдикаты узурпировали

право представлять интересы всего народа: большинство высказалось против этой формы социального протеста, которую сочли анахронизмом и пустой тратой времени и денег. Кстати, о последних. Суммы, в которую обошлась забастовка, хватило бы на возведение десяти комфортабельных госпиталей, оборудованных по последнему слову техники. Или тридцати пяти школьных центров. Или жилья на восемь тысяч семей. Или на прокладку стокилометровой скоростной автотрассы.

Бывший генсек Рабочих комиссий престарелый Марселино Камачо, выступая на митинге рядом с входом в министерство внутренних дел, назвал принятые полицейско-охранительные меры «фашистскими», явно перегнув палку, вероятно, по причине морозящего дождя, который действует на испанцев, как красная тряпка на быка. Правда, власть державшие и впрямь несколько переусердствовали, что вызвало заметное раздражение в обществе.

По завершении забастовки руководство профсоюзов и представители администрации старались доказать, что именно для этой стороны стачка принесла безоговорочный успех, для другой же — закончилась полным провалом. И те и другие словно умышленно закрывали глаза на то, что главные итоги и уроки этого мероприятия лежат совершенно в иной плоскости.

Зарыть топор войны

По-видимому, профдвижению вряд ли стоит рассчитывать на то, что ему удастся добиться от правительства внесения радикальных коррективов в социально-экономическую политику. Собственно, это прерогатива парламента, выражающего общенациональные интересы. Фелипе Гонсалес отметил: «Будущее профсоюзов не в конфронтации, а в диалоге. Поэтому я не думаю, что относительное поражение синдикатов в ходе стачки стало успехом для кого-либо еще». Если бы при этом он был чуть более самокритичен, цены бы не было этим словам, поскольку акция протестария все же стала серьезным предостережением его кабинету. И игнорировать это невозможно. Несомненно, правительство не станет отказываться от курса на экономическую интеграцию с Европой, но ему вряд ли стоит пренебрегать мнением главных социальных партнеров.

Вместе с тем не слишком конструктивно стремление профсоюзов использовать право на забастовку в той форме и тогда, в какой и когда им это заблагорассудится, учитывая, что это сопровождается нарушением нормального ритма общественной жизни. Не говоря уже об откровенно непарламентской риторике некоторых лидеров стачки, оскорблениях и угрозах в адрес государственных институтов, что дискредитирует цели и смысл профдвижения в целом.

А поддерживают ли испанцы заба-

Действующий закон о забастовках

Некоторые основные положения

1. Трудовые соглашения недействительны, если они содержат отказ или какое-либо другое ограничение права на забастовку.

...3. Сообщение о предстоящей забастовке готовится в письменной форме и представляется предпринимателю или администрации предприятия за пять дней до ее начала. Указанное сообщение должно включать сведения о целях забастовки, мерах, принятых для разрешения конфликта, дате ее начала и составе забастовочного комитета....

...6. Сохраняется и уважается право на труд для тех, кто решил не присоединяться к забастовке.

...11. Забастовка считается незаконной, когда она проводится по политическим мотивам или в каких-либо других целях, не связанных непосредственно с профессиональными интересами трудящихся.

Новый законопроект

Некоторые дополнения и уточнения

...3. Признаются противозаконными забастовки, нарушающие конституционный порядок, затрудняющие свободу парламентской деятельности, преследующие цель пересмотреть условия трудового соглашения до истечения срока его действия, организуемые с нарушением и несоблюдением правил и требований, определенных законом.

...8. О гарантиях поддержания основных видов услуг населению.

Под таковыми понимаются жизненно важные службы и услуги, которые обеспечивают осуществление гражданами своих конституционных прав в независимости от того, носят эти услуги государственный или частный характер. В первую очередь это касается:

- а) здравоохранения и общественной санитарии,
- б) обороны и безопасности,
- в) уличного движения, общественного транспорта и связи,
- г) обеспечения электроэнергией, водой, газом,
- д) производства, продажи и распределения продовольственных товаров первой необходимости,
- е) образования, школьного обучения,
- ж) выполнения властями или общественной администрацией конституционно закрепленных за ними функций.

сточки в принципе? «Средний класс», составляющий, по самым скромным подсчетам, не менее 70 процентов населения, однозначно ответил на этот вопрос в день забастовки — воспользовавшись конституционным правом на труд.

Правительство готово зарыть топор войны, предлагая синдикатам провести переговоры, но — без предварительных условий. Последние в знак доброй воли сняли ультимативные требования об отзыве указанных законопроектов. Остается одно: стойчиво и спокойно продвигаться к компромиссу, не поддаваясь искушению превратить забастовку в авантюрный и весьма опасный вид спорта.

МАДРИД

Вверх идут одни старики

Алексей Левинсон

Хотя по демографическим данным население России стареет, по социологическим опросам получается, что оно полагает себя очень молодым. Ответы нынешнего взрослого населения России на вопрос: «К какому поколению вы себя относите?» показали, что к «молодежи» себя относят 36 процентов мужчин и 29 процентов женщин.

Естественно, что среди 16–24-летних относят себя к молодежи практически все (98 процентов опрошенных). Странно другое: вплоть до 35 лет подавляющее большинство людей все еще числят себя в молодых. Хотя далее наступает перелом и большинство начинает считать себя людьми среднего возраста, и в 40 лет не менее одной пятой российских граждан и гражданок продолжают именовать себя «молодыми». Более того, в 50 лет еще остается 5–10 процентов людей, относящих себя к «молодежи».

Сами по себе эти данные можно расценивать по-разному. Один захочет видеть в них добрый знак и подтверждение правоты официальной пропаганды прежних лет: «у советских людей молодая душа». Другой увидит дурной знак и подтверждение расхожих слов о том, что, мол, «нынче мужик и в сорок лет все ребенок». Выйти за пределы этой альтернативы и предложить свое толкование парадокса столь длительной молодости советских людей позволяют другие данные того же исследования. А они говорят о трех кризисах возрастной идентификации.

Опрос проводился осенью 1991 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 32 городах и сельских населенных пунктах в 12 областях не европейской территории России. Опрошено 1944 респондента в возрасте старше 15 лет.

Третий возрастной кризис советского общества

Данные подтверждают то, что людям средних лет известно из собственного опыта, а именно: переход из одной возрастной категории в другую дается тяжело. Иная женщина между 30 и 34 годами не может решить: считать себя «еще молодой» или уже причислить себя к «среднему возрасту». В результатах опроса это отражается так: с равной вероятностью женщины этого возраста относят себя и к той и к другой группе, а часто вообще отказываются ответить на этот вопрос. К счастью или к несчастью, этот кризис длится недолго. Проходит совсем немного времени, и большинство женщин демонстрирует резкий отказ считать себя молодыми. Кризис преодолен, с иллюзиями по поводу собственной молодости расстались, хоть и не без душевных затрат.

Только не «зрелый муж»

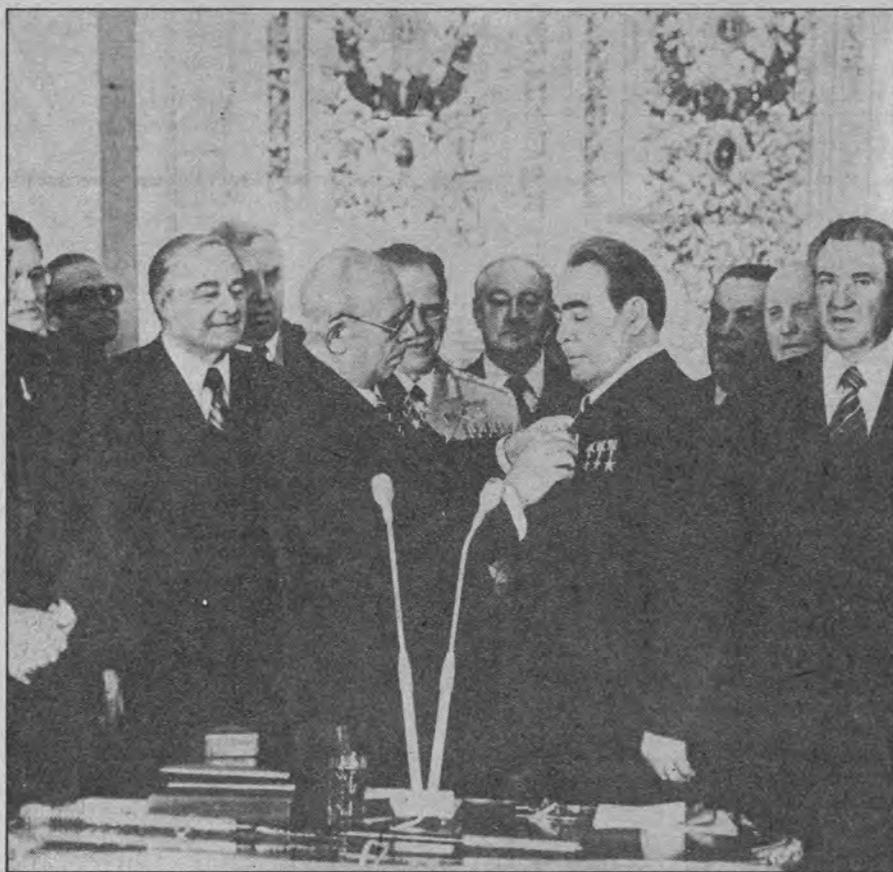
Для мужчин кризисным оказывается период 45–49 лет. По сравнению с поколением сорокалетних в этот период не сокращается, а возрастает доля людей, называющих себя молодыми. Их немало — 12 процентов, то есть в два с половиной раза больше, чем в предыдущей возрастной группе. Значит, какая-то часть людей не сумела справиться с ролью «зрелых мужей» и вновь настаивает на своей молодости. Но 19 процентов их же сверстников, напротив, сочли себя уже «пожилыми». И это можно трактовать как своего рода бегство от зрелости, но только не назад к юности, а вперед в старость.

Эти результаты наводят на мысль, что у мужского и женского кризисов разная природа. Для женщины основная трудность — расставание с молодостью, которая означала любовь или надежды на нее, переход к «будничной жизни», а для мужчины наиболее сложна встреча с той ответственностью, которую предполагает зрелый возраст.

Считает ли себя человек молодым или зрелым, или старым не

Рисунок Александра Зудина

Очередная награда вождю, состарившему всю страну

зависит целиком и полностью от объективного «природного» фактора, будь то измерение возраста в годах либо определение его по состоянию физиологических систем или тканей организма. Не зависит это целиком и от субъективного «психологического» фактора: «кто себя чувствует молодым, тот и молод».

Наконец, не зависит это целиком и от «общества», своими традициями и обычаями заставляющего человека переходить в пожилое, скажем, не по паспортному возрасту и не по самоощущению, а потому, что у него появились внуки.

В советских условиях вопрос возраста и, в частности, вопрос молодости и старости был вопросом социально-политическим. Он сводился к тому центральному вопросу, к которому сводились едва ли не все общественные вопросы. А центральным явлением советского общества была власть в лице партии и государства и, соответственно, центральным вопросом был так или иначе «вопрос о власти». Быть в том или ином возрасте означало состоять в том или ином отношении к ней.

Быть «несовершеннолетним», а также «молодым» означало иметь некоторые моральные права на ошибки, незрелость, но в то же время быть обязанным подчи-

няться «старшим», подобно тому как комсомол подчиняется коммунистической партии. Называются эти патерналистские отношения, с одной стороны, «преданностью», с другой — «заботой».

Папа Леня и сыновья

Апогей демонстративной «заботы советского государства о молодежи» пришелся на конец брежневской эпохи, когда, как мы помним, стало правилом изображать на плакатах советских людей непременно молодыми. В западной прессе говорили о геронтократии в СССР. Внутри страны эквивалентом было распространение насмешек над преклонными годами советских руководителей, анекдотов о маразме Брежнева. Возраст лидера превратился в общественную проблему, а значит, проблемой оказалась и возраст человека, и возраст общества. В период старчества лидеров парадоксальный факт «молодости общества» не только не оспаривался, но нарочито утверждался. Обычно противопоставляющая себя как «властям», так и «обывателям» интеллигенция на этот раз заодно с ними утверждала, что «мы молод», только делала это на свой лад.

Так, в узких столичных кругах стала известна концепция Л. Седо-

ва. От расхожей идеи об инфантилизме (детскости) «наших мужчин», возлагающей на них вину за нежелание нести ответственность в рамках семейных отношений, она отличалась тем, что возводила вопрос к более широким представлениям о вечном пуэрилизме (подростковости) советских людей. Из чего следовал характерный для слоя и для эпохи критический вывод об импотентности этой культуры, этого общества.

В другой, более многочисленной, но менее искушенной части интеллигенции пользовалась успехом теория Льва Гумилева, возрождающая среди прочего идеи прошлого века (если не античных времен) о молодых и дряхлых народах. Пафос этой теории в отличие от официоза состоял в том, что молод не советский человек, а русский этнос. Ему, соответственно, предстоит проявиться в мощных акциях, меняющих историческую и геополитическую картину в его пользу. Популярность этих утешительных выводов о «возрасте страны» опиралась на до поры скрытую великодержавность сознания (в ее оппозиционной к тогдашнему официозу мистическо-историософской трактовке).

И «дед», и «старший брат»

Широкое распространение получили и мнимовозрастные категории. Оппозиция «старый» — «молодой» либо «старший» — «младший», в смысле «господствующий» — «подчиненный», прилагалась как к отношениям в «соцлагере», так и к отношениям в солдатской казарме.

В то же время, хотя «старый» формально вроде бы означало «старший», — это не влекло за собой характерного для некоторых традиционных обществ высокого статуса стариков, вообще старых людей, их права на авторитет и власть «по возрасту» (что и является в строгом смысле геронтократией). Напротив, люди пожилого возраста, старики, пенсионеры в общественном мнении были пренебрегаемой группой, а в государственной практике — объектом «заботы государства», что в определенном аспекте ставило их примерно в то же положение социально-неполноценных, нуждающихся в попечении, что и «молодежь».

«Старшими», «главными» по отношению к «молодым» и «младшим», стало быть, разумелись отнюдь не все старики, но лишь те, которые были у власти. Именно правящая группа, находящаяся в преклонном возрасте, задавала этот благоприятный для стагнации режим: удержание значительной части общества в положении опекаемой и управляемой «молодежи».

«Молодые» преданно шли туда, куда их заботливо отправляли старцы

Ленин – дедушка, а Горбачев – молодой

Советские дети 70 лет называли Ленина дедушкой. Нося уже к 40 годам кличку «Старик», он умер 54-х лет. В этом возрасте Горбачев считался «молодым» генсеком. Ибо фоном был возраст Брежнева, состарившего, казалось, всю страну. А почему так казалось?

Возраст ведущих политических деятелей и даже руководителя государства в различных социально-культурных обстоятельствах имеет совершенно различную степень влияния на общество и отнюдь не всегда оказывает подобное угнетающее действие.

Дело в характере и состоянии механизма смены правящих групп или элит и в возможности для молодежи расти по служебной лестнице.

Для российской государственности, как отмечал еще П. Миллюков, одним из главных нерешенных вопросов оказался вопрос мирной и законной передачи высшей государственной власти от одного правителя следующему. События февраля и октября 1917 года не только подтвердили, что это так, но и усугубили положение.

Социальный склероз

К драматическому характеру каждой смены высшего руководства страны добавилась свойственная всем тоталитарным режимам закупорка большинства каналов так называемой вертикальной мобильности, то есть продвижения по общественным лестницам. Стремление во что бы то ни стало удерживать власть, то есть властвовать ради

власти, неизбежно вело к тотальному контролю за любыми претендентами получить более высокий статус, авторитет и власть, к сокращению числа таких каналов и таких претендентов до подконтрольного количества. Эта ситуация потенциально превращала чуть ли не всех подданных подобного режима в «молодежь», то есть в людей, уже подготовленных к социальному существованию, но еще не наделенных полнотой социального статуса.

Возможности роста, в том числе для молодых людей, оказывались преимущественно в пределах сферы управления. А сверхцентрализация управления с неизбежностью вела к резкому сокращению числа «рабочих мест» – статусных позиций – по мере приближения к высшим уровням иерархии. Это, в свою очередь, означало столь же резкое замедление темпов замены людей «наверху».

Следствием являлась уже упомянутая закупорка каналов и стагнация. Частичным разрешением возникающих при этом коллизий между разными поколениями и уровнями властвующих оказывались социальные катастрофы вроде массовых репрессий и войн. Для определенных «молодых» групп номенклатуры эти катастрофы были единственным средством занять желаемые места в иерархии.

В самой высшей правящей группе смены происходили наиболее медленно, что вело к последовательному росту среднего возраста ее членов, так сказать, стареющих в меру возраста режима. Это специфика не данной страны, а данного типа режимов, – можно сослаться

на примеры Китая, Кубы, Северной Кореи.

Определенный тип общественных образований, государств в самом деле имеет свойство сперва быть молодым (когда к власти приходит молодая правящая группировка), а затем стареть по мере старения этой группировки. Но тогда и жизнь такого образования подчиняется именно циклическому закону с катастрофическими завершениями каждого цикла. Будет ли возобновлен следующий цикл после катастрофы – вопрос в каждом случае открытый.

В тоталитарном государстве жизнь «верхушки» предлагается подданным как наиболее

важное содержание их собственной жизни. Поэтому все возрастные или псевдовозрастные коллизии внутри правящей верхушки отражаются на обществе в бесчисленных вариациях и формах. Они могут проявляться и как межличностные, и как межгрупповые столкновения. Стало быть, недаром 1985 год воспринимался разом и как победа «молодого лидера», и как начало «обновления страны», и как знак «пора!» для «молодежи 60-х».

Свобода + любовь

Итак, самоощущение людей и их восприятие себя как членов той или иной возрастной группы зависит от того, что произошло в высшем эшелоне власти. Отнесение себя к «молодежи», как мы сказали, тянется в большинстве случаев до 35-летнего возраста. Однако если выделить иные критерии «молодости» – картина изменится.

Посмотрим на ценностные предпочтения различных возрастных групп. Отвечая на вопрос: «Что для Вас в жизни самое ценное?», респондентки и респонденты имели возможность выбирать из предложенного списка:

- работа
- семья, дети
- здоровье
- любовь
- досуг, развлечения
- свобода
- уважение окружающих
- деньги, материальное благополучие
- простые человеческие радости
- согласие с самим собой
- возможность выразить себя
- согласие с Богом.

Вот какие ценности заняли первые три места в ответах разных половозрастных групп (используем условные обозначения)

женщины			
место возраст, лет	I	II	III
16-17	любовь	здоровье	семья
18-19	любовь	деньги	семья
20-21	любовь	деньги	простые радости
22-24	семья	любовь	деньги
25-29	семья	здоровье	любовь
30-34	семья	здоровье	любовь
35-39	семья	здоровье	деньги

мужчины			
место возраст, лет	I	II	III
16-17	здоровье	свобода	уважение
18-19	свобода	любовь	здоровье
20-21	здоровье	любовь	свобода
22-24	семья	здоровье	любовь
25-29	семья	здоровье	деньги
30-34	семья	здоровье	деньги
35-39	семья	деньги	здоровье

Набор: ценность № 1 — «семья», ценность № 2 — «здоровье», складывающийся у мужчин в возрасте 22–24 лет, а у женщин чуть позже, сохраняется у мужчин и у женщин на последующие 30 лет. Далее он перестраивается: на первое место выдвигается «здоровье».

Приверженность к ценностям «семья» + «здоровье» — один из признаков «среднего возраста». И то, как долго это сочетание держится на первом месте, лишь подтверждает сказанное выше. Признаком же молодости служит, во-первых, отсутствие этого сочетания («здоровье» в ответах самых молодых респондентов означает, по-видимому, не отсутствие болезней, как в последующих возрастах, а наличие спортивной формы), во-вторых — специфические ценности молодости — «свобода» и «любовь», стоящие в числе самых приоритетных.

«Свобода» выдвигается на первые места только юношами до 21 года. Она означает, судя по всему, не гражданскую и демократическую ценность, а ощущение права «побузить», расчет на снисхождение к «грехам юности». Иными словами, речь идет о временном праве на свободу от социального контроля.

«Любовь» — важнейшая ценность для девушек. Она определяет их поведение на сексуальном рынке при выборе возлюбленного, а затем и спутника жизни.

Эта ценность отступает с первого места именно в том возрасте, когда согласно данным демографической статистики большинство женщин России выходит замуж. У юношей в соответствии с распределением ролей в сексуально-брачном партнерстве эта ценность проявлена слабее в 19–20 лет, оттесняется на третье место уже в 22–24 года, формируя на краткий период, так сказать, комплекс медового месяца — «семья» + «любовь». У мужчин он далее заменяется на более зрелый комплекс «семья» + «деньги». У женщин же вплоть до 35-летнего возраста сохраняется романтическое отношение к семье. Можно полагать, что именно из-за подобной романтики женщины вплоть до этих лет причисляют себя к «молодым».

Прощай, молодость?

Таким образом, характер поведения в зависимости от возраста (в той мере, в какой оно косвенно отражается приведенными данными) — в отличие от того, к какой возрастной группе относят себя сами люди — доказывает, что люди ведут себя как молодые до 21–22

лет. Однако, как видно из опроса, они продолжают называть себя молодыми (а значит, и относить себя по статусу к молодым) еще 13–14 лет после своего прощания с юностью.

Этот период декларативной молодости может психологически переживаться и положительно, и отрицательно, и нейтрально — исследование не затрагивало этот аспект. Но эта продленная молодость и есть признак третьего кризиса возрастной идентификации. Это кризис не мужчин, не женщин, а бывших советских людей.

Исследование подтверждает происходившее на наших глазах старение и дряхление советского государственного общества. Но оно ставит и более широкий вопрос: способны ли режимы подобного типа в принципе к воспроизводству? Они не легитимны в своей основе. А их существование зависит от правящей элиты, которая, в свою очередь, зависит от очень субъективных факторов типа возраста — ресурса, который может исчерпаться и не может потом возобновиться.

Перестройка как катастрофа старого общества означала помимо всего прочего всплеск возможностей роста, значительное омоложение правящих элит. Она проходила относительно бескровно потому, что была найдена область совсем новых источников и видов мобильности: например, выдвижение в народные депутаты всех уровней. Но при всей своей новизне этот источник по-прежнему разового или непостоянного действия. И в этом смысле сама по себе происшедшая смена властвующих элит, приход к власти «молодых политиков», не представляет собой исторической новизны и означает лишь начало нового цикла.

Однако в последнее время кроме политиков появились и «молодые предприниматели». Это явление иной природы. Оно говорит о том, что открылись и другие каналы вертикальной мобильности, такие, как предпринимательство. В отличие от политических обновлений — катастроф — они в принципе могут быть постоянно действующими. Появление зародышей политических партий дает надежду на образование другого постоянного канала для роста молодых. Если подобных источников будет много и действие их не прервется, разговоров о какой-то особенной старости или молодости нашего общества вести более не придется.

Новое поколение выбирает свободу *Фото А. Куденко*

«Советское училище не готовит офицеров бундесвера»

Но германский врач берет в помощники выходца из России

Константин Исаков,
специальный корреспондент
«Нового времени»

Через 40 километров по автобану на юг от Штутгарта дорожный знак укажет поворот на городок Эмпфинген. Здесь в бывших бундесверовских казармах размещается центральный приемный пункт федеральной земли Баден-Вюртемберг для переселенцев с Востока.

В машине нас четверо. Случай свел меня с тремя поколениями эмигрантов — российских немцев, в разное время приехавших в Германию.

Во время войны здесь оказалась фрау Габлер. В 1978 году перебрался Александр. Совсем недавно сошел с поезда в Кельне Иосиф Циммерман. Фрау Габлер помогла Александру и его семье уладить формальности переселения в ФРГ. Теперь она едет в Эмпфинген, чтобы устроить судьбу Иосифа...

В Германию приезжают сотни тысяч переселенцев с Востока. В прошлом году из бывшего СССР приехало около 150 тысяч российских немцев. С начала нынешнего года из государств СНГ в Германию эмигрировали 44 тысячи немцев. Их прием и размещение — под контролем федерального правительства. Тысячи государственных чиновников задействованы в многочисленных бюрократических службах, пройдя которые переселенец обретает статус гражданина Германии, бундесбюргера. И вдруг какая-то фрау Габлер занимается самодеятельностью. Зачем?

Для выезда в Германию российским немцам необходимо заполнить 80-страничный анкету (анкету-просьбу), ответить на несколько сотен вопросов. Если немец представит документы о том, что его предки были репрессированы, выселены, лишены имущества; если его родственники уже эмигрировали в Германию, то процедура оформления документов будет менее обременительна. Но в любом случае она может занять не меньше года. (В германском посольстве в Москве уже более полумиллиона заполненных анкет).

После того как анкета прочитана и проверен чиновником, данные заносятся в компьютер под определенным номером. Этот номер для переселенца означает, что ему разрешено въехать в Германию.

Однако, подтверждая приверженность политике «открытых дверей» для всех этнических немцев (закрепленной в конституции), правительство Германии все с меньшей симпатией следит за непрекращающимся потоком эмигрантов из бывшего СССР. Интеграция пяти новых федеральных земель, возникших на развалинах ГДР, в структуры германского хозяйства создала дополнительные проблемы для федерального бюджета. А потому в Бонне изыскивают любую возможность, которая могла бы сдержать эмигрантский поток.

Германия поддерживает создание национальных немецких районов в России и странах СНГ, готова финансировать строительство немецких поселений на юге Украины, создание немецких коммерческих структур, открытие немецких школ. Есть и другая сторона медали. Многие выезжающие немцы рассказывали мне, что при собеседованиях и заполнении документов на выезд теперь обращают больше, чем прежде, внимания на знание немецкого языка, приверженность немецкой культуре...

Иосиф — сирота. В школе учил английский язык. Действуя официальным путем, он вряд ли дождался бы положительного ответа. Поэтому он приехал в Германию по гостевой визе с твердым намерением на родину не возвращаться. Фрау Габлер ни о чем не спрашивает Иосифа. Просто помогает этому парню...

Фрау Габлер

Вместе с тысячами «фольксдойче» фашисты вывезли Лилли Габлер с оккупированной Украины в Германию. Она стала работать переводчицей на одном из заводов Сименса в Берлине. Через год ее отправили обратно на Восток — медсестрой в немецком военном госпитале. Но в конце 1944 года вместе с отступающими войсками вермахта вновь вывезли в Германию.

Под Мюнхеном поезд остановили ээсовцы. Разбираться с пассажирами эшелона — кто есть кто — не стали: всех погрузили на грузовики и отвезли в концлагерь Дахау. Спустя несколько дней Лилли оказалась в газовой камере. Нерасторопность ээсовцев или молитва, как верит фрау Габлер, спасли ее и еще несколько десятков женщин, стариков и детей от смерти.

Желания вернуться домой на Украину даже после пережитого в нацистском концлагере у Лилли ни разу не возникло. И позже она никогда не жалела о своем решении...

Отца Лилли, школьного учителя, в середине 30-х годов арестовали и без суда отправили в Сибирь. Незадолго до начала войны село, где жила Лилли, ночью окружили солдаты НКВД. В считанные часы были выселены почти все жители, в большинстве немцы. «Мне повезло, что в 1938 году успела закончить немецкую школу, — говорит Лилли. — Вскоре ничего немецкого не стало: ни школ, ни национальных районов, ни автономной республики, уничтоженной Сталиным в августе 1941 года».

Лилли было неуютно в Стране Советов: «Я не могла умиляться песнями о стране, где всем вольно дышится, когда видела, в каком страхе жили люди. Говорила то, что думала. Представитель «органов» сказал мне как-то, что от тюрьмы меня спасает лишь юный возраст».

Если бы после войны Лилли вернулась на родину, «работу на немцев» ей бы не простили. «Хотя ни в Берлине, ни в украинском госпитале мне не приходило в голову, что я работаю на врагов. Я никогда не делила раненых и изувеченных на «своих» и «чужих», — вспоминает фрау Габлер.

После войны она перепробовала в Германии дюжину профессий, пока наконец не пришла в Немецкий Красный Крест, где и проработала около двадцати лет. Вышла на пенсию. И, несмотря на перенесенные несколько тяжелых операций, по-прежнему больше склонна думать о других, чем о себе.

Собирает старые оправы очков и отправляет их бывшему соотечественнику, немецкому миссионеру, в Бразилию. Тот раздает в церквях нуждающимся. Шлет продовольственные посылки в Россию и на Украину. Помогает приезжающим эмигрантам оформлять документы. Берет на себя их тягбы с немецкими чиновниками. Пишет письма министрам и самому федеральному президенту.

«В жизни слишком много искаленных судеб», — объясняет фрау Габлер. И даже в самом благополучном и процветающем обществе найдутся тысячи таких, которым смогут помочь только такие люди, как она.

Говорят, предприимчивые люди торгуют ее адресом у германского посольства в Москве. Фрау Габлер никому не отказывает, хотя почти все дни недели у нее расписаны по часам. Сегодняшний день посвящен поездке в Эмпфинген.

Фрау Габлер, Иосиф и Александр: три поколения российских немцев в Германии

Александр хорошо знает дорогу в этот городок. Ездит сюда не первый раз. Вырваться посреди рабочей недели, хоть и за 40 километров от Штутгарта, для него не просто. Но отказать фрау Габлер он не может.

Александр

Александр сдержан и немногословен. Четырнадцать лет назад приехал в Германию с женой и пятилетней дочкой. Первые годы ушли на то, чтобы приспособиться к новым условиям. Или, как говорит Александр, «привыкнуть к тому, что можно быть свободным». Выучился на зубного техника и теперь вместе с женой ассистирует зубному врачу.

Врачебная практика в Германии — одна из самых престижных и высокооплачиваемых профессий. На врача учатся долго. Но еще больше времени уходит на поиск постоянных клиентов, на то, чтобы добиться авторитета и веса в обществе. Нехватки эскулапов в Германии не наблюдается, и то, что местный врач взял своими помощниками выходцев из России, говорит о многом.

«В этой стране ценят работу, профессионализм человека, — говорит Александр. — Его политические убеждения, акцент, происхождение интересуют людей лишь на низших ступенях общества. Чем выше поднимаешься, тем легче живется».

Александр чувствует себя в Германии уверенно, хотя проблем немало: растут налоги, цены на бензин, квартплата. Пару лет назад съездили в бывший Союз. От увиденного и услышанного, по его словам, начал курить и с тех пор никак не может бросить. В Россию больше не тянет. Митинги и демонстрации на бывшей родине старается воспринимать как нечто происходящее далеко-далеко, в другом мире.

Не собирается возвращаться на родину и 25-летний Иосиф. В Германии он готов начать с «нуля».

Иосиф

Иосиф — бывший курсант военно-политического училища, так и не ставший офицером. Два года назад, за день до вручения диплома, из училища его исключили. А незадолго до этого его, секретаря парторганизации батальона, не имевшего за годы учебы ни одного взыскания, исключили из партии «за низкие морально-политические качества». «Начальству училища не нравилось, что я критиковал процветающую семейственность, хамское отношение к курсантам», — говорит Иосиф.

Им заинтересовались в особом отделе училища, после того как он опубликовал несколько статей в центральной газете российских немцев «Нойес лебен» о проблемах двухмиллионного народа и однозначно высказался за восстановление автономной республики на Волге. «Особисты» не раз беседовали с курсантом и советовали прекратить заниматься политикой.

Пришла пора распределения. Иосифу, как отличнику, предоставлялось право самому выбрать место будущей службы. Он выбрал Куйбышев, который входит в Приволжский военный округ. Начальство усмотрело в этом криминал: немец, выступает за восстановление немецкой республики — и еще просится служить в Поволжье! Переправили в ведомости оценку по философии. А потом и вовсе отказались выдать диплом (после сданных на «отлично» государственных экзаменов).

Иосиф потребовал у начальника училища объяснений и услышал в ответ: «Ты все равно уедешь в ФРГ, а советское военное училище не готовит офицеров бундсвера».

На торжественном построении по

случаю выпуска молодых офицеров Иосиф стоял в штатском и вспоминал, как на экзамене по марксистско-ленинской философии преподаватель заметил, что на месте Сталина поступил бы с немцами, выселенными в 41-м с Волги, так же... «Стоял на плацу и едва сдерживал слезы, — говорит Иосиф. — Все спрашивал себя: за что?»

Почти год после исключения из училища Иосиф работал пресс-секретарем общества российских немцев «Возрождение». «За этот год убедился, что немцам в России ничего не светит, — рассказывает Иосиф Циммерман. — Правительство и парламент отмалчивались. Восстанавливать нашу республику никто не собирался, но заявить об этом не считали нужным».

«Я назвал бы одним словом причину, которая заставила меня и, я уверен, многих уехать из Союза, — продолжает он. — Это фальшь. Фальшь, которая меня окружала все эти годы. И потом — я хочу быть немцем, тем, кем родился, не слышать в свой адрес кличку «фашист».

Господин Штауфер

...В коридорах приемной лагеря многолюдно и тихо. Если говорят, то шепотом. Господин Штауфер непреклонен. Нет, он не может нарушать распоряжения министра внутренних дел. Согласно закону, вступившему в силу с 1 июля 1990 года, только те приезжие немцы признаются правомочными переселенцами, которые прошли «процесс приема», то есть отправили документы в ФРГ и получили «номер». Если эмигрант такого номера не имеет, он не признается переселенцем и не имеет права на переселенческие льготы: пособие по безработице, бесплатные курсы немецкого языка, дешевое жилье... Господин Штауфер очень сожалеет, но он не может помочь Иосифу.

Но судьба молодого человека, объясняет фрау Габлер, столь необычна, ему ведь всего 25 лет. А за это время пришлось пережить не меньше, чем убеленному сединами старцу. В девять лет остался сиротой, воспитывался у чужих людей. Нет ни постоянной прописки, ни дома, ни семьи. Неужели не может быть исключений, неужели господин Штауфер не проявит больше терпимости и понимания?

Чиновник с улыбкой парирует (закон на его стороне): он не может всем делать исключения. Уже тысячу человек он вынужден был отправить обратно, на родину...

Однако Иосифу все же повезло. После обеда господин Штауфер сдался: документы Иосифа будут рассмотрены и введены в компьютер, он получит койку в лагере, и отныне забота о его будущем частично возьмет на себя федеральное правительство.

Германия обрела еще одного гражданина. Россия еще одного потеряла.

ШТУТГАРТ — ЭМПФИНГЕН — МОСКВА

Фото автора

Нефтедоноры

История миллиардного контракта с «Филипс медицин зюстеме», похоже, приобретает уголовный характер

«Новое время» привлекло внимание общественности к контракту на миллиард западногерманских марок, который был заключен с компанией «Филипс медицин зюстеме» по предложению председателя комитета Верховного Совета России по охране здоровья, социальному обеспечению и физической культуре Артура Аскалонова.

Эксперты признали контракт поразительно невыгодным, наносящим ущерб нашей экономике: купленное у «Филипса» не стоило той нефти, которой собирались расплачиваться. Оборудование было выбрано устаревшее и по очень дорогой цене.

Наши публикации не просто могли остановить выполнение контракта: представитель «Филипс медицин зюстеме» приехал в Москву на переговоры с министром здравоохранения России.

Совершенно неожиданно возникло серьезное подозрение, что медицинский контракт, похоже, не что иное как прикрытия для гигантской сделки по вывозу из страны нефти почти на два миллиарда немецких марок.

Седьмого ноября прошлого года «Роснефтепродукт» подписал с фирмой «Галакси» контракт на поставку дизельного топлива — таким образом предполагалось расплачиваться за медицинское оборудование «Филипса». В министерстве здравоохранения, останавливая контракт, были уверены, что выполнить его практически невозможно: нефти в стране не хватает даже на внутренние нужды.

В министерстве тоже сидят наивные люди. Есть сведения, что поставки дизельного топлива уже начались — задолго до того, как поступила первая порция оборудования от «Филипса».

Занимается этим министерство экономики, пользуясь своим специально установленным обменным курсом валюты. Схема примерно такова. Одна марка приравнивается к одному рублю, и тонна топлива, которая стоит, предположим, триста сорок марок, покупается у «Роснефтепродукта» тоже за триста сорок — но не марок, а рублей. А продается на Западе по нормальной цене. Малая часть марок возвращается в Россию на рублевую опла-

ту дизельного топлива. Остальные оседают на Западе.

По мнению экспертов-специалистов в области внешней торговли, не исключена заранее подготовленная операция. Цель ее состоит в том, чтобы вывезти из страны нефти примерно на два миллиарда западногерманских марок. Но сделать это затруднительно, потому что на вывоз нефти необходимо получить экспортную лицензию, а это просто: множество конкурентов следит друг за другом. И тут подвернулся замечательный контракт на поставку медицинского оборудования — благородное, нужное дело. Никто не заподозрит ничего дурного. Под медицину все дадут и проверять не станут. Даже опытный «Филипс» не догадается, как его используют...

О поставке дизельного топлива за рубеж по этому контракту министерство внешних экономических связей ничего и не подозревало. Всем ведало министерство экономики.

Контрактом с «Филипс медицин зюстеме» занимался тогдашний первый заместитель министра экономики Леонид Запальский. Он же санкционировал (и тоже по просьбе председателя парламентского комитета Артура Аскалонова) и другую сделку, которая кажется сомнительной экспертам и о которой мы писали в № 22/92 г. — о решении министерства экономики платить большую цену в долларах за компьютер-

ные томографы, которые можно купить на мировом рынке значительно дешевле.

Леонидом Запальским, по словам Егора Гайдара, заинтересовались правоохранительные органы. Причина — сомнительные компьютерные сделки.

Имя другого заместителя министра экономики России — Юрия Ольховикова тоже фигурирует в обеих сделках, о которых мы рассказали. Он подписал бумагу, в соответствии с которой страна будет задорого и в долларах платить за компьютерные томографы устаревшего образца. И он же занимался контрактом с «Филипс медицин зюстеме». И он был среди тех российских чиновников, которые подписали другой и куда более щедрый контракт на поставку нефти Марку Ричу — человеку, которого ищет Интерпол. Не является ли и наша сделка, замаскированная под медицинскую, частью все той же гигантской аферы с нефтью? — задаются вопросом специалисты.

В прошлом номере «НВ» мы наивно восхищались людьми, которые изо всех сил проталкивают сделку с «Филипс медицин зюстеме». Нет, восхищаться надо совсем другими людьми. То, что мы рассказываем, лишь схема. Реальная сделка, по мнению заинтересовавшихся ею специалистов, куда сложнее, хитрее, умнее.

Знакомясь с документами относительно медицинской сделки, мы и не предполагали, что выйдем на такой «айсберг». Сейчас всеми ее обстоятельствами занялись профессионалы. Мы расскажем читателям о выводах, к которым они придут.

Леонид Млечин

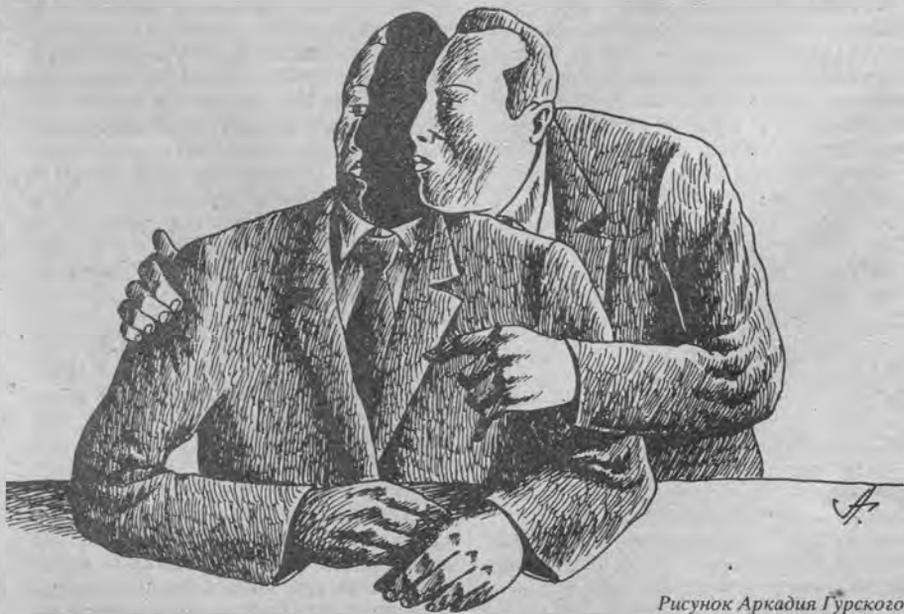

Рисунок Аркадия Гурского

Младший мир

Продолжаем педагогическую серию «Нового времени». Вслед за очерками об аргентинской школе, французской, болгарской, чешской, американской, шведской, немецкой — рассказ о двух школах в Лондоне

Симон Соловейчик

Я УЧУСЬ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ, такой страшной, если верить тамошним газетам, что даже в королевском семействе возникают проблемы с обучением детей, и, например, принц Эдвард, теперь уже взрослый человек, в детстве, как недавно открылось, ненавидел школу.

Но я учусь не с принцами, я в обыкновенной начальной школе, она называется Уорчестерской, это в Лондоне, округ Энфильд. Инспектор округа Энн Бэйкер и ее муж, замечательный художник, мастер витражей Джон Бэйкер пригласили меня пожить у них и поучиться в школах их округа. У Энн такая работа: правительство ежегодно выделяет округу два миллиона фунтов для повышения уровня учителей и распространения новых методов обучения, то есть делает то, за что годами безуспешно бьются наши учителя; Энн Бэйкер со своими сотрудниками и занимается улучшением школ, стараясь распределить государственные миллионы наиболее разумно. Сравнить замученных наших школьных инспекторов с красивой, энергичной, влюбленной в дело Энн Бэйкер, кушившей на свою зарплату двухэтажный дом с участком, на котором есть даже водопад, — сравнить их невозможно. Лучше промолчим и направимся в школу — школы все-таки поддаются сравнению.

Итак, я учусь в Уорчестерской начальной школе среди пятисот маленьких детишек, белых и черных. Школа выглядит угловатым модернизмом замком, перед нею большая асфальтированная площадка, вроде плаца, окаймленная яркой желтой линией. На переменах (а большая перемена — час с лишним) дети играют на плацу, но за линию не забегают — запрещено. Забора нет, надзора нет, ничего нет, а просто нельзя — вот они и бесятся внутри очерченного пространства, ногой за линию не заступая. Английские дети. Я долго стоял, раскрыв рот, наблюдая это педагогическое чудо, оно произвело на меня впечатление не менее сильное, чем об-

Я учусь в английской школе

ломки Парфенона в британском музее.

Каждый урок я перехожу в следующий класс. Сначала мои сверстники были трехлетние ребятишки, мы с ними рисовали, собравшись кучками вокруг низеньких столов, потом они все взяли принесенные из дому пластмассовые баульчики с ленточкой, построились и пошли завтракать, а меня перевели в первый «С», и я долго не мог сосредоточиться, гадал, почему же «С», может, за этой буквой скрывается какой-нибудь отбор, может, я среди самых умных, или, наоборот, среди глупеньких? Оказалось, что детей в этой школе не разделяют по уму и способностям, не сортируют, а буква «С» — потому что учительнице зовут мисс Мария Свитмен. Потом я учился во втором «Э» — у мисс Линн Эванс и в шестом «Т», у мистера Клайва Тэйлора. После шестого класса дети переходят в среднюю школу независимо от их успехов. Это великая перемена в английском образовании.

Еще совсем недавно в Англии существовала система «11 плюс», по которой проводили глобальное тестирование одиннадцатилетних детей и разделяли их по школам разного качества: одни открывали путь к высшему образованию, другие за-

крывали. Хотя делили вроде бы по способностям, на практике обычно получалось, что у детей победнее результаты тестов похуже. В конце концов справедливость восторжествовала, систему «11 плюс» отменили, но вот опять в газетных заголовках замелькало угрожающее слово «селекция». Селекция детей! Похоже, «11 плюс» возвращается с черного хода, как пишет «Дейли телеграф» (заголовок через всю полосу).

Каким образом? Это интересная история, она касается и нас. Дело в том, что постепенно вводится новый порядок, по которому школы получают деньги не от местной администрации (скажем от руно), а напрямую от правительства — оно платит школе за каждого ученика, которого по своему выбору привели родители. Получается так: лучше школа — больше у нее учеников — больше денег. А плохая пусть хоть разорется — капиталистический принцип.

Казалось бы, куда как хорошо: бюрократический аппарат становится ненужным, судьбу ребенка решают родители. Очень демократично. Это, можно сказать, последняя мода в мировом образовании. За такую же систему ратует и президент Буш в Америке, и многие педагоги в нашей стране. На международной педагогической выставке в Базеле министр образования в новом английском правительстве Джон Платтен заявил, что радикальная образовательная реформа, проведенная так успешно, превращает Англию в «золотую страну возможностей», это наметка для Европы и всего мира.

Но, как всегда бывает с педагогическими новшествами крупного масштаба, дело оборачивается неожиданной стороной. Все придумано хорошо, все кажется справедливым, но вот беда: школы перестают брать слабых учеников, начинается сегрегация детей. Чем меньше слабых учеников — тем лучше результаты школы, тем охотнее ведут в нее детей, тем школа богаче... А остальных куда? «Таймс» сообщает, что в одном из лондонских районов, Уэндсворте, собираются открыть маленькие школы для тех, кто не сможет

пройти сквозь экзамены и интервью, школы коррекции — в них будут учить читать и писать.

Все возвращается к прошлому, да еще и в худшем варианте. Странный поворот: то, что у нас считается демократическим, прогрессивным, либеральным, то в другой стране держат за консерватизм.

В школьном деле все не просто, и, кажется, нет такой системы, самой благородной по замыслу, которая не калечила бы судьбы то одних детей, то других. Начинаешь думать: а нужны ли общие системы в образовании?

Я УЧУСЬ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ, а в этих западных странах нет никакого порядка, каждый делает что ему вздумается, в каждой школе свое, и если тут было написано, что в школу принимают с трех лет, то это не значит, что все дети поголовно ходят в школу трехлетними малышами — так в Уорчестерской начальной, а за другие ругаться нельзя. Просто детский сад при школе, одна группа до обеда, другая после. На вопрос, чему же учат таких маленьких детей, тихая учительница ответила:

— Мы учим их играть вместе.

Это лишь у нас могло распространиться дикое представление, что поскольку мы идем к рынку, то будем на скорую руку учить детей индиви-

дуализму. Может, потому, что Англия пришла к рынку столетия назад и теперь у нее другие воспитательные задачи, но я нигде не видел такого мощного воспитания коллективизма и сотрудничества, как здесь. В первом «С», в классе мисс Свитмен, висит плакат: «Мы все разные. Некоторые любят играть, некоторые любят считать, некоторые любят писать, некоторые любят читать. Дети в первом «С» любят собираться вместе». А в старших классах решительно вся работа — в группах, совместная.

Английская школа нетороплива. Чего-чего, а перегрузки, этой нашей неизлечимой болезни, здесь не знают. Английские дети получают на уроке раз в пять, если не в десять, меньше материала, чем наши. Но он другого сорта и другого качества, этот материал. Учение в начальной школе — во всяком случае, учение, которое я видел сам, — совершенно не похоже на то, каким мучили нас, а теперь мучат наших детей. Маленькие дети не сидят здесь за партами, выстроенными в ряды, им не объясняют новый материал, им почти не задают на дом, их не спрашивают, а вместо отметок учительница пишет разные веселые или ироничные слова. Они не зубрят и не отвечают грамматические правила, их не вызывают к доске и с места не вызывают. Если учительница хо-

чет что-то спросить, она подходит и тихо спрашивает, ученик отвечает ей так же тихо, оставаясь на своем месте, а не рапортует, как солдат, выкликнутый из строя.

Ничего того, что составляет суть и форму нашей начальной школы и кажется нам абсолютно необходимым — как иначе учить? — в английской школе нет. Учить можно и по-другому.

Дети тихонько пришли в класс, плотной кучкой уселись в углу на ковре, так что образовалось нечто вроде большого букета. Мисс Свитмен, молодая учительница-первогодка в зеленом свитерочке, спортивных брючках и кроссовках (это еще что, я видал учителя с тремя сережками-заклепками в левом ухе; учитель в Англии не должен являть собою образец скромности) провела переключку, дети отзывались известным нам по кино манером: «Да, мисс» или просто «мисс», потом учительница спросила, сколько будет два раза по три, маленькая девочка храбро сообщила, что четырнадцать. Мисс, подумав, поправила ее и, видимо, решив, что при госте спрашивать детей невежливо, прекратила устный счет. Началось то действие, на котором держится сегодня английская школа на всех ее ступенях: самостоятельная работа в одиночку или в маленьких группах.

Я УЧУСЬ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ — это значит, что я весь день с первой минуты и до последней что-то делаю. Можно сказать: работаю, но это слишком высокое слово для тех нехитрых занятий, в которых я провожу свои пять-шесть уроков.

Только здесь, в этой стране, не самой далекой от нас по расстоянию, но находящейся на огромнейшей дистанции от нас по стилю жизни и отношений, открываются некоторые загадки нашего бытия.

Англичане воспитанны. Они воспитаны в спокойном труде. Они воспитываются, конечно же, в семье; но и в школе тоже. Учительница, не волнуясь и не сердясь, делает свое дело, и дети спокойно делают свои школьные дела, на которые им указала учительница. Педагог здесь не дает задание, не задает урок, а распределяет работу, не слишком волнуясь насчет результата. Кажется, для него главное, чтобы дети были заняты. А так как понукать их и призывать к порядку не приходится — дашь задание, они и работают не торопясь, — то урок и вся школьная жизнь, как уже говорилось, совершенно не похожи на нашу школу с ее постоянным напряжением, которое удивительным образом соединяется с постоянным же бездельем.

Я УЧУСЬ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ, и вот разница между ею и нашей школой: в английской — дети

заняты, в нашей — бездельничают, часами сидят без мысли в голове и без дела в руках, как говорил один великий русский педагог.

Вот где все начинается у нас (если отложить экономику в сторону) — в школе. Изюм в день, из года в год, десять лет подряд огромная часть детей, подростков и юношей сидит и дремливо слушает сначала отвечающих урок, потом объяснения учителя, потом нотации учителя, обращенные к тем, кто не слушал урока. Если бы сторонний наблюдатель задался вопросом, для чего, для какой жизни обучают этих детей, то он, пожалуй, пришел бы к такому ответу: наверно, их с детства учат главной науке этой страны — науке молча и терпеливо сидеть на собраниях.

В английской школе, снова и снова повторяю, ничего этого нет. Покончив с проверкой присутствующих, учительница велела детям взять синие тетрадки, лежавшие на полках, и приступить к работе. Семилетние дети спокойно взяли свои тетрадки и начали решать примеры. Это тетради «детская математика» («*infant mathematiks*»), две серии по десять штук в каждой, все возрастающей трудности. Вверху страницы — рисунок, помогающий считать, внизу — пример для решения. Дети сидели за низенькими столиками и считали, кто в уме, кто на пальцах, кто с помощью маленьких цветных кубиков из большой коробки. В классе не было ни тишины, ни шума, все были заняты, учительница подходила то к одному, то к другому, дети старательно считали, вздыхали от напряжения, высовывали языки, наклонялись к тетрадям, писали ужасными каракулями — никто их не поправлял. Ничего, за двенадцать лет научатся писать красиво. Никто не добивался единообразия в тетрадях; никто не диктовал, на сколько клеток отступить; ни одному ребенку за весь урок не сделали замечания. Но когда к концу все устали и слегка расшумелись, учительница вдруг прикрикнула на них неожиданно сильным голосом — и они вмиг утихли. Позже я заметил, что у каждого английского учителя есть про запас и громовой голос. Они не кричат на детей, а быстро приводят класс в порядок специально-педагогическим поставленным голосом. Никаких эмоций, никакой сердитости — просто громко, строго и другим голосом. Порядок наступает немедленно. Фразы типа «Я кому сказала», «Джонни, тебя это не касается?», «Сейчас кое-кто схлопочет у меня» здесь не нужны.

И так было весь день: то считали, то рисовали по короткой сказке, и учительница терпеливо разбирала рисунок каждого, то ползали по полу с какой-то машиной, которая подчинялась лишь правильному набору кнопок, то цепляли лампочки к батарейкам и радовались чуть замет-

ным огонькам. Весь день прошел в трудах.

Я УЧУСЬ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ для старших ребят, в девятом классе. Во всем мире дети, пока учатся, меняют две, а то и три школы — начальные классы всюду отделены от старших, так дешевле, потому что старшим нужно очень много специальных классов и кабинетов. В Айлвардской школе, где я заканчивал свое среднее образование; такое количество всяких лабораторий, мастерских, студий, репетиционных

комнат, спортивных залов, что их и в полдня не обойдешь. А школа обычная, государственная, и дети обычные. Много черных ребят, и они, конечно, отличаются в поведении — в моем классе было несколько дерзких мальчиков. Один, получив тетрадь от учительницы, швырнул ее на пол, что-то злобно бормоча, но учительница и глазом не повела, будто не заметила. Мальчик поворчал, поворчал, нагнулся, поднял тетрадь и приступил к работе. Конфликта не вышло. В Америке тоже черные и белые вместе, но там, особенно в старших классах, заметно некоторое отчуждение. А здесь — поверить трудно, до чего спокойно в классе. На уроке музыки делились на группы, составляли музыкальные агентства; на уроке гуманитарных наук делились на группы — кто какую религию будет описывать; на уроке биологии тоже делились на маленькие группы, изучали отпечатки пальцев; но всегда в группах были и белые, и черные. Как сказала мне учительница одного из классов, здесь есть языковые проблемы, а расовых проблем в школе нет.

Так значит, они не вечны? Значит, это разрешимо?

Я УЧУСЬ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ — я весь день работаю в маленьких группах. Групповой метод («бригадный») был распространен и у нас в двадцатые годы, но его отвергли на том, казалось бы, разумном основании, что в группе один действительно учится, а другой делает малоценную работу, например оформляет плакат. Один как завлаб, а другая как лаборантка. А

знания-то нужны всем... Но здесь, в английской школе, и не считают, что все должны научиться одинаково. Все должны одинаково работать на уроке, у всех должен быть одинаковый интерес к ней, все должно ознакомиться с темой — и этого достаточно. «Мы учим их работать вместе, принимать ответственность на себя», — объяснили мне учителя. Ответственность за знания конкретного школьника, за результаты учения лежит не на учителе, а на ребенке и его родителях. Это в корне меняет характер учения. В старших классах, как и в младших, ученики работают в основном в школе, на дом почти не задают, в маленьких книжечках-дневниках для записи заданий мелькают два слова «*non set*» — ничего не задано. Хотя предметы не так уж просты: технология, английский, французский, математика, гуманитарные предметы (история, география, социальные исследования), естественнонаучные, драма. За основательностью до поры до времени, до специальных классов, не гонятся, здесь изучают не основы наук, как у нас, а картину мира. «Они работают и узнают мир», — сказала мне учительница английского Джерри Гилберт. Два раза в год учителя составляют отчеты для родителей «о прогрессе и достижениях», — так он называется, этот отчет. Один короткий, другой большой. Чтобы их не пришлось писать наспех, отчеты подают не в конце года, а когда удобней. Дети тоже составляют отчеты о своих достижениях. По окончании 11-летнего обязательного обучения (потом еще год или два для подготовки в университет) можно не сдавать экзамены, это не обязательно, но если хочешь получить сертификат (вроде нашего аттестата), то надо сдать около десяти трудных экзаменов. Жизнь человека сильно зависит от того, есть ли у него сертификат, и вот это обязательство и заставляет детей учиться, несмотря на то, что школа вроде бы ничего от них не требует.

Разница между нашей школой и английской в том, что наша требует (часто безуспешно, да еще с моральными драмами), английская же предоставляет возможность. Наша обижает многих детей, английская (как и американская) старается укрепить достоинство. Две совершенно противоположные школы, хотя внешне все то же, так же на переменках бредут ребята из класса в класс, так же сидят, разваливаясь, старшие, так же шумят во время обеда, и директор школы, мистер Салисбери, энергичный, деловой человек без пиджака, в рубашке, заметив, что кто-то слишком разбаловался в дальнем углу, пронзает нарушителя указательным пальцем и громко подобно восклицает:

— Искьюз ми! Извините меня!
И все. Порядок восстановлен.

Приключения Левши в Америке

Лариса Миллер, поэт

Уже два месяца как я вернулась из поездки по США, куда мой муж был приглашен выступить с лекциями по физике, но до сих пор, вспоминая все, что было, не могу разобраться в своих чувствах. Почему, несмотря на обилие друзей и отсутствие языкового барьера, мне постоянно не хватало чего-то крайне важного?

Конечно, в России я живу всю жизнь, а в Штатах провела в общей сложности три месяца. (Это была моя вторая поездка.) Но мне кажется, что дело не только в этом. Конечно же, Штаты — гигантская страна, которой я по-настоящему не знаю. Один Нью-Йорк — это целый мир. Мои заметки субъективны. Мне могут возразить. Более того, я буду счастлива, если меня убедят, что я зря критикую эту великую и гостеприимную страну, ставшую домом для стольких обездоленных со всего света.

Застегнутая живопись

Общение в Штатах строится иначе, чем в России. Более официально, что ли, с большим вниманием к этикету. Хотя при этом молодой человек, видимо аспирант, встретив у лифта старого и очень известного ученого, весело бросил на ходу: «Hi, John». «Hi», — ответил восьмидесятилетний профессор. Отношения между преподавателями и студентами, младшими и старшими гораздо демократичнее, чем у нас дома. Но характер общения все равно иной: собеседник как бы застегнут на все пуговицы. И это при полной доброжелательности и готовности помочь. В домашней обстановке или в офисе — всюду вежливость, радушие, улыбка и некий незримый барьер, некие заграждения, рамочки, направляющие общение в определенное русло, из которого не выбраться.

Казалось бы, у американцев столько обычаев, свидетельствующих о гораздо менее условном и формальном общении, чем у нас: обычай называть друг друга по имени, порой даже между малознакомыми людьми, целоваться при встрече. А на поверку выходит, что демократизм и дружелюбие, полное отсутствие чопорности и важности еще не означают открытости. Ту же закрытость, застегнутость, некий холодок я чувствовала в стихах, картинах, книгах, с которыми довелось встретиться. Мне было холодно и скучно в картинных галереях современной живописи, которые я успела посетить в первую свою поездку по США три года назад: множество ярких, причудливых картин, чьи авторы явно озабочены лишь формальными поисками. В этот раз я была только на одной выставке современного американского художника. Он посвятил свои многочисленные полотна путешествию Одиссея. На каждом холсте — новая комбинация кругов и точек и новое название: «Одиссей и Навзикая», «Одиссей в пещере циклопа».

Как нам не хватает здравого смысла — и как тоскливо там, где он в избытке!

В Сан-Франциско мы познакомились с художницей, которая пригласила нас в свою мастерскую. Ее полотна — цветковые пятна, полосы, конструкции — хорошо продуманный, упорядоченный хаос. Показывая картины, она сетовала на одиночество: «В этом городе все заняты выработыванием своего особого стиля жизни, — говорила она. — Одни, уйдя от мира, выращивают цветы и деревья, другие медитируют, третьи совершенствуют свое тело. Нет, нет, это не Нью-Йорк, где все кипит, бурлит, где миллион выставок, школ и направлений. Там у меня было столько друзей! Встречаясь, мы курили марихуану. Нет, нет, не пугайтесь. Это безвредно. Просто чувствуешь себя на седьмом небе. Становишься раскованней, сексуальней, талантливей. О, какое это было время. К сожалению, так сложилась жизнь, что пришлось переехать сюда. Для ученых здесь рай, а для таких, как я...» Она грустно махнула рукой. Художнице было сильно за пятьдесят, но живая и ладная, она двигалась легко и проворно и выглядела

Куда истинно американским хот догам до «молочных продуктов по заниженным ценам» и «хлебу подковкой», которые предлагает русский магазин на Брайтон Бич — вместе с фото сборной СССР по футболу! А в Голливуде не могут даже правильно написать слово «Булочная», когда снимают фильм о родине Левши...

Фото Л. Елина

совсем молодой. Ее хотелось слушать, на нее хотелось смотреть: яркая речь, выразительная мимика, артистичные жесты.

Добротное кладбище

В картинах американских художников — изобретательных, вызывающе ярких, остроумных — я ни разу не почувствовала обнаженного нерва, душевного жара, той повышенной температуры, без которых не мыслю искусства. Невольно сравниваю виденные мной картины с теми, что висят у нас дома: белые хризантемы, которые едва проступают на розовом фоне — будто сняты; безумное весеннее буйство каких-то фантастических деревьев; зимний московский дворик, где возится де-

твор, — сценка, которой мне так недоставало в Штатах. Я почему-то часто вспоминала уютный московский дом моей давней приятельницы художницы Лены Колат. Вспоминала ее холсты: странника с голубым узелком в руках, который смотрит на вас огромными страдальческими глазами, а фоном — распутица, задворки, обшарпанная стена — все, как в стихах Пастернака: «И воздух синь, как узелок с бельем у выписавшегося из больницы...». Вспоминала розового жеребенка и золотистую лошадь. Жеребенок тычется в мамин бок, а в отдалении среди травы видна часовня об одно окно с одной луковкой. Почему-то я ни разу не встретила таких интимных и трепетных картин в Штатах. Не повезло? А может быть, в живописи проявилось именно то, что ощущала в тамошней жизни?

Бродя по богатейшим книжным магазинам и листая новые поэтические сборники, я чувствовала: не задевает, не волнует, слишком ровное дыхание, слишком уравновешенные стихи. «Уравновешенные», — сказала я и вспомнила, — знаете что? — американское кладбище, представляющее собой ровное пространство без возвышений и холмиков, но со стереотипными гранитными досками. Такое кладбище может существовать в стране, где психика абсолютно иная, чем в России, где не идут по жизни «с головой, повернутой назад», а смотрят только вперед, стремясь к успеху, благополучию, конкретной цели. А залогом благополучия и успеха является высокий профессионализм. У меня сложилось впечатление, что в Штатах каждый находится на своем месте и

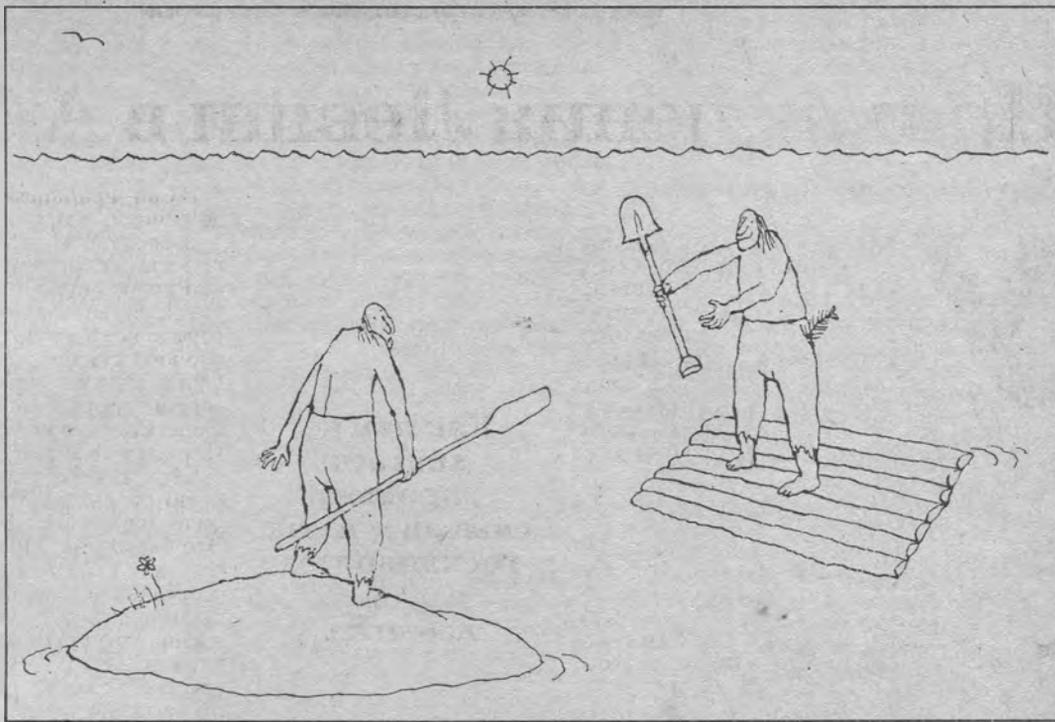

Рисунок Пиппа Педмансона (Эстония)

каждый в своем деле мастер.

Хорошо отлаженная система, царство логики и здравого смысла. Боже, как нам не хватает здравого смысла и как нам тоскливо там, где он в избытке!

Болезнь в Америке стыдно

Заболев тяжелым гриппом, я потеряла сознание в самолете, летящем в Сан-Франциско, и провела четыре часа на кислороде. Едва мы приземлились, в салон буквально ворвалась команда, похожая на группу захвата — шесть здоровых мужчин, — работников скорой помощи. Не успела опомниться, как мне было измерено давление и заданы все необходимые вопросы, после чего я каким-то чудом оказалась в кресле-каталке и два молодых человека занялись моим спуском по трапу: один держал кресло, а другой страховал, на каждой ступеньке повторяя: «Down, down, down». Перед тем как поместить меня в карету скорой помощи, санитары извинились за толчки, которые я, возможно, почувствую, но толчков не последовало: без сучка и задоринки меня погрузили в машину, где ввели физиологический раствор, снова измерили давление и записали все мои данные. Не буду описывать больницу, где легкими неслышными шагами ко мне подходили медицинские работники, чтобы взять у меня все необходимые анализы и сделать рентген. На все ушло часа полтора, после чего с заключением «вирус» и огромной напечатанной на компьютере «простыней» рекомендацией меня вручили нашим перепуганным американским друзьям.

Наблюдая американцев на рабочем месте, начинаешь думать, что у

них нет ни семейных проблем, ни хандры, ни болезней. Найи молодой друг из России — врач-кардиолог, который проходит двухгодичную стажировку в одной из больниц Сан-Франциско, со смехом рассказал о такой трудности. Во время ежедневного обхода невозможно узнать о самочувствии больных. На вопрос «Как вы себя чувствуете?», они неизменно отвечают: «Fine, O.K.».

Страдать, отчаиваться, чувствовать себя больным и несчастным — последнее дело. Это не принято, неприлично, непристойно. Ведь Америка — страна пионеров, первопроездов, людей дела, которые приехали сюда, чтобы порвать с прошлым и начать сначала, презрев трудности и подмяв под себя проблемы. Как объяснил нам один американский друг: «Болезнь в Америке стыдно». Но с одной весьма существенной оговоркой: государство всячески помогает не болеть и сохранять бодрость духа.

Инвалиды и старики — полноправные, а может быть, даже особо обласканные члены общества. Я это знаю не понаслышке. Живя у нашего пожилого друга — эмигрантки из России в ее уютной квартире в центре Бостона, мы забывали, что находимся в доме для престарелых. Мы видели на аэродромах и в гостиницах веселых и бодрых стариков — любителей путешествий. Нам то и дело встречались люди в инвалидных колясках, передвигающиеся по выставочным залам, улицам и вокзалам. Я слышала о том, как недавний эмигрант из России — старик без ног, инвалид Отечественной войны — как мальчишка гонял по Брайтон-бич в новенькой инвалидной коляске, не смея поверить, что

наконец-то, впервые за сорок с лишним лет, он самостоятельно вышел на белый свет к людям, солнцу, морю. Нет, не Россия дала ему эту возможность, а далекая, чужая, заокеанская страна. Та самая, в которой мне никак не удавалось обрести себя.

«Вы нашей веры не знаете»

Я стремилась встречаться с людьми близкой мне гуманитарной профессии, полагая, что, может быть, в их среде найду то, что искала. Мне повезло: я познакомилась с людьми, знающими и любящими русский язык и русскую литературу. Но, беседа с ними, я поняла, что многие из них, будучи профессионалами высокого класса, остаются узкими специалистами в своей области и практически закрыты для всего остального.

А может, у меня синдром Левши? Помните у Лескова: «Вы, — говорят англичане, — нашей веры не знаете: мы того же закона христианского и то же самое Евангелие содержим.

— Евангелие, — отвечает Левша, — действительно у всех одно, а только наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее». Не знаю, как насчет толщины книг и полноты веры, но я могу безошибочно угадать русского в любой самой пестрой американской толпе.

У наших взгляд въедливый, цепляющий, острый. У американцев — нейтральный, не выражающий ничего, кроме доброжелательности: встретился с тобой глазами — улыбнулся. Нам свойственно рассматривать, разглядывать себе подобных, пронзая их взглядом. Западный человек верит собеседнику на слово и принимает к сведению то, что ему говорят. Наш человек слушает, а сам сообщает, вычисляет, додумывает. Какое же это утомительное и раздражающее свойство! Насколько легче вступать в деловые отношения с человеком западного образца. Но не является ли эта въедливость взгляда проявлением таких присущих русскому характеру свойств, как горячность, обнаженность чувств, насмешливость, скепсис, — свойств, без которых жизнь пресна, одномерна, а искусство невозможно.

Интересно было наблюдать, как русские, прожившие всю жизнь на Западе, сохранив врожденные русские свойства, приобрели множество типично американских черт. Профессор Рязановский — сын эмигрантов первой волны — родился в Харбине и в юном возрасте попал в Штаты. На его лекции по истории в Пенсильванском университете Филадельфии собирается до шестисот студентов, в то время как обычно на лекциях бывает от 10 до 16 человек. Глядя на него, артистичного, блестящего, остроумного, чувствующего себя как дома в любом периоде русской истории, я представила себе, какими были университетские профессора в дореволюционной России.

Читая лекцию, Рязановский ни секунды не оставался в состоянии по-

кой: выразительно жестикулировал, ходил по сцене, писал на доске. Каждое его слово, жест, улыбка — все служило одной цели: завоевать глаза, уши и умы слушателей, которых он держал в плену своего красноречия до последней минуты. Перед началом лекции профессор предложил мне сесть в последних рядах: «Вдруг вам станет скучно и вы захотите уйти, здесь это принято, — сказал он. — Если сядете далеко, я — близорукий и не увижу, как вы уйдете». Но я села близко, чтобы лучше слышать его английскую речь. Нет, уйти с этой лекции невозможно.

После лекции к профессору выстроилась очередь студентов и с каждым он говорил заинтересованно и внимательно. Я стояла совсем близко и видела капли пота на его лице. Да, это был тяжелый труд, и я поняла, почему перед началом лекции он попросил меня подождать и забежал в туалет, чтоб, как он выразился, «бросить воду на лицо». Что же было американского в этом русском человеке: русском по облику и по любви к русской истории и словесности? Зрелищность. Он не просто читал лекцию — он создавал зрелище, спектакль, который должен нравиться аудитории. Он не просто был артистичен — он актерствовал, пользуясь безошибочными, давно отработанными, но вполне живыми приемами, и каждый раз побеждал. Без этого актерства при всех его громадных знаниях, опыте, таланте он вряд ли имел бы такой потрясающий успех.

Недели две назад уже в Москве я смотрела по телевизору передачу об Иване Грозном. Вел ее питерский профессор Александр Михайлович Панченко. Я слушала его с наслаждением и невольно сравнивала с Рязановским. Панченко нетороплив, несуетлив, вдумчив, остроумен, но не остер. Его речь проста, выразительна и абсолютно лишена внешних эффектов. Он говорит и размышляет, приглашая поразмышлять вместе с ним. Мне его манера гораздо ближе, чем манера Рязановского, но я не уверена, что он бы пользовался у американских студентов таким же успехом. Американцы любят зрелищность, динамику, темп.

«Дункановкам» на Манхэттене неуютно

Может быть, поэтому студия последовательниц Айседоры Дункан (как, впрочем, и сама Айседора в начале своей карьеры) чувствует себя в Штатах довольно сиротливо. Руководительница студии пластичная и женственная Джин Брессиани пригласила меня дать урок алексеевской гимнастики, системы, созданной замечательным педагогом Людмилой Алексеевой в начале века в России. «Дункановки» занимались в самом центре Манхэттена, в одном из залов офиса, где в этот день происходили отборочные прослушивания актеров в театры Бродвея. Я с трудом протис-

нулась сквозь живописную толпу страждущих и попала в зал, где стояли, сидели на полу, разминались танцовщицы в сиреневых, розовых, голубых туниках. Джин Брессиани представила меня и предложила студийкам поимпровизировать на темы моих стихов. «Почему не уходишь, когда отпускают на волю?», — произнесла Джин строку. Наступила полная тишина. Женщины неподвижно сидели, обдумывая услышанное. Зазвучала музыка, которая рождалась тут же под пальцами пианиста, и... началось действие. То был не танец и не пантомима, а нечто среднее. Каждая двигалась сама по себе, иногда вступая в бессловесное общение с теми, кто рядом. Ни у кого не было ни малейшего желания удивить, произвести впечатление, ошеломить эффектной позой. Казалось даже, что женщины забыли о зрителе и обо всем, кроме танца. Рядом со мной на полу сидела юная длинноволосая девушка. Когда заиграла музыка, она так и осталась сидеть, как бы постепенно оживая: ожили пальцы, руки, торс. Она сделала попытку подняться, оторваться от земли. Сперва слабую, а потом отчаянную попытку встать, освободиться, но так и осталась прикованной к месту.

«Почему не уходишь, когда отпускают на волю?» — из одной строчки возник рассказ, пьеса, целая драма. Жест рождался изнутри и был продиктован чувством. Движения были просты и естественны и очень близки той системе, которую создала Алексеева и которой я занимаюсь более двадцати лет. Там, в этой странной студии в центре Манхэттена я, наверное, впервые ощутила то, что искала. Девушка, которая особенно меня поразила, вызвалась ответить нас домой. По дороге она рассказала, что учится в Нью-Йоркском университете на отделении танца, любит движение и, перепробовав множество разных стилей, остановилась на дункановском. «Здесь больше возможностей выразить себя», — сказала она.

Эти люди живут в том мире, по тем меркам, которые мне близки. Но, может быть, именно поэтому они и чувствуют себя в Штатах, как они сами говорят, сиротливо.

Полтора месяца — большой это срок или малый? Много принимая, многим искренне восхищаясь, я, как все тот же лесковский Левша, повторяла самой себе: «Покорно благодарствуйте на всем угощении, и я всем у вас очень доволен и все, что мне нужно было видеть, уже видел, а теперь я скорее домой хочу». А дома, миновав таможенно и пройдя сквозь строй ушлых и назойливых леваков, мы садимся в машину Бориного брата и едем знакомым маршрутом мимо серых домов, очередей, алкашей по раскисшему снегу, ухабам и кочкам, и глаза мои отдыхают от пестроты и блеска, а уши — от чуждых звуков, а душа... Я уж и не знаю, от чего отдыхает душа и что ей надо...

Лимонов предлагает «опыт Бейрута»

Павел Гутионтов

Ах, наша гласность!..
«Как мы надеялись, что это возлюбленное дитя перестройки вырастет в добрую, чистую красавицу, провозвестницу справедливости, под ясным взором которой испарялась бы затхлость застоя, рушились запретительные барьеры, расцвели бы доброжелательность и взаимное людское доверие, братская заинтересованность в скорейшем упорядочении в нашем общем доме...»

Так проникновенно писал на страницах «Советской России» в августе позапрошлого года Геннадий Зюганов, тогдашний замзав идеологическим отделом ЦК КПСС. Очаровательны, конечно, эти самые, обманутые гласностью прекраснородные «мы», тут уж, что называется, ни убавишь, ни прибавишь. Особенно если принять во внимание, что именно в кабинетах этого самого отдела были выпестованы, поставлены на крыло такие столпы отечественного плюрализма, как «Пульс Тушина», «День» или «Истоки». Да и «Правда», «Гласность», та же «Советская Россия»... Вот уж где пожелания товарища Зюганова воплотились полной мерой!.. Вот уж где доброта с красотой, «взаимное людское доверие» с «братской заинтересованностью» сопряжены намертво как наручники на руках задержанного рецидивиста!.. «День», например, полагающий себя «органом духовной оппозиции», взял милый обычай при любом упоминании законно действующего российского правительства (как бы там ни относиться к тому, как оно действует) в обязательном порядке приписывать: «временное оккупационное». Ну и много других ярких эпитетов, от воспроизведения которых воздержусь...

Что ж, печатный лист лишь отражает происходящее в стране, и, если тот же «День» выносит на первую полосу злословную цитату из печальной памяти К. Победоносцева (о том, что все беды России происходят от безответственных журналистов и свободной прессы вообще), — это дело «Дня», на каких кумиров молиться. Но от ощущения, что в атмосфере беспредела свой вклад вносит и совершенно определенного направления пресса, избавиться все более трудно. И просто поразительно, насколько не боятся люди нарушать законы государства, в котором проживают и патриотами которого к месту и не к месту себя называют.

Люди, называющие себя цивилизованным словом «оппозиция», на Закон, простите за грубость, плевать хотели. И вот публикует «Советская Россия» (та самая, что печатала всхлипы партийного функционера о злоупотреблениях гласностью) очередное «Письмо из Парижа» писателя Лимонова, который выражает из своего прекрасного далека надежду на то, что «москвичи все же уподобятся парижанам в 1789 и 1848 годах и взорвутся». Он полагает, что «мы имеем право ответить на молчаливое насилие режима силовыми методами». Он учит: «Оппозиция должна физически вступаться всякий раз, когда обижены, выселены, приватизированы или обоглажены слабые и бедные». «Подобные акции, — полагает Лимонов, — принесут уважение и любовь народную». Он инструктирует: «Отдельные яркие акции небольших, хо-

рошо организованных отрядов могут быть куда более эффективными, чем многотысячные митинги». И тут же поясняет: «В частности, интересным мне представляются «набеги» румынских шахтеров на Бухарест. В касках, с кирками и железными прутьями шахтеры могут дать почувствовать зарвавшимся наглецам у власти, что мы не намерены терпеть их дальнейшие эксперименты над нами». И вообще: «Опыт Ирана, опыт Бейрута — все годится нам...» Это кому — «нам» — годится «опыт Бейрута», скажите на милость? С Лимонова, конечно, взятки гладки (у себя в Париже попробовал бы он повыступать с подобными «советами постороннего»). Вот и пишет, комментируя московские митинги, с искренним, судя по всему, сожалением, что, хотя «в День армии состоялось физическое столкновение между властью и оппозицией, обещавшее, что конфронтация перейдет в следующую фазу физической борьбы», тем не менее «в следующий исторический день, 17 марта, власть извлекла урок из своего несомненного поражения 23 февраля и отступила. А у оппозиции не хватило мужества броситься в открытую драку...»

Вы уж договаривайте, что ли — какой открытой драки добиваетесь? К какой-то такой «священной войне на улицах» (так и написано!) призываете? В здравом ли уме вы, в твердой ли памяти, друзья дорогие?

Конечно, по-человечески очень обидно, что именно люди, так долго и успешно боровшиеся против всякого подобия свободы печати, сейчас значительно полнее всех других пользуются плодами этой свободы. Но тут уж ничего, видно, не поделаешь. Жизнь в демократическом обществе тем и отличается от жизни, к которой мы так привыкли, что сосуществовать приходится в том числе и с теми, кто лично тебе неприятен. Идеи оппонентов могут не нравиться, может очень не нравиться и то, в какой форме эти идеи выражаются, но — это все вытерпим. А вот эти ли оттачивать свою приверженность к плюрализму и демократии на том, что к этим замечательным понятиям никакого отношения не имеет? На призывах к гражданской войне, к маршам на столицу вооруженных «железными прутьями» провинциалов? На призывах к крови, которую только пусти (с нашей-то застарелой гемофилией) — не останешься.

Мне очевидно, что, если прокуратура хоть сколько-нибудь чтит Законы, на страже которых вроде бы стоит, она обязана возбудить дело по факту публикации парижского писателя в российской газете. Верховный Совет обязан дать оценку российскому депутату Чикину, возглавляющему эту газету. Иначе...

Впрочем, Лимонов вполне членораздельно успокаивает своих московских единомышленников по поводу возможных неприятностей: «Не следует бояться ни уголовных дел, ни тюремных заключений, которые могут быть только кратковременными, ибо национальное патриотическое движение обречено на победу».

И пока «обреченные на победу» зовут в драку...

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

С 17 марта 1917 года на Украине в качестве временного, а с апреля и постоянного правительства учредилась Центральная рада. В июне в ней выделился Генеральный секретариат — аналог Совета министров. Его председателем (а одновременно и Генеральным секретарем внутренних дел) стал 37-летний Владимир Кириллович Винниченко. Известный к тому времени писатель, он представлял в Центральной раде Украинскую социал-демократическую рабочую партию. В революционную деятельность он пришел в 20 лет, став членом Революци-

онной украинской партии, близкой к эсерам. Но уже в 1907 году перешел к украинским социал-демократам.

Вскоре после провозглашения в Харькове Украинской советской республики в конце декабря 1917 года окончилась и первая политическая миссия Винниченко, взявшего на себя тяжелую задачу строительства национального государства. В апреле советскую власть сменило гетманство П. Скоропадского, пришедшего при поддержке германских войск. В ноябре режим Скоропадского пал, и Винниченко возглавил новое правительство — Директорию. Он ратовал за «трудовые советы», за «украинизацию» государственной жизни, за независимую внешнюю политику. А в феврале Киев снова был взят

Красной Армией, и второй искус властью для Винниченко закончился, хотя Директория и просуществовала еще некоторое время.

После ухода из Директории Винниченко эмигрировал, но вскоре, в 1920 году, примирился с советской властью на Украине и даже вошел в состав правительства, став заместителем председателя Совнаркома (национальные «кадры» тогда еще ценили). Третье испытание властью тоже было кратким — к концу 1920 года Винниченко вновь был вынужден эмигрировать. Его стремление совместить любовь к родине со служением идее социализма, интернациональной по своей сути, результата не дало. Умер Винниченко в 1951 году в Париже.

Сегодня мы знакомим вас с выдержками из его «Дневни-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

ка», охватившими его первое председательство в Генеральном секретариате. Записи эти позволяют заглянуть в атмосферу и «кухню» первого украинского национального правительства. Это не только «моментальные снимки», но и диагностика «детских болезней» новой неопытной государственности. Впрочем, они имеют отношение не только к Украине и ее истории...

Господин министр

Владимир Винниченко (1880–1951)

П окупаю стулья, столы для секретариата, хожу по магазинам, принимаю представителей Временного правительства, иностранных журналистов, выдаю деньги членам правительства, рассматриваю проекты различных организаций, что их созидает «беллетрист» Петлюра, пишу статью, веду переговоры с рабочими и солдатскими депутатами за дворец, слушаю советы всех и каждого «брать в свои руки власть», созываю на заседания Секретариат и ношу стулья из других комнат Педагогического музея (месторасположение Центральной рады), чтобы было на чем сидеть. Каждый хватает меня где попадет и требует решения своих дел — посоветовать-де купить книг по истории, сказать, где живет N.N., принять на службу, сказать, когда будет украинское Учредительное собрание, приказывать уездному комиссару, чтобы тот не сожительствовал с женой просителя. Вечером, когда я возвращаюсь домой, швейцар извещает меня, что к моей квартире подбирался три-четыре каких-то подозрительных военных субъекта с какой-то тайной целью. А утром и вечером получаю письма, в которых меня заверяют, что меня вскоре убьют авторы этих писем за то, что я взбаламутил единый русский народ украинством.

Все это называется быть украинским министром. Правду говоря, я когда-то воображал себе положение украинского министра немного другим.

Вдобавок украинские социал-демократы, украинские социалисты-революционеры, всякие украинские «парламентарии», играя в парламент и тому подобные тошнотные вещи, терзают меня почти каждый день всякими «интерпелляциями, запросами, формулами перехода, вотумами доверия и недоверия»...

А сердце болит и тянется к тишине степных дней, к любимой работе — независимой и не менее полезной, чем «портфель министра»... И злость, и грусть, и смех. Генеральный секретариат Украины — это высшая власть в крае. Это всем, кто читает газеты, известно. Но всем, кто читает газеты и не читает их, видно, что

проявлений этой власти, в общем-то, пока очень мало. Господчики из ведомства Кириенко (полномочный комиссар Временного правительства в Киевском военном округе. — Ред.) потешаются над этим, насмеваются, стараются на этой почве подкопаться и завалить данный фундамент, который с такими трудами, камешек к камешку, мы складывали.

Нетерпеливые «свои» требуют, чтобы мы «брали власть в свои руки». Что вовсе не значит, что они знают, в чем может заключаться эта власть. Но жадность к власти чрезмерна. Голод по государственности закатывается от нетерпения. Я не завидую себе, меня просто толкут в ступе всяких требований, кто может удерживать толкач в руках — приходят и стучат. Даже дети, которые не научились держать толкач, и те бьют. Правда, дети больше всего и донимают. Дети да старенькие политики, у которых руки трясутся.

Удивительное дело: чтобы удовлетворить детей и дедушек, нужно очень немного — требуются не дела, не результаты, а поза. Стань в такую позу, будто тебе весь мир подвластен, и ты будешь полностью удовлетворяющим их политиком.

Воистину: все мы — детская нация...

...Я потерял всякую серьезность и почтенность — должен вставать временами в позу, чтобы кого-то переубедить в том, что я действительно искренне, серьезно и почтительно желаю возрождения своего народа. Я падаю от усталости, бессилия, от сознания нашей исторической неподготовленности и в то же время должен представлять, что мы имеем неисчерпаемые силы. Да иначе и нельзя. Героический период нашего возрождения еще не закончился. Надо всеми способами держать линию подъема...

«Меньшинства» хотят сорвать его (Секретариат). Бунд и меньшевики намереваются выступить следом за кадетами из Центральной рады. «Меньшинства» организуются и объявляют нам гражданскую войну. Призраки погромов и резни становятся все более реальными. А край бултыхается в застойной яме, полной дезертиров, воров, демагогов, в яме, полной чада самогонки и самокруток, тайной людоедской агитации и ненави-

сти. Горят спиртовые заводы, горят сахароварни; железные дороги бурлят солдатами, которые серой, дикой, голодной стаей двинулись с фронта домой. «Берите власть, спасайте край!»

А с севера цепко взяли за эту власть и ни на сантиметр не хотят уступить. Разбитый, бессильный, негодный паралитик лютой вцепился задубелыми централистами пальцами за «единую и неделимую власть» и с тупой злостью не пускает. Мало того что плюется, да еще стремится дискредитировать нас, еще пускается на провокации.

О господи, какая это страшная, тяжелая вещь — возрождение национальной государственности. Какой она в исторической перспективе будет казаться легкой, само собой понятной, естественной, и как трудно, с какими сверхчеловеческими усилиями, хитростями, с какими временами отчаянием, злобой и смехом приходится стягивать камни негосударственности, складывать их в то строение, в котором будут так удобно жить наши потомки.

(Записи сентября—октября 1917 года)

Мое положение напоминает мне положение человека, которому отрезали руки или ноги. Рук уже нет, вместо них висят пустые рукава, но ощущения еще остались: чешется ладонь, побаливает мизинец от старого ревматизма; когда муха села на нос, хочется согнать ее рукой и кажется, что даже поднимается рука. Так само и с Центральной радой, с Секретариатом. Отрезано — рук нет, порожние рукава, а ощущение такое, что я имею руки, сжимаю кулаки от гнева, кого-то хватаю и отпихиваю в сторону от того, что я имею в руке, что только что сложил этими самыми руками...

И вновь возникает вопрос: неужели мы, сами того не зная, не ощущая, выступаем как контрреволюционеры? А что если народные комиссары имеют больше резонанса, ведя Россию и с ней Украину к социалистической революции?..

Бедная наймица, служанка, захотела пожить в своем доме госпожой. Несчастливая нация, над которой так злобно и жестоко насмеялась история... Не донесла богатства, не стало сил, слишком много набрали...

В том, что подавляющее большинство большевиков не ведают, «что творят», — в этом никаких сомнений уже быть не может. Что широкие массы не осознают конечной цели этого движения, в котором сами принимают участие, — это тоже истина; что ими руководит простой инстинкт социального мышления, идея грубой, элементарной справедливости, а также низшие ощущения и наклонности человеческой природы — все это так. Тысячи человеческих жертв, пролитая кровь, разрушенная жизнь десятков тысяч, факты самоубийств, разрушения хозяйственной, политической, жизненных машин — все серьезные факты; это не шутки, но такие поступки, которые делаются осознанно и ради определенной цели, для достижения которой они разрешают себе это все допускать. Ибо страшно подумать, что люди могут ради минутной власти причинить столько горя. Они уже не могут не видеть, что затеяли страшную большую игру, в которой могут проиграть и свою жизнь.

И все же они делают. Что же это? Неужели это вера, непоколебимая вера в достижение своей цели? Неужели они так глубоко и твердо убеждены, что в России в полной мере возможны социальная революция и социалистический строй?

А ведь надо целиком, без остатка, без капли сомнений быть убежденным в этом. Ибо как только появляются тень сомнения, гадания на ту или иную сторону, то это уже не абсолютная вера, это уже не осуществление неизбежного, неминуемого и нужного, а это будет только проба, эксперимент, угадывание, нащупывание. А если так, то где взять отваги на страшную, такую кровью оплачиваемую попытку? И как они не боятся наказания за это? Наказания своего собственного, мук внутренних,

раскаяния, сумасшествия? И нужно действительно без колебаний верить в свое дело — или быть героями. Ибо они должны же знать, что им негде спрятаться, если дело будет проиграно. Реакция так же сама будет расстреливать и убивать их, как они это делают с другими. А бросая вызов западноевропейской буржуазии и ее правительствам, они не будут иметь возможности убежать и за рубеж, их ждет неминуемая смерть. Обыватель сам разделит их на куски. Или же они все же таки, растапывая всякий демократизм, ломая буржуазные законы и постановления, имеют в виду возможность спрятаться где-то в Швейцарии или в Англии под их защиту? Возможно, уже все имеют приготовленные паспорта, деньги, приготовленную одежду.

Хорошо, но если посмотреть на дело с другой стороны, когда взглянуть попроще, а именно, что идет действительно борьба богатых с бедными, что беднота взяла власть и хочет сбросить господство «буржуазии»? Все правда: и много жестокости, и брутальности, и ненужной злобы, и много всяких ошибок и тому подобное. Но основной факт тот, что массы бедноты целиком верят Народным Комиссарам (так у В.В. — Ред.), что они охотно пойдут за ними, что вся беднота — большевики, что Народные Комиссары — с ними, с беднотой, и брутальности, и ненужной злобы, и много всяких ошибок и тому подобное. Но основной факт тот, что массы бедноты целиком верят Народным Комиссарам (так у В.В. — Ред.), что они охотно пойдут за ними, что вся беднота — большевики, что Народные Комиссары — с ними, с беднотой, и брутальности, и ненужной злобы, и много всяких ошибок и тому подобное.

Хорошо, но если посмотреть на дело с другой стороны, когда взглянуть попроще, а именно, что идет действительно борьба богатых с бедными, что беднота взяла власть и хочет сбросить господство «буржуазии»? Все правда: и много жестокости, и брутальности, и ненужной злобы, и много всяких ошибок и тому подобное. Но основной факт тот, что массы бедноты целиком верят Народным Комиссарам (так у В.В. — Ред.), что они охотно пойдут за ними, что вся беднота — большевики, что Народные Комиссары — с ними, с беднотой, и брутальности, и ненужной злобы, и много всяких ошибок и тому подобное. Но основной факт тот, что массы бедноты целиком верят Народным Комиссарам (так у В.В. — Ред.), что они охотно пойдут за ними, что вся беднота — большевики, что Народные Комиссары — с ними, с беднотой, и брутальности, и ненужной злобы, и много всяких ошибок и тому подобное.

И какое должно быть положение человека, который никогда не стоял за интересы богатых, который всю жизнь положил на идею революции, но который не верит, что большевистским путем можно помочь этим идеям реализоваться. Что ему делать?..

...Мне грустно и тоскливо, и хотелось бы, чтобы того великого недоразумения, которое случилось между Радой и Народными Комиссарами, не было. И, может быть, тогда по-иному пошла революция. И когда бы она не дала социализма теперь, то по крайней мере не отбросила бы его осуществление так далеко, как, вероятно, теперь. Но в любом случае это бы произошло и без нашего участия, без участия настоящих социалистов Украины, каких теперь принуждают к союзу со своими социальными врагами.

Читать украинскую историю надо с бромом — до того это одна из несчастных, бестолковых, беспомощных историй, до того больно, досадно, горько, грустно перечитывать, как несчастная, затравленная, задержанная нация только то и делала за все время своего государственного (а точнее, полугосударственного) существования, что огрызалась на все стороны: от поляков, русских, татар, шведов. Вся история — ряд, непрерывный ряд восстаний, войн, пожаров, голода, набегов, военных переворотов, интриг, ссор, подкопов. Не то ли самое начинается теперь? Только хотели жить государственной жизнью, как начинается старая история: Москва всеми силами вцепилась и не желает выпустить. С другой стороны уже стоит Польша, готовившаяся легионы. Пришел более сильный, выгнал Москву, оттолкнул поляков и сам схватил за горло и выдавливает все, что может. А со стороны присосалась и четвертая — Австрия.

А посредние все то же самое. Паршивые чиновники, национальный мусор, паразиты и злодеи продают на все стороны: кто больше даст. Потомки прадедов поганых (как говорил Т.Г. Шевченко) повторяют поганые дела дедов-поганцев. И растерзанный, затравленный народ, опять беспомощный, ждет, какому господину его отдадут. Выгодно будет владельцу немцу отдать Москве — отдаст. Выгодней себе оставит — оставит. Нет, нет, ни украинской истории, ни украинских газет нельзя читать без брома. Нельзя без валерьянки или без доброй порции философского предостережения...

(Записи января—февраля 1918 года)

Публикацию подготовил кандидат философских наук

Иван Задорожнюк

«Москва — для меня как родной дом» — так начал свою беседу со столичными телезрителями один из основателей Народного фронта Азербайджана 37-летний ученый-биофизик **Хикмет Гаджи-заде**, который приступил к исполнению обязанностей полномочного представителя Азербайджанской Республики в Москве.

Бакинская молодежь 70-х годов хорошо помнит его как популярного рок-гитариста, приводившего в восторг слушателей своими виртуозными импровизациями на студенческих фестивалях.

Кандидатскую диссертацию по проблеме ионного транспорта в биологических мембранах Гаджи-заде писал в Москве. Научные руководители Хикмета настаивали на том, чтобы молодой ученый продолжил свои исследования в одном из престижных столичных центров. Но тяга к родному краю оказалась сильнее.

С подъемом демократического движения в Азербайджане научной карьере Гаджи-заде был положен конец. Среди 15 членов первого состава правления НФА значилось и его имя. Один из идеологов фронта, он основал газету «Свобода» на русском языке и стал ее первым редактором.

Первая рабочая неделя Х.Гаджи-заде на новом месте завершилась на приятной ноте: впервые в полпредстве в Москве состо-

ялся государственный прием по случаю 74-й годовщины создания независимой Азербайджанской Республики.

По стопам Кевина Костнера, выступившего в защиту индейцев сиу в своем фильме «Танцы с волками», пошла и другая звезда американского экрана — **Роберт Редфорд**. Знаменитый актер и режиссер снял документальный фильм о некогда люби-

мом герое репортажей советских журналистов-международников — Леонарде Пелтиере, который уже 15 лет находится в тюрьме по обвинению в убийстве. Редфорд, убежденный, что один из вождей племени сиу Пелтиер пал жертвой заговора властей, требует назначения нового процесса.

Беды Леонарда Пелтиера начались в 1972 году после захвата его соплеменниками местечка Вундид Ни и создания Движения

американских индейцев. Руководитель движения Пелтиер был обвинен в убийстве двух агентов ФБР, но даже судебные инстанции допускают, что процесс над ним проходил с многочисленными нарушениями судопроизводства. Так, суд даже не принял во внимание тот факт, что пуля, убившая агентов, не могла быть выпущена из оружия Пелтиера.

Документальный фильм под названием «Инцидент в Оглага» (резервация индейцев

в Южной Дакоте) демонстрируется во многих американских городах и уже получил широкую поддержку общественности. Более того, Редфорд выступил в одной из комиссий конгресса США. «Я не знаю, виновен Пелтиер или невиновен, но я знаю, что судебный процесс проводился с грубейшими нарушениями», — заявил тогда американский актер.

Газеты отмечают, что вот уже второй раз за последний год Голливуд вынуждает политиков принимать решения по проблемам, которые десятилетиями обходили стороной. Первый раз это было после фильма Оливера Стоуна «J.F.K.», когда ЦРУ пришлось рассекретить некоторые документы, связанные с убийством президента Кеннеди. Газеты отмечают, что Голливуд начинает становиться «четвертой властью», претендующей на место, которое в 60–70-е годы занимали газеты, радио и телевидение.

Советский комитет солидарности с народами Латинской Америки отныне продолжит свою деятельность под названием Российского комитета сотрудничества с Латинской Америкой. Возглавлять новую организацию по-прежнему будет 64-летний **Карэн Хачатуров**.

Доктор исторических наук, профессор, автор многих книг о Латинской Америке, Карэн Хачатуров всю

Джек-душитель, Джек-писатель

Австрийский писатель **Джек Унтервегер** подозревается в том, что за два года он убил по меньшей мере шесть проституток.

...Он был просто сутенером, когда в 1971 году задушил бюстгальтером восемнадцатилетнюю девушку легкого поведения. За это австрийский суд приговорил Джека к пожизненному заключению. В тюрьме он занялся самообразованием, стал писать романы, получив за один из них — «Последняя остановка — тюрьма» — престижную австрийскую премию по литературе. Мало того, находясь за решеткой, он ухитрился принять участие в создании литературного журнала «Вортбрюке».

На его литературные вечера в здание тюрьмы съезжались известные австрийские писатели и журналисты.

Среди деятелей австрийской культуры возникло движение за досрочное освобождение этого «социально исправившегося человека, ставшего талантливым писателем». При этом многие ссылались на автобиографический роман бывшего убийцы — «Чистилище, или Прогулка в тюрьму», в котором автор сводит счеты со своим прошлым, рассказывая о своем несчастном детстве, матери-проститутке, отце, которого никогда не видел, вечно пьяных родственников. (Прежде чем попасть в австрийскую тюрьму, Унтервегер успел четыре года отсидеть в колонии для несовершеннолетних и еще двадцать лет в различных местах заключения Швейцарии и Германии.) Вскоре роман «Чистилище» привлек внимание кинематографистов, по книге сделали фильм, который представлял Австрию на Монреальском международном кинофестивале. В самой Австрии фильм получил так называемую Венскую кинематографическую премию.

Усилия австрийских деятелей культуры увенчались успехом в 1990 году: компетентная комиссия экспертов пришла к выводу, что «писатель-заключенный» полностью перевоспитался и более не представляет опасности для общества. Унтервегера досрочно освободили.

Однако в октябре 1990 года происходит несколько убийств проституток, и разного рода совпадения, подозрения и даже улики снова привлекают внимание полиции к фигуре Унтервегера, который вместо объяснения с властями предпочитает скрыться. Австрийская и мировая пресса снова заговорила о «писателе-убийце», которого неожиданно арестовали... в Майами по подозрению в убийстве еще двух проституток в Лос-Анджелесе. Сейчас судебные инстанции США рассматривают целесообразность выдачи Унтервегера австрийским властям.

А тем временем среди австрийских деятелей культуры, принимавших активное участие в досрочном освобождении писателя, разгорается полемика о вине каждого из них за излишнюю снисходительность к Унтервегеру.

деловая газета».

Юрий Осипов, главный редактор Рекламно-издательского дома «Имидж», выпускающего эту газету, считает, что пора приобщать подрастающее поколение российских предпринимателей к цивилизованному бизнесу. Профессиональный журналист, Осипов работал в «Огоньке», «Нашем наследии», «Советской культуре». Затем судьба свела его со старшим коллегой Леонидом Коганом и они основали свое издательское дело, которое теперь имеет несколько самостоятельных подразделений.

жизнь отдал АПН, откуда ушел с должности заместителя председателя правления. Из его книг и брошюр читатели узнавали об экспансионистской политике американского империализма в Латинской Америке, о латиноамериканских коммунистах — «самых последовательных и мужественных борцах за народное счастье», растущем влиянии там идеи марксизма-ленинизма и КПСС.

Рассказывая о военном режиме Пиночета в Чили, Карэн Хачатуров отмечал, что хунта «оптом и в розницу вела публичную распродажу природных богатств страны», а «международные валютчики» из МВФ и иностранные монополии подобно «воронью на кровавом пиршестве растаскивали по частям хрупкий организм чилийской экономики».

Старый новый председатель Хачатуров сказал журналистам, что одним из первых мероприятий нового комитета станет научный семинар с участием чилийских экспертов, которые, по его словам, «осуществили получившую повсеместное признание экономическую реформу».

Отныне у проворных ребят, моющих на перекрестках стекла машин, да и вообще у всех предприимчивых тинейджеров появился новый наставник и партнер — «Детская

авторитетах. Викторины и конкурсы, настольные деловые игры, практические советы где и как заработать подросткам, сенсации спорта и рок-музыки...

Распространять «ДДГ», по замыслу издателей, должны сами подростки. Таким образом они реально смогут приобщиться к бизнесу, получая честно

заработанный процент от каждого реализованного экземпляра.

Л.Костюнина

«Вы лентяи», — говорил мне, сравнивая нас, русских, с китайцами, **Йо Глахе**, основатель и глава немецкой фирмы «Глахе интернациональ». Оценка малопрятная, но, видимо, справедливая, поскольку Йо Глахе уже более четверти века ведет дела с нашей страной, а с недавних пор и с Китаем. Так что может сравнивать.

Полвека назад он начинал, словно в легендах про миллионеров, с сорока марками в кармане. А сегодня фирма имеет отделения почти в 40 странах по всему миру. «Глахе интернациональ» прежде всего проводит

выставки и ярмарки. Но не только. В сфере интересов фирмы входят маркетинг, консалтинг, аналитические исследования рынков, предоставление клиентам всевозможных прочих услуг, связанных с бизнесом.

Сам Йо Глахе когда-то был художником-экспрессионистом. Но потом забросил живопись, целиком отдавшись бизнесу. «Это всего лишь пауза в моем творчестве», — считает он. Кёльнская фирма Глахе — единственная частная фирма в мире, специализирующаяся на выставочном бизнесе.

Контакты, оставшиеся с прежних времен, видимо, помогают Й.Глахе и сегодня ориентироваться в хаосе нашей экономической жизни. Он не теряет оптимизма, когда говорит о перспективах России, отдавая себе отчет в тех сложностях, которые ждут и нас, и его. «Вам необходимо скорее решить вопрос об отношениях собственности, — убежден он. — Как только это произойдет, все должно начать выправляться».

А пока что он продолжает интенсивную подготовку к проведению в этом году 17 выставок — в Москве, Санкт-Петербурге, Перми. Предстоящее МОСАЭРОШОУ-92 в августе в подмосковном Жуковском — одно из любимых детищ Йо Глахе.

Д.Погорельский,
соб. корр. «НВ»
БОНН

«Холодная как канадская зима»

«Самой горячей акцией» на мировой бирже фотомodelей называют 21-летнюю канадскую манекенщицу **Ясмин Гаури**. Она действительно очаровательна. В мировой классификации самых стройных, оборотливых и прелестных девушек она сегодня бесспорно № 1.

Взлет Ясмин на Олимп, как говорит сама девушка, произошел случайно. Она всего-то и успела сфотографироваться в спортивном костюме по заказу рекламной фирмы для нескольких канадских магазинов, как раздался звонок из Парижа: законодатель мод Ив Сен-Лоран приглашал ее на свое шоу. С того дня, рассказывает Ясмин, все и началось: бесчисленные перелеты из города в город, из страны в страну (самолет стал для Ясмин вторым домом), тренировки, переодевания, съемки, репетиции, ежедневный заработок 7 тысяч долларов...

Но при всех своих достоинствах Ясмин остается девушкой неприступной и холодной «как канадская зима» (так пишут о ней газетки). Еще в школьные годы дочь немки и индейца из Торонто больше была склонна проводить время за учебниками по математике, чем на вечеринках с мальчишками. Став известной и богатой, она не изменила своего отношения к мужчинам: «Общение с ними ужасно, — говорит Ясмин. — Достаточно сказать ему несколько фраз или улыбнуться, как тебя принимают за по уши влюбленную девчонку. Поэтому я никогда не улыбаюсь, чтобы не быть превратно понятой».

За непродолжительную жизнь блистательной манекенщицы Ясмин, по ее словам, уже успела повидать много грязи: «Люди смеются вместе с тобой, а через секунду рассказывают о тебе гадости». Наверно, приговор Ясмин мужчинам и обществу в чем-то справедлив, и ее максимализм не только от молодости. И все же чертовски обидно, если оборотливая Ясмин окажется права.

Богатые тоже плачут?

Дворянское собрание, клуб миллионеров — что в них дурного? Может быть, то, что нет у нас культуры богатства...

Инна Руденко,
собственный корреспондент
«Нового времени»

ХРАМ СВЯТОГО ДУХА В ГРАДЕЦ-КРАЛОВЕ. Глаз, утомленный золотым роскошеством барокко, отдыхает на величии, которое не кичится собой, а себя являет — словно вырубленный скупым резцом из одного камня, поднимается высь, смиряя суетность желаний, строгое, исполненное достоинства сооружение.

А прямо напротив храма — дом, на фронтоне которого прочитывается имя прежнего владельца: Петроф.

Градец-Кралове известен в мире не своим храмом, а фабрикой по производству роялей. Основанная еще в 1886 году семьей выходцев из России Петровых, в 1948-м, когда к власти пришли коммунисты, эта фабрика была отобрана у владельцев, их провели через лагеря и тюрьмы и навсегда запретили заниматься родным ремеслом. И это при том, что марку «Петроф» с роялей не сняли!

Ныне по принятому в Чехо-Словакии закону о «реституции» — «исправление имущественных несправедливостей» — фабрика возвращена истинным владельцам. Скоро в их руки перейдет и дом рядом с храмом. А в Праге недавно состоялись шумные торжества по поводу возвращения знаменитого Бати — новый обувной магазин сверкает роскошными витринами и не менее «роскошными» ценами. Потомки старинного рода Лобковиц получили четырнадцать замков, дворцов, включая музей Антонина Дворжака, тысячи предметов старины, библиотеку в сто тысяч томов, а еще ипподром, пивзавод, десятки домов, сотни гектаров земли — имущество, оцениваемое в несколько миллиардов крон. Имущественная справедливость восстанавливается?

В газете «Праге» читаю коротенькую заметку: «Лучше смерть, чем безработица, — так решил 30-летний Йозеф В., сотрудник городского транспорта из Пардубице. Потеряв место и не вынеся этой потери, он бросился под колеса поезда... Почему-то вспоминается, как в другом городке Ронднице-над-Лабой местный краевед рассказал мне, как в пролет лестницы знаменитого рондницкого замка бросился бывший его хранитель. Не вынес того, как на его глазах разрушались художе-

ственные ценности — в замке-музее стояла воинская часть. «Мы рады тому, что в замок вернется прежний владелец».

Такие разные — из разных времен — смерти... Что, нет и не будет мира под оливами?..

Сообщение газеты «Праге» мой знакомый, студент Карлова университета, откомментировал так: «Что делать — слабый человек этот Йозеф В. Ведь сейчас за малую сумму в тысячу крон каждый может стать владельцем акций и при желании и умении разбогатеть. Да такого ни в одной бывшей соцстране нет!» И показывает мне другую заметку из журнала «Экономист», где 84-летний пенсионер Иржи Персен утверждает: «В районе реки Бироунки, где я живу, каждый кто хочет найдет работу».

Сам он, долгие годы ведущий скрупулезный подсчет своих доходов и расходов, несмотря на рост цен, считает, что его положение не ухудшилось — благодаря различного рода компенсациям и дотациям.

Не только пенсионерам, а всем имеющим заключение врача, санаторные путевки выдаются бесплатно, но что в бюджете Чехии выделено 70 миллионов крон. В дома отдыха для детей и инвалидов — скидка от 50 до 70 процентов (вспомою в связи с этим недавнее интервью нашего представителя в международной финансовой корпорации корреспонденту «Комсомолки»: «Если вы каждую минуту будете вспоминать о льготах инвалидов, многодетных семей и прочих, вы навсегда останетесь жить при коммунизме»).

Но ведь и то верно, что в будущем году, о чем чехо-словацкое правительство не преминуло предупредить, подобная социальная защита уменьшится. Нищих здесь, как в Москве, не увидишь. И все же, все же... Социальное расслоение растет, а одним святым духом сыт все же не будешь.

Человеку, расстающемуся с разного рода мифами, наверное, труднее всего расстаться с мифом о социальной гармонии. И на земле, а не в потустороннем мире.

ОЛЬШАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ПРАГЕ. Знаменитое Ольшанское кладбище, где в строгом строю серых, как солдатские шинели, памятников, лежат наши мальчики, погибшие за освобождение Праги. Чисто, тихо, лежат цветы. А там, подальше, у православного храма, где покоятся

потомки знаменитых и не очень знаменитых русских родов, писатели и врачи, инженеры и педагоги, могилы долгие годы были заброшены — эмигранты. И вот молебен на Ольшанах — освящаются новые надгробия и деревянные кресты, изготовленные и привезенные из Москвы группой энтузиастов, которые стараются привести в порядок места упокоения всех русских за границей, независимо от того, во что они верили при жизни. Наш посол возлагает цветы у нового надгробия князей Гагариных. Можно ли было это представить еще вчера?

Вспомою русскую деревеньку Новое по дороге на Ярославль, десятки лет реставрируемый, но до сих пор не действующий прекрасный храм, поставленный одним из князей Гагариных, полуразрушенное, грязное, разбитое здание невдалеке. Раньше это был дом Гагариных — теперь интернат для умалишенных. Если не ума, то памяти лишённые все мы были так или иначе. Но и возродить память нам все же не по «Памяти».

Один из потомков князей Гагариных, живущих за границей, собирает и там, и в России силы для программы «Возрождение». Но что интересно, возражают те, кто на каждом перекрестке стал криком кричать о своем благородном происхождении? Ну просто все у нас сейчас столбовые дворяне или на худой конец купцы первой гильдии! Куда ж подевались кухаркины дети?

Дворянское собрание, клуб миллионеров — что в них дурного? Но, когда рядом читаешь о том, что в Хабаровском крае срочно раскуплены ночные эмалированные горшки по четырнадцать рублей и используются как кастрюли, потому что те стоят от двухсот до четырехсот, что такое скребет в груди. К тому ж иные дворяне с экрана телевизора рассказывают нам о своем благородном происхождении таким «новоязом» и с такой кичливостью, что у зрителей, предки которых знамениты лишь тем, что пахали землю, кажется, вот-вот пепел Клааса застучит в сердце. И снова дворянское собрание, и лицеи, и гимназии, и институт благородных девиц — прекрасно. Но нравы-то, нравы-то не облагораживают — наоборот. Почему?

ПЕРЕДАЧА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ ИЗ МОСКВЫ. Два предпринимателя — мужчина и женщина — с некоего возвышения отвечают на вопросы аудитории. Пока аудитории не видно — все сносно. Ну туповат и жирноват мужчина, так он же не спортсмен и не доктор наук. Ну излишне декольтирована и излишне самоуверенна женщина, так, может

быть, это способ самообороны? За-видовать преуспевающему соседу — этому нам учиться не надо. Но вот камера показывает аудиторию.

Бывшая библиотекарь бывшей Ленинки негромко, не жалуясь, но очень горестно говорит, что день и ночь теперь думает: как выжить? А ей в ответ: «Вопрос из совдепии!»

Немолодая женщина так же негромко и мягко спрашивает: «Не кажется ли вам, что в то время, когда люди голодают, не очень прилично демонстрировать различные презентации и ночные казино, где едят икру ложками?» И снова с возвышения: «Типичный вопрос «совка!» (почему-то вспомнился известный возглас Марии-Антуанетты: «Если нет хлеба, пусть едят пирожные»).

Двадцать дней прожила я в разных семьях Америки. И только к концу пребывания разобралась, какая из этих семей богаче, какая беднее — ни в еде на столе, ни в обычаях делать покупки, ни в поведении, ни в одежде, ни в манере держаться ничто не выдавало имущественное различие. Представляю, как иностранцы поражаются купеческим замашкам наших нуворишей.

Далека от мысли, высказанной недавно на страницах «Правды»: «Где большие деньги, бизнес пойдет на все». В понятии бизнесмен должно

стереть презрительно-осуждающий оттенок. Но откуда то презрительно-сниходительное отношение, которое демонстрировала пара бизнесменов на возвышении? Вера в свою правоту — это все же не вера в свое превосходство. И какое отсутствие элементарного сострадания, желания помочь, посочувствовать...

Давно не читала такой силы искренности и боли человеческий документ, как записанная известным Александром Васинским исповедь женщины, стремящейся уехать из страны во что бы то ни стало. Хотя вполне может обеспечить себя здесь материально. Но «процветать среди нищеты стыдно» — так она утверждает. Правда ли? Ведь, как говорят, богатые люди — богатая страна. А возможно, она о другом? Где-то недавно прочла: «Мы потеряли «культуру бедности». Не знаю... Но вот «культура богатства» — существует ли она?

Здесь, в Праге, недавно шумно рекламировался благотворительный бал с фантастической стоимости билетов, дамами в длинных платьях, «мерседесами» у подъезда и так далее и прочее. Был приглашен сам президент. Но на балу не появился, сказавшись больным. Не дипломатическая ли это болезнь? Группа молодежи, как писали газеты «анархистствующей», забросала подъезд здания, где проходил бал, тухлыми яйцами. А другие молодые поступили иначе: провели, выражаясь по-современному, «альтернативный бал» — развели прямо на площади котлы, поставили котлы и раздавали бесплатно сваренный тут же суп.

СООБЩЕНИЕ ЧЕХО-СЛОВАЦКОЙ ПРЕССЫ: среди бестселлеров две книги — «Жизнь после жизни» Раймонда Мууди и «Летние размышления» Вацлава Гавела. При вспыхнувшем, как и у нас, интересе к ранее запрещенным темам, при обилии литературы о том, как стать богатым, — стрелка читательского компаса здесь оказывается повернута в сторону философских проблем бытия. Потому что не только произведение американского философа и врача, но и книга чехо-словацкого президента именно об этом — о каких бы проза-

ических вещах Гавел ни говорил, в том числе и о рынке, который назвал самыми естественными экономическими отношениями, он неизменно поверяет их морально-философскими категориями.

Интересно, а что бестселлер у нас? Какие произведения духовных отцов нации в центре общественного внимания? Впрочем, судя по тому, какую неистовую энергию они вкладывают в дележку дач, машин и гонораров, им не до создания духовных шедевров. А классическая русская литература подвергается такому пересмотру — один за другим сбрасываются с корабля современности прежние кумиры, таким нападкам за свое учительство, что, глядишь, в бестселлеры выйдет новая «Родная речь», рекомендованная школьникам Минпросом, где небезызвестный Митрофанушка — «единственное светлое пятно», а Стародум и его окружение — люди, «которые могут вводить войска и комендантский час». Да что Митрофанушка — и менее известного героя романа Петра Боборыкина вспомнили: «судовладельца и пайщика пароходного товарищества, который начинал с несколько сомнительных махинаций, а затем пожелал стать благодетелем родного края». Что уж говорить о гончаровском Штольце и чеховском Лопухине?

«Мне кажется, русская классика просто не успела разглядеть в жизни новый тип деятеля, делового человека», — огорчается известный писатель. «Нам еще не до высших мгновений, нам бы пока усвоить азбуку делового эгоизма», — утверждает известный критик. А не связаны ли теснее, чем мы думаем, эти два, казалось бы, противоположных понятия: азбука предпринимательства, успех экономических преобразований и забота о том, что выше бизнеса? Рынок — рынком, а литература — литературой? И прав современный философ, утверждающий, что «идеи, плодотворные в искусстве... могут быть неплодотворными и опасными в общественной практике»?

...Новая передача по телевидению: празднование дня рождения Жириновского. Тут тебе и бывшая дача Берия, и участие в веселье «Менатеп», и пьяная гитара — гуляй, не хочу.

Впрочем, как утверждают иные из моих коллег, поговорка «Бедность — не порок» устарела. Не знаю... Что богатство — не порок наверняка. Вот только не сбросить бы с корабля современности еще и графа Льва Николаевича Толстого, роняющего слезы при виде поданной ему редиски с маслом, — его крестьяне-то масла не едят...

Впрочем, может быть, вопреки названию ныне идущего телевизионного шедевра, богатые и не должны плакать?

Рисунок Виктора Богорада

ПРАГА

Придите и кормите!

Виталий Ганюшкин

Ну все, братья-славяне, кранты! Кажись, приехали. Сушим сухари, соль, спички запасаем. Землянки партизанские роем по брянским лесам нашим. В подпольные обкомы — лучших, надежнейших. Генералиссимуса, может, на этот раз с упреждением обозначим, чтоб потом не хватиться? Претенденты достойные вон они — затылок в затылок: не оскудела, чай, земля расейская талантами полководческими! Вся генеральская рать первой шаг вперед сделает — только клики. Да и солдат тот плох, что в генералы (а там и до генералиссимуса рукой подать) не метит. Армия, она у нас всегда в полной боевой готовности. Вот про ополчение народное не забыть бы в суматохе. Краткосрочные курсы иванов сусаниных опять же...

Вы что, не слышали? Супостат на пороге! На самом бывшем фламане советской печати залпом «Авроры» набат вдарил: «Отечество в опасности!» «Кто не хочет кормить свою армию — тот будет кормить чужую». А вы, растяпы, политицики малограмотные, морально слабоустойчивые, норовите все по магазинам да по делишкам своим мелкокалиберным шастать. А тут керосином запахло, палёным, можно сказать. Шутка ли: рать иноземная на наше Отечествовоопасности кормиться идет!

Нашли тоже время, мистерá империалисты: тут со своей несокрушимой да легендарной не знаем куда деваться, а те еще и колониальную на нашу голову. Не иначе спятили, как тот, Форестолл смертью героя пал с кличем «русские идут». А у нас-то своих служилых, дай бог память, миллионов пять все еще на довольствии котловом состоит. Да тьма-тьмущая генералов «пятьдесят лет в строю, ни одного в бою»: по довольствию котловому каждый, поди, за роту сойдет.

Ну, придете вы, ну завоюете, ну оккупируете... Ну и что? На что рассчитываете-то, стратеги плёвые? Недра наши, богатства земляные? Так мы их давно уже на ту же армию скормили, а все никак не накормим. Вот броня у нас, и правда, крепка, тут уж не обессудьте. Броненепробиваемая броня, истинный крест. Так ведь ее в полевою кухню не заправиль.

А, нет! Вы, значит, на наше народонаселение талантливое трудолюбивое губу раскатали! Даровая работа вам спать не дает. Только и тут

не пляшет ваша. Ну уж, дудки! Придется ведь и его вместе с армией на довольствие ставить. Вернее и эту армию тоже. Точнее — армии. Армию безработных в том числе (и в большом) и без отрыва от производств. Армию чинодралов, что вооруженные силы превосходит личным составом многократно. Армию пенсионеров-ветеранов (иные еще голос Лена слышали, да и теперь слышат!). Армию пенитенциарную, что растет ныне в числе не по дням, а по ночам. Тихую армию, которой и в форме-то обозначаться не рекоменда-

Рисунок Ф. Ярикова

дуется. Ну и под завязку — всенародную уже армию, сформированную из всех нас, захваченных и оккупированных на огромных просторах, что раскинулись за той самой чертой нищеты. А ведь все это, вместе взятое, ест, пьет, отдыхает, губит окружающую среду; к сексу, нашему, советскому, который самый сексуальный в мире, пробудившийся вкус активно удовлетворяет; гуляет в меру сил и возможностей, митингует, голосует, режет и грабит одно другое; ворует: каждый по труду (по месту работы то есть), каждый же — по способностям; воюет уже и без вас, супостатам, там, где находят нужным. И всё и вся делит, делит и делит. А вот делить-то больше уже и нечего.

Так что на вас, захватчиков, оккупантов, вся надежда осталась. У нас, советских, хоть и собственная гордость — из чужих рук не едим, но уж тут по мере объективной необходимости и единства противоположно-

стей (вам-то это, поди, не знакомо!) можем и поступиться. Если, конечно, ваше кормление гуманитарным будет. Вот тогда: идите и владейте. Не оставлять же Отечество в вечной опасности. А как нас накормите, то чего же не поделите: мы и чужую армию прикармливать станем. Щи у нас суточные или пельмени сибирские больно хороши. А уж про икры, да рыбу белорыбицу слов нет — дуршат слезы. Это всё мы и сами любим и других угощать охочи, был бы сам продохт. Вот вы нам его, на наш народный стол поставьте, мы, может, тогда из землянок партизанских и повылазим да вместиах и гульнем на бывшем поле брани. Замиримся то есть. Пока продукт не кончится. А там посмотрим.

Так что: придите и кормите, тогда, глядишь, на всех хватит. А нет, так мы это дело, Отечество это, так, в опасности, не оставим. У нас с этим строго. Международная обстановка взрывоопасная, сами понимаете, просто обязывает нас сделать все, все необходимое и даже не необходимое для поддержания вооруженных сил Отечествовоопасности на должном уровне. Даже если кормить их будет нечем. Главное не в кормежке, а чтобы постоянная боеготовность номер один, неуклонный чтоб рост, значит, уровня боевой и политической подготовки. А тут разносолов не нужно — генералы нужны, а их у нас — мы ведь тоже не лаптем щи хлебаем — уже и дач не хватает.

Как говорится, исторический выбор за вами, господа империалисты и их прихвостни: или корма на наш народный стол, или — вставай, страна огромная! А то ведь охочих до нашего расейского пирога и без вас немало набирается. То финнам Карелия наша заснилась, то японцам наши острова, то гетман Кравчук ядрами жонглирует, а там, глядишь, и иго какое-нибудь о себе заявит. Этак допрыгаемся, что и в опасности нечего будет объявлять. А как же без нее, без опасности, одна безопасность получается. И куда ж тогда народ-то поднимать прикажете? Ведь в опасности-то оно как у Христа за пазухой. А без нее вроде бы и делать нечего и укреплять чего тогда?

Да кому мы нужны-то, говорите? Э, не скажи. Если надо, мы ведь и сами можем занадобиться, хоть сервис у нас и не навязчивый. Потому нам армию свою не кормить никак невозможно. Все с себя спустим, а ее, матушку, будем держать до последнего. Пока не грянет опасность над нашим Отечествовоопасности. Пока гром победы не раздастся.

**Берем крепости, города, офисы, конторы.
Проходим сквозь стены и любые завалы.**

*Для наших
клиентов нет преграды,
если их реклама в журнале
«Моя Москва».*

☎ 299-66-75 отдел рекламы

29 31

150 ТОНН НА «РУСЛАНЕ»

Акционерное общество «Волга-Днепр» – коммерческая транспортная авиакомпания для осуществления международных и внутрисоюзных перевозок грузов самолетами АН-124 «Руслан» грузоподъемностью до 150 тонн.

Акционерное общество «Волга-Днепр» создало совместно с авиакомпанией «Хевилифт Карго Эрлайнз», входящей в международный многоотраслевой конгломерат «Трафальгар Хауз», британо-советское предприятие «Хевилифт-Волга-Днепр» с регистрацией и базированием в Лондоне.

Адрес: Россия, 432062, г. Ульяновск-62, ул. Карбышева, 14,
АО «Волга-Днепр»; контактные телефоны: (8-842-2)
20-26-71; 20-14-97; 20-34-64.
Факс (8-842-2) 20-49-97
Телекс 21-41-58 VOLDN SU